

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 33
2018**

Архангельск

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2018. № 33

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2018

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2018

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017); RSCI на платформе Web of Science (2018). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" (also known as "Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate El no. FS77-42809, November 26, 2010; at the system of Elibrary, license contract no. 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016). Also in the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017); RSCI based on Web of Science (2018). The journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://www.arcticandnorth.ru/en/requirements/>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science.

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid.

All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including but not limited to RSCI, DOAJ and OAJI, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://arcticandnorth.ru/en>
We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- КАЛИНИНА М.Р., КОНДРАТОВ Н.А.** Инновационный вектор конкурентоспособности стран Северной Европы: опыт Швеции 5
KALININA M.R., KONDRATOV N.A. The innovative vector of the Nordic countries' competitiveness: case of Sweden
- ЛИПИНА С.А., ЧЕРЕПОВИЦЫН А.Е., БОЧАРОВА Л.К.** Предпосылки формирования минерально-сырьевых центров в опорных зонах развития в Арктической зоне Российской Федерации 29
LIPINA S.A., CHEREPOVITSYN A.E., BOCHAROVA L.K. The preconditions for the formation of mineral and raw materials centers in support zones of the Arctic zone of the Russian Federation
- САННИКОВА Я.М.** Традиционное хозяйство Якутии и АПК «Север»: организационно-управленческие решения второй половины 1980-х — 1991 гг. 40
SANNIKOVA Ya.M. Traditional economy of Yakutia and AIC "Sever": organizational and managerial decisions in the second half of the 1980s — 1991
- ТЕРЕЩЕНКО Е.Ю.** Динамика развития приграничного туризма в Баренцевом Евро-Арктическом регионе 56
TERESHCHENKO E.Yu. Dynamics of the border tourism in the Barents Euro-Arctic Region
- ШИШАЦКИЙ Н.Г.** Перспективы развития северных и арктических районов в рамках мегапроекта «Енисейская Сибирь» 66
SHISHATSKY N.G. The prospects of the Northern and Arctic territories and their development within the Yenisei Siberia megaproject

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

- ДЕМЕНЕВ А.Г., ШУБИНА Т.Ф., ШУБИНА П.В., НЕНАШЕВА М.В., МАКУЛИН А.В., ТАРАСОВ И.А.** Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области 91
DEMENEV A.G., SHUBINA T.F., SHUBINA P.V., NENASHEVA M.V., MAKULIN A.V., TARASOV I.A. Public participation in planning a comfortable urban environment in case of the Arkhangelsk region
- РЕПНЕВСКИЙ А.В., ЗАРЕЦКАЯ О.В., РЕУТОВА А.А., ПОДОПЛЕКИН А.О., ТОПТУНОВ А.А.** Три жизни консульства Норвегии в Архангельске 118
REPNEVSKIY A.V., ZARETSKAYA O.V., REUTOVA A.A., PODOPLEKIN A.O., TOPTUNOV A.A. Three lives of the Norwegian Consulate in Arkhangelsk
- ХАУГСЕТ П.** Сценарии Крайнего Севера и субнациональные реалии: политика и практика в приграничной зоне Норвегии и России 137
HAUGSETH P. High North scenarios and subnational realities: policies and practices in the Norwegian/Russian border zone

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

- МАКСИМОВ А.М., УХАНОВА А.В., СМАК Т.С.** Социокультурные и социально-психологические факторы предпринимательского потенциала в российской Арктике 157
MAKSIMOV A.M., UKHANOVA A.V., SMAK T.S. Sociocultural and socio-psychological factors of entrepreneurial potential in the Russian Arctic

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

- АВДОНИНА Н.С., ДОЛГОВОРОДОВА С.О.** Освещение геополитической проблематики в контексте темы освоения Арктики в американском медиадискурсе (на примере материалов газеты «The New York Times») 178
AVDONINA N.S., DOLGOBORODOVA S.O. Covering geopolitical problems in the context of the Arctic exploration in the American media discourse (based on *The New York Times* content analysis)

РЕЗЮМЕ SUMMARY

- Авторы, названия, аннотации, ключевые слова 192
Authors, titles, abstracts, and keywords
- Редакционный совет журнала «Арктика и Север» 201
Editorial board of the “Arctic and North” journal
- Благодарности 203
Acknowledgments
- Выходные данные 205
Output data

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК [332.12:001.895](98)(485)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.5

Инновационный вектор конкурентоспособности стран Северной Европы: опыт Швеции *

© **КАЛИНИНА Марина Рудольфовна**, кандидат философских наук, советник ректора по международному сотрудничеству

E-mail: m.r.kalinina@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **КОНДРАТОВ Николай Александрович**, кандидат географических наук, доцент

E-mail: n.kondratov@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. Инновации и конкурентоспособность — одни из ключевых тем исследований в социально-экономической и гуманитарной сферах. В статье рассматриваются особенности инновационной политики в Швеции, одной из динамично развивающихся стран Северной Европы, что подтверждается положением этой страны в глобальных рейтингах инновационной деятельности и конкурентоспособности. Показано, что положение Швеции обусловлено использованием особенностей географического положения, применением модели «государства всеобщего благосостояния», особенностями взаимодействия государства, науки и бизнеса, реализацией научно-исследовательской политики, в которой важную роль играют университеты и научно-образовательные центры, участвующие в создании технологических кластеров. Дополнительную актуальность исследованию придает наличие разработанной в Швеции арктической стратегии, в которой заявлено, что «рост и конкурентоспособность на основе преодоления торговых барьеров», «научные исследования», «система образования», «международное сотрудничество в рамках Арктического Совета, ЕС и ООН» будут иметь ключевое значение для устойчивого социально-экономического развития государства. С практической точки зрения опыт Швеции по формированию инновационной экономики, в том числе в северных регионах, представляет интерес для российских приарктических регионов. Материал статьи может быть использован в учебно-образовательном процессе в вузах, актуален для государственных и научных работников, экономистов и географов, занимающихся вопросами прогнозирования и территориального развития северных регионов.

Ключевые слова: инновации, конкурентоспособность, исследования, Швеция, Арктика, международное сотрудничество.

The innovative vector of the Nordic countries' competitiveness: case of Sweden

© **Marina R. KALININA**, Cand. Sci. (Phil.), advisor to the Rector for international cooperation

E-mail: m.r.kalinina@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Nikolay A. KONDRATOV**, Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor

E-mail: n.kondratov@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

* Для цитирования:

Калинина М.Р., Кондратов Н.А. Инновационный вектор конкурентоспособности стран Северной Европы: опыт Швеции // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 5–28. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.5

For citation:

Kalinina M.R., Kondratov N.A. The innovative vector of the Nordic countries' competitiveness: case of Sweden. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 5–28. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.5

Abstract. Innovation and competitiveness are among key research topics in the social, economic and humanitarian fields. This article describes specific aspects of innovation policy in Sweden, one of the dynamically developing Northern European countries. This development is confirmed by the position of the country in the global innovation and competitiveness rankings. It is shown that high position of Sweden arises from the successful use of its geographic location, the “welfare state” model put into practice, the effective interactions of the state, science, and business, the implementation of research policy, according to which universities and research, and educational centers, involved in technology clusters formation, play an important role. The existing Arctic strategy developed in Sweden adds relevance to the research. The Arctic strategy states that “growth and competitiveness based on overcoming trade barriers, research and education system, as well as on international cooperation within the Arctic Council, the EU and the UN” will have crucial significance for the sustainable social and economic development of the state. From a practical point of view, the Swedish experience in the formation of an innovation economy, which includes northern regions as well, is of interest for the Russian subarctic areas. The article can be used for the educational process at universities. It is relevant for civil servants and researchers, economists and geographers involved in forecasting and territorial development of the northern regions.

Keywords: *innovation, competitiveness, research, Sweden, the Arctic, international cooperation.*

Введение

В настоящее время инновации признаны одной из движущих сил экономического развития как для развитых, так и развивающихся стран. В научном сообществе накоплен опыт оценки уровня инновационного развития и конкурентоспособности экономических систем на макро-, мезо и микроуровнях как в экономике в целом, так и в отдельных отраслях [1, de Oliveira H.H.N., de Carvalho Z.V., с. 4074; 2, Hall P., Lofgren K., с. 306; 3, Healy A., с. 12; 4, Hintsala H., Niemela S., Tervonen P., с. 77; 5, Lucchi N., Ots M., Ohlsson J., с. 191; 6, Martin R., Trippel M., с. 268; 7, Ylinenpaa H., с. 57].

Швеция является одним из мировых лидеров по степени развития инноваций и конкурентоспособности экономики. В 2011 г. парламент одобрил арктическую стратегию¹, однако страна не очень активно декларирует свои возможности освоения природных ресурсов и использования транспортных коммуникаций на Крайнем Севере и в Арктике, но в то же время участвует в деятельности Арктического Совета и Совета Баренцева Евро-Арктического региона (СБЕР). Рассмотрение таких особенностей представляет научный и практический интерес для северных и приарктических субъектов РФ.

Общая характеристика североевропейского региона

Исходя из количественных параметров, население Северной Европы и составляющих её стран (при сохраняющемся невысоком приросте населения) незначительно превышает 25 млн чел., что составляет около 0,5% населения мира. Ближайшими аналогами в этом смысле являются Австралия (22 млн чел., 2017) и КНДР (24 млн чел., 2017). Более крупными масштабами отличается территория. Швеция, например, находится на 5 месте на континенте по занимаемой площади².

¹ Sweden's Strategy for the Arctic region /Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden. 2011. 52 p.

² Данные о площади и населении стран мира. URL: www.cia.gov/factbook (дата обращения: 28.09.18).

Специализация североевропейских стран складывалась первоначально на основе преимуществ в природных факторах производства, которые определялись наличием лесных ресурсов (все страны Северной Европы, кроме Дании и Исландии), железной руды (Швеция), руд цветных металлов (Исландия, Норвегия, Финляндия), водных биологических ресурсов (Исландия, Дания, Норвегия), благоприятных условий для ведения сельского хозяйства (Дания). Но по мере технического и экономического прогресса степень переработки природного сырья повышалась, развивались новые отрасли хозяйства, повышалось качество жизни населения. Для экономических систем государств Северной Европы отличительной чертой выступает внешнеторговая составляющая: экспортная квота в Швеции и Норвегии превышает 45%³. По качеству жизни страны региона в 1980–2017 гг. занимают первые места Индекса качества жизни населения ООН: Норвегия — 1 место, Дания — 4, Швеция — 14, Исландия — 16, Финляндия — 24 (для сравнения, США — 8, Россия — 50)⁴.

Инструменты инновационной политики Швеции

В условиях растущей открытости национальных экономик циркумполярные государства испытывают потребность в институциональных преобразованиях экономических систем, адекватных меняющимся условиям. В связи с этим страны Северной Европы совершают переход на постиндустриальный путь развития, что сопровождается модернизацией организационной структуры государственного управления, внедрением инновационных процессов в промышленности и энергетике.

Начиная с 1940-х гг. в Швеции выстраивается система государственных инструментов с набором политических мер для осуществления технологической политики, в конечном итоге определяющей позиции страны на мировом рынке НИОКР. Это возможно достичь в рамках инновационной политики, реализуемой на принципах стратегического планирования, с использованием программно-целевых методов, в сотрудничестве государства с промышленными предприятиями, научно-образовательными и общественными организациями и инструментов международного сотрудничества.

Разработанная в Швеции концепция «национальной инновационной системы» (Б.О. Лундвалл) легла в основу экономической, научно-технической, технологической и инновационной политики ЕС. Идеи инновационного развития и концепцию «регионов обучения» разрабатывали норвежские экономико-географы Б. Асайм и А. Изаксен. Понятие «общества знания», которое ныне широко используется, ввёл в оборот американский экономист М. Каstellс, а норвежский исследователь К. Согнер развил его, разработав понятие «инновационной культуры», которое представляется отличительной чертой североевропейской модели социально-экономического развития. Трудовые ресурсы в Северной Европе отличает способность не только к получению и анализу новой информации, но и к приобретению новых

³ Данные о площади и населении стран мира. URL: www.cia.gov/factbook (дата обращения: 28.09.18).

⁴ Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого. Нью-Йорк. Программа развития ООН. 2017 г.

компетенций, что усиливает творческий характер трудовой деятельности [8, Северная Европа ..., с. 16–18].

В Швеции сложилась саморегулирующаяся система инновационного развития, которую описывают в виде «тройной спирали» (triple helix) [9, Etzkowitz H., Leydesdorff L., с. 200], «витки» которой взаимосвязаны, а доминирующее звено исключено. В такую модель включены государство, бизнес, научно-исследовательские организации, учреждения высшего образования, институты гражданского общества.

Особенностью шведской стратегии развития инноваций является высокая доля частных компаний, особенно транснациональных корпораций (ТНК), в финансировании научно-исследовательских работ и опытных конструкторских разработок (НИОКР). Заметную роль в создании инноваций играют Alfa Laval, Electrolux, Ericsson, IKEA, Scania, Tetra Pak, Volvo, а также субъекты банковского сектора экономики (Skandinaviska Enskilda Banken, Handelsbanken, Swedbank). Крупные шведские компании имеют такие широкие возможности проведения внутрифирменных исследований и наработанные связи с исследовательскими структурами внутри страны, что, кроме государственных инвестиций в исследования университетов, они не очень заинтересованы в инновационной стратегии. Такая позиция может противоречить интересам малых и средних шведских предприятий. В Швеции доля малого и среднего бизнеса от всех предприятий, которые осуществляют НИОКР, в 2016 г. составляла 17,8%, на них приходилось 17,7% государственных затрат, направляемых на развитие исследований и разработок в бизнесе. Примерно такое же соотношение наблюдается по государственному субсидированию НИОКР на малый и средний бизнес в Норвегии, где указанные показатели в том же году составляли, соответственно, 9,8% и 49,1%. Преимущественное развитие наукоёмких производств в глобальных ТНК представляет собой риск для развития инновационной системы. Система коммерциализации НИОКР характеризуется недостаточным применением стимулирующих мер налоговой политики, что сдерживает развитие высокотехнологичных секторов экономики. Сравнительно высокий уровень налогообложения обеспечивает высокий уровень образования, здравоохранения, социального обеспечения, которые через человеческий капитал и сетевые связи определяют инновационное качество экономики — способность усваивать новые знания [10, Пчелинцев В.С., с. 122].

Основную работу по формированию инновационной и научной политики в Швеции осуществляет Правительство (рис. 1).

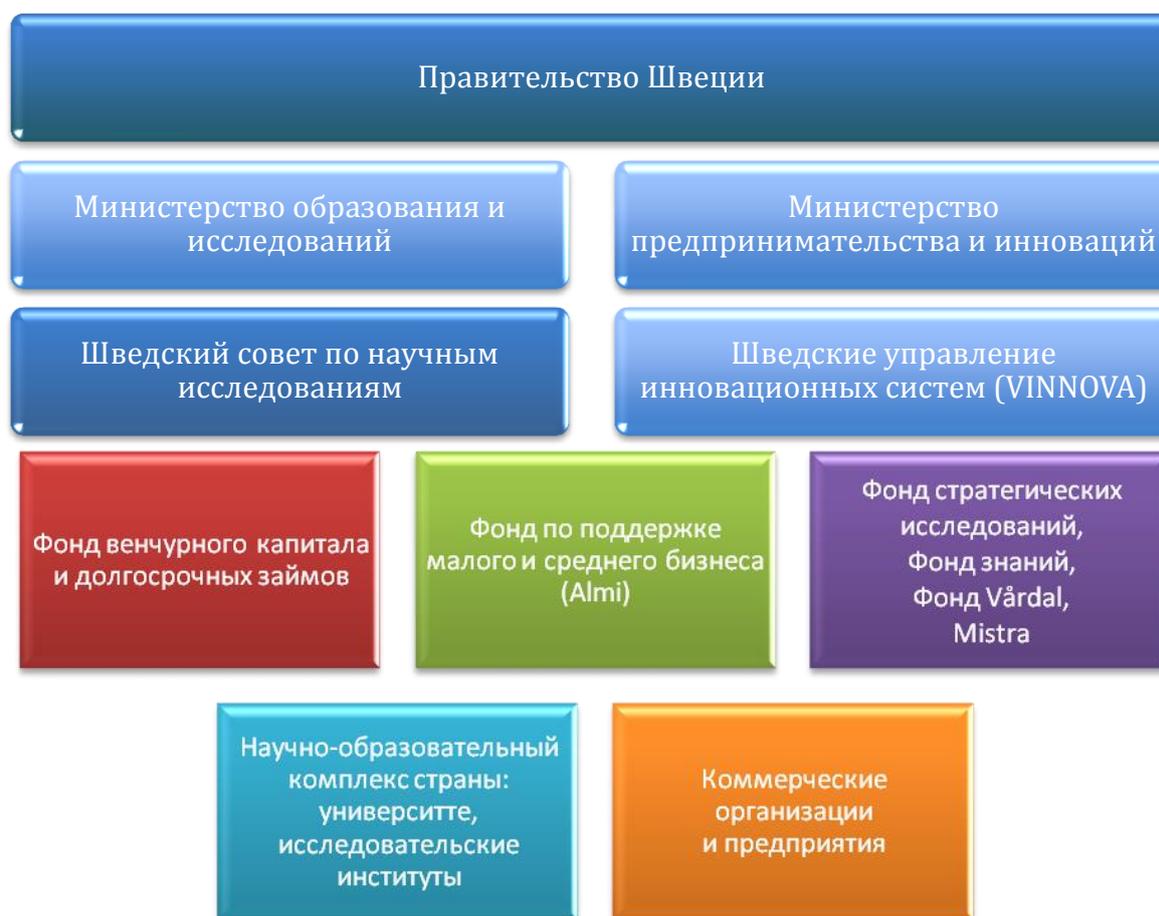

Рис. 1. Система организации инноваций в Швеции

Правительство Швеции разработало Национальную инновационную стратегию 2020 (The Swedish Innovation Strategy)⁵, которая создавалась на основании общественного диалога. Стратегия основана на трёх основных принципах:

- лучшие условия для инноваций (люди, образование и инфраструктура);
- люди, предприятия и организации, которые систематически занимаются инновациями;
- целостность — через координацию на политическом уровне, в диалоге с промышленностью, общественным сектором, гражданским обществом и образованием.

Приоритетными направлениями инновационной деятельности в Швеции названы медицина, биотехнология, информационно-телекоммуникационные технологии (ИКТ), устойчивое развитие и окружающая среда. В рамках ЕС Швеция активно продвигает идеи «умной специализации», то есть сосредотачивает инновационную активность в тех отраслях, в которых обладает сравнительными преимуществами, чтобы усилить положение в международном географическом разделении труда [3, Healy A., с. 30].

В Министерстве предпринимательства функционирует **Управление инновационных систем (VINNOVA)**. Его целью является обеспечение лидерства Швеции в сфере научных исследований и инноваций, привлекательных для бизнеса. Управление содействует сотрудни-

⁵ The Swedish Innovation Strategy 2020. URL: <https://www.government.se/contentassets/the-swedish-innovation-strategy> (дата обращения: 26.09.2018).

честву между компаниями, университетами, научно-исследовательскими институтами и государственным сектором, в том числе на международном уровне. Правительство наделило агентство полномочиями разработки и претворения в жизнь инновационных стратегий и программ в сферах ИКТ, их использования и обслуживания, биотехнологии, транспорта, разработки новых продуктов и материалов, развития новых сфер трудовой деятельности. В области промышленной политики VINNOVA является ведущим актором и финансистом проектов сотрудничества университетов с субъектами экономической деятельности, осуществляемых в форме региональных инновационных проектов. VINNOVA поддерживает инновационные системы путём участия в финансировании НИОКР, ориентированных на потребности конкурентоспособных отраслей и сфер общественной жизни, и укрепления сетевых связей как элемента этой работы [10, Пчелинцев В.С., с. 120].

Шведское агентство экономического и регионального роста (NUTEK) отвечает за развитие предпринимательства, экономику регионов и поддержку местных компаний. Задача агентства — обеспечивать бизнес информационными, консультационными, финансовыми услугами, улучшать стартовые условия для новых предприятий, поддерживать выход на международный уровень туристической индустрии. NUTEK принимает участие в создании территориальных кластеров в качестве научного консультанта и финансового администратора.

В Швеции действуют **Окружные административные советы**, которые создают условия для развития предприятий частного сектора. На региональном уровне созданы координационные советы, ответственные за реализацию программ регионального развития.

Министерству образования и исследований Швеции подведомственен Совет по научным исследованиям. В его компетенцию входят определение областей исследований для стратегического инвестирования, анализ и финансирование НИОКР, содействие коммуникации между исследователями из различных академических областей. Поддержку инновационной деятельности осуществляют Агентство по экономическому и региональному развитию. Участие в развитии инновационной деятельности с 1919 г. принимает Королевская академия инженерных наук (IVA), которая является общественным консультативным органом и способствует развитию взаимодействия между представителями научного, административного и бизнес-сообществами, в том числе на международном уровне. Совет по научным исследованиям в области здоровья, труда и социального обеспечения (FORTE) создан с целью стимулирования НИОКР в области организации труда, охраны здоровья и социальных услуг.

На государственном уровне действуют структуры, деятельность которых направлена на взаимодействие научных организаций и промышленных предприятий. Их предназначение — создание условий для коммерциализации НИОКР, создание и поддержка малых предприятий при научно-исследовательских центрах и университетах. Среди таких программ — Сеть для поддержки инноваций и трансферта технологий (SNITTS), Фонд по поддержке малого и среднего бизнеса (Almi), Фонд стратегических исследований (SSF), Фонд исследо-

ваний в области здравоохранения (Vårdal), Фонд международного научно-образовательного сотрудничества (STINT), Фонд стратегических экологических исследований (MISTRA) [10, Пчелинцев В.С., с. 121].

Практическое воплощение инновационной политики Швеции

Вследствие реализации инновационной политики в начале XXI в. страны Северной Европы занимают высокое положение в международных рейтингах глобальной инновационной деятельности и конкурентоспособности.

Ежегодно Школа бизнеса Гарвардского университета публикует Innovation Capacity Index. По данным за 2017 г., среди 173 стран Финляндия занимала вторую строчку после США, Швеция — восьмую, Норвегия — 18, Дания — 19, Исландия — 20. По доле специалистов с высшим техническим образованием в общей численности населения Швеция в 2017 г. занимала второе место вслед за Японией.

В Индексе инноваций (Global Innovation Index) бизнес-школы INSEAD, Корнуэльского Университета и Всемирной организации интеллектуальной собственности в 2013–2018 гг. Швеция, Финляндия и Дания входят в первую десятку стран мира (табл. 1, рис. 2).

Таблица 1
Рейтинг России и стран Северной Европы в Глобальном индексе инноваций в 2013-2017 гг.⁶

Страна	2013	2014	2016	2017
Дания	9	8	8	8
Швеция	2	3	3	3
Финляндия	6	4	5	7
Исландия	13	19	13	23
Норвегия	16	14	22	19
Россия	62	49	43	46

Рис. 2. Структура инновационного индекса, 2018 г.

Высокие показатели североевропейские страны демонстрируют в рейтинге Innovation Union Scoreboard Европейской комиссии и рейтинге глобальной конкурентоспособности

⁶ Global Innovation Index. INSEAD, Cornell University, World Intellectual Property Organization. 2013, 2014, 2016, 2018. URL: <https://www.globalinnovationindex.org> (дата обращения: 26.09.2018).

Всемирного экономического форума (ВЭФ), впервые опубликованном в 2004 г. В подготовке рейтинга ВЭФ учитывается мнение партнёров и экспертов — ТНК и государственных институтов, которые оценивают положение свыше 160 стран по 120 показателям. Совокупность данных распределена на 12 групп, которые составляют **базовые факторы** (общественные институты, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и базовое образование), **факторы, повышающие эффективность** (высшее образование, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, уровень развития финансового рынка, технологическая развитость, размер рынка), и **инновационные факторы** (уровень развития бизнеса и инновации). Ни один фактор самостоятельно не в состоянии обеспечить конкурентоспособность государства. Так, эффект от увеличения расходов на образование может быть снижен по причине низкой эффективности рынка рабочей силы, отсутствия у выпускников возможности быть трудоустроенным по специальности. Наиболее конкурентоспособными будут те страны, которые в состоянии проводить политику с учётом максимального числа факторов и взаимосвязи между ними. Страны-лидеры рейтинга не входят в число мировых лидеров по размеру ВВП и по доходам на душу населения, что свидетельствует о значимости качественных показателей при оценке конкурентоспособности. Начиная с 2000 г. Финляндия, Швеция и Дания (до 2011–2012 гг.) удерживают высокие позиции, стабильно входят в первую десятку стран как страны с наиболее конкурентоспособной экономикой (табл. 2)⁷.

Таблица 2

*Положение некоторых стран в рейтинге глобальной конкурентоспособности
Всемирного экономического форума, 2008–2017 гг.*

Страна	Место в рейтинге								
	2008–2009	2009–2010	2010–2011	2011–2012	2012–2013	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017
Швейцария	2	1	1	1	1	1	1	1	1
США	1	2	4	5	7	5	3	3	3
Сингапур	5	3	3	2	2	2	2	2	2
Финляндия	6	6	7	4	3	3	4	8	10
Швеция	4	4	2	3	4	6	10	9	6
Исландия	20	26	31	30	30	31	30	29	27
Дания	3	5	9	8	12	15	13	12	12
Норвегия	15	14	14	16	15	11	11	11	11
Россия	51	63	63	66	67	64	53	45	43

Анализ рейтингов подтверждает обсуждаемую в научной литературе проблематику «шведского парадокса» [11, Edquist С., McKelvey М., с. 134]: Швеция занимает лидирующие позиции среди европейских стран по объёму средств, направляемых на НИОКР (относительно ВВП), но при этом характеризуется показателями низкой доли высоких технологий в производстве, т.е. демонстрирует низкую ликвидность инвестиций в инновации. Эта особенность ухудшает инновационный потенциал страны, хотя, по мнению Деттера Г.Ф., коммерциализация результатов исследований является одной из основных черт деятельности шведских корпораций [12, Деттер Г.Ф., с. 28]. Шведская инновационная система, уделяя зна-

⁷ The Global Competitiveness Report 2017–2018. URL: <https://www.weforum.org> (дата обращения: 26.09.2018).

чительное внимание фундаментальным исследованиям в противовес прикладным, развивая инновационную активность в ТНК, не смогла достичь значимых результатов в поддержке предприятий малого и среднего бизнеса, особенно на начальном этапе их развития. С другой стороны, данные статистики демонстрируют, что корпоративный сектор за последние 10 лет составляет наибольшую долю в финансировании НИОКР — от 69 до 75% от всех источников. Вторым по величине сектором является образование, доля которого в 2015 г. составила порядка 27% от общих расходов. Для сравнения: в Норвегии 46% затрат на НИОКР приходится на государственный сектор, 43% — на предпринимательский⁸.

С опорой на статистические данные можно привести пример положения стран Северной Европы в рейтинге стран ЕС по удельному весу инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг в странах Северной Европы и России, 2005–2015 гг., %

Страна	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2015 г.
Дания	11,0	7,8	11,4	15,0	13,9	7,0
Исландия	12,7	-	11,9	6,1	-	-
Норвегия	7,2	4,8	4,6	61,	5,2	6,2
Финляндия	14,9	15,7	15,6	15,3	11,1	9,3
Швеция	13,4	15,0	9,2	8,4	6,1	6,9
Россия	5,2	4,6	4,5	6,3	9,2	8,4

Из таблицы 3 следует, что экономика Швеции и соседней Финляндии продолжительное время характеризовалась более высоким, по сравнению с другими странами Северной Европы и тем более с РФ, удельным весом инновационных товаров и услуг в общем объеме производства товаров и оказанных услуг⁹.

Европейская Комиссия в обзоре European Commission. Eco-Innovation Observatory приводит данные ЭКО-инновационного индекса. ЭКО-инновации приносят на рынок новые или усовершенствованные товары, услуги и технологии, позволяющие сократить использование природных ресурсов, уменьшить выбросы загрязняющих веществ, снизить уровень шума, вторично использовать отходы производства и потребления, что позволит получить дополнительный экономический, социальный и экологический эффект. Среди 28 стран (по данным на 2015 г.) Дания, Финляндия и Швеция занимают, соответственно, 1, 2 и 5 места.

Таблица 4 создаёт представление об удельном весе организаций, осуществляющих экологические инновации, в общем числе организаций, имевших инновации в 2013–2015 гг., в странах Северной Европы и России¹⁰.

⁸ The Nordic Institute for Studies in Innovation, Research and Education (NIFU). URL: <http://www.foustatistikbanken.no/> (дата обращения: 26.09.2018).

⁹ Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н.В. Городовникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 328 с.

¹⁰ Eurostat. Показатели Европа 2020. Research and Development and Innovation, 2015.

Таблица 4

Удельный вес организаций, осуществляющих экологические инновации, в общем числе организаций, имевших готовые инновации в течение последних трех лет, по видам инноваций в странах Северной Европы и России в 2013–2015 гг., %

Страна	Повышение экологической безопасности в процессе производства товаров, работ, услуг					Повышение экологической безопасности в результате использования потребителем инновационных товаров, работ, услуг		
	Сокращение материальных затрат на производство единицы продукции	Сокращение выброса в атмосферу диоксида углерода и энергозатрат на производство единицы продукции	Замена сырья на безопасное или менее опасное	Снижение загрязнения окружающей среды (атмосферного воздуха, земельных водных ресурсов, снижения уровня шума)	Осуществление вторичной переработки отходов производства, воды и материалов	Сокращение энергопотребления или потерь энергетических ресурсов	Сокращение загрязнения окружающей среды (атмосферного воздуха, земельных водных ресурсов, снижения уровня шума)	Улучшение возможностей вторичной переработки товаров
Дания	13,4	12,2	8,3	8,5	4,6	11,5	7,1	16,2
Исландия	24,7	22,2	18,4	15,0	16,3	16,1	20,9	24,1
Норвегия	-	-	-	-	-	-	-	-
Финляндия	36,9	29,1	23,5	25,7	23,9	25,8	20,6	37,7
Швеция	28,9	18,2	22,9	23,5	15,7	23,0	22,0	28,6
Россия	6,4	13,9	5,7	11,2	6,5	7,5	8,7	3,6

Данные таблицы 5 демонстрируют, что около половины предприятий в странах Северной Европы (в Исландии в 2015 г. — более 50%) осуществляет технологические инновации, при этом Швеция в 2015 г. не является региональным лидером, однако её показатель выше, чем аналогичный в России, более чем в 5 раз¹¹.

Таблица 5

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе организаций в странах Северной Европы и России в 2013–2015 гг.

Страна	2013 г.	2015 г.
Дания	38,1	38,0
Исландия	-	50,1
Норвегия	31,2	46,2
Финляндия	44,6	48,3
Швеция	45,2	44,3
Россия	8,9	8,3

Анализ статистических данных свидетельствует, что в 2013–2015 гг. интенсивность затрат (удельный вес затрат на технологические инновации в общем объёме отгруженных то-

¹¹ Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н.В. Городовникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2017. 328 с.

варов, выполненных работ и услуг) в странах Северной Европы и России на технологические инновации изменялся под влиянием внешних и внутренних социально-экономических и политических причин. В Швеции он демонстрирует устойчивый рост, по этому показателю страна в 2015 г. является лидером в ЕС (табл. 6)¹².

Таблица 6
Интенсивность затрат на технологические инновации в странах Северной Европы и России в 2013–2015 гг.

Страна	2013 г.	2015 г.
Дания	3,45	1,90
Исландия	-	-
Норвегия	0,90	1,59
Финляндия	2,93	2,30
Швеция	2,98	3,86
Россия	2,90	2,66

В настоящее время на НИОКР в Швеции расходуется около 3,4% ВВП. Исследования и разработки проводятся во всех секторах экономики и во всех регионах Швеции, но в разной степени (рис. 3).

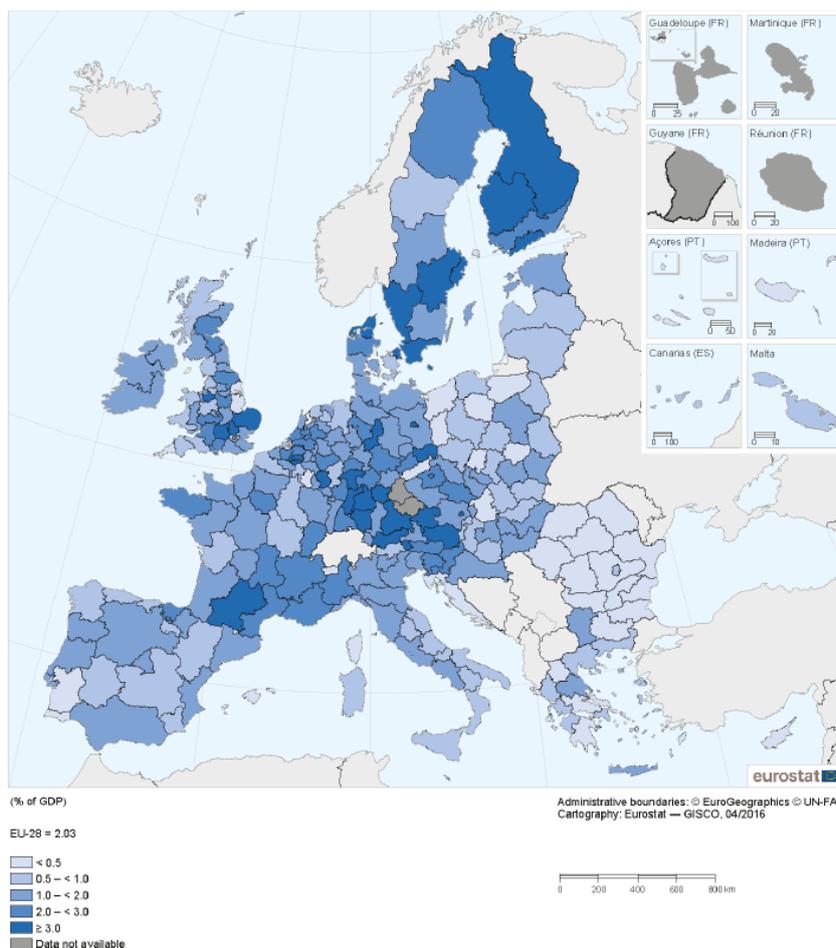

Рис. 3. Расходы на НИОКР в странах зарубежной Европы, 2017 г.

Шведская инновационная стратегия сфокусирована на исследованиях в академическом (университетском) контексте и направлена на трансформацию результатов исследова-

¹² Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н.В. Городовникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 328 с.

ний в инновации и передачу их на региональный уровень. Вместе с тем, объём исследований, осуществляемый при поддержке государства в технологических институтах Швеции, меньше, чем в других скандинавских странах. Государство финансирует высшее образование и исследовательский сектор, который в основном состоит из государственных университетов и колледжей. Здесь проходит 20% всех научных исследований и разработок. В Швеции 36 вузов и колледжей, предлагающих высшее образование, большинство государственных НИОКР сконцентрировано в крупнейших университетах, таких как Каролинский институт, Уппсальский университет, Университет Гётеборга, Королевский технологический институт, Университет г. Линчепинг и других [10, Пчелинцев В.С., с. 130].

Финансирование научных исследований осуществляют как университеты, так и государственные агентства (советы), исследовательские фонды, частные фонды и другие некоммерческие организации. Уникальная черта шведского опыта развития инноваций — инициатива «Инновационный мост», которая представляет собой национальную программу создания инкубаторов, обеспечивающих трансфер технологий, предоставляющих стартовый капитал для инновационных компаний, стимулирующих инновационную деятельность малых и средних предприятий. Эта программа опирается на потенциал университетов в Линчепинге, Лулео, Лунде, Стокгольме, Умео и других городах страны.

Платформой для сотрудничества между институтами высшего образования и сообществом являются программы регионального развития. Они строятся на принципах общественно-частного партнёрства с использованием сетевых связей между акторами заинтересованных секторов (государством, муниципальными властями, университетами, корпорациями, малым бизнесом). В связи с этим интересен пример участия Чалмерского технологического университета в развитии округа Гётеборг, находящегося на втором месте (после Стокгольма) в ранге европейских инновационных регионов согласно инновационному рейтингу Европейской комиссии [10, Пчелинцев В.С., с. 129]. Несмотря на скромные размеры, этому университету удалось укрепить свою роль в региональной инновационной системе Гётеборга благодаря созданию ряда структур и центров, позволивших взаимодействовать с местными компаниями. Такими структурами стали Чалмерский научный парк, основанный в 1984 г. в партнёрстве с муниципальными властями и региональной торговой палатой, и научный парк Линдхольмен, созданный в 1999 г., представляющий собой бизнес-инкубатор, нацеленный на создание инновационных фирм. Вместе с местным бизнесом, включая ТНК «Volvo», Чалмерский университет является партнёром компаний венчурного капитала, предлагающих услуги по поддержке бизнеса на начальной стадии развития, включая выдачу субсидий и подготовку кадров.

Особое внимание Чалмерский университет уделяет экономическим и правовым аспектам, влияющим на инновационный процесс. При университете действуют центр исследований прав интеллектуальной собственности и школа предпринимательства, осуществляющие программы научных исследований, нацеленные на разработку бизнес-планов высокотехнологичных компаний. Постепенно университет овладел всеми инструментами, необхо-

димыми для управления каждой фазой инновационного процесса, — от разработки идеи, её научного обоснования, защиты прав на изобретение до получения источников финансирования на начальных неконкурентоспособных фазах разработки продукции, или, в партнерстве с другими акторами, — от создания новых предприятий до выработки стратегии рыночных продаж. Осуществление многих из этих видов деятельности стало возможным благодаря статусу «университета-фонда» (foundation university), что допустимо в рамках национального законодательства. Преобразование статуса Чалмерского университета позволило увеличить его степень автономности (при сохранении рычагов государственного управления и финансирования), упростить административные процедуры, что позитивно сказалось на разработке и осуществлении инвестиционной политики (включая создание инфраструктуры) [10, Пчелинцев В.С., с. 130].

Другим примером формирования наукоёмкого региона может служить регион Эресунн, сформировавшийся на границе Дании и Швеции после возведения моста через морской пролив между городами Мальме и Хельсингборг. Значение этой точки хозяйственного роста, расположенной на пересечении Центральной, Северной, Восточной и Западной Европы, велико. Здесь расположены десятки вузов, в датском Роскильде и шведском Лунде сосредоточены тысячи исследователей. Благодаря усилиям местных правительств, гражданского общества и бизнеса Эресунн представляет собой экономический район, центр ИКТ, фармацевтики и биотехнологий. Большое значение регион Эресунн имеет в контексте формирования «зелёных» технологий (на базе альтернативной ветровой энергетики), что усиливает имидж североевропейских государств как одних из самых «чистых» в мире, улучшает экологические показатели деятельности местных компаний, способствует устойчивому развитию региона и его ближайших соседей.

В целях формирования конкурентоспособной экономики в Швеции уделяется большое внимание созданию и развитию территориальных кластеров. В результате финансовой поддержки с участием программы Европейской Комиссии Vinnväxt в Швеции получили развитие кластеры: Uppsala BIO (биотехнологии), Robotdalen (автоматика и робототехника), ProcessIT Innovations (автоматизация промышленных производств), GoteborgBIO (биомедицина), Triple Steelix (металлургия), Fiber Optic Valley (волоконная оптика), Peak Innovation (спорт и туризм), Printed Electronics Arena (электроника), Skåne Food Innovation Network (питание и упаковка), Smart Textiles (легкая промышленность), Smart Housing Småland (жилищно-коммунальная сфера, «умный дом») ¹³. К кластерам можно причислить располагающийся в г. Чиста (Kista), образованный на базе Королевского технологического института и Стокгольмского университета и специализирующийся на ИКТ. Данный кластер рассматривается как прототип «Кремниевой долины» в США. Здесь расположены шведские и зарубежные

¹³ VINNVÄXT. A programme renewing and moving Sweden ahead. URL: http://www.vin-nova.se/upload/14_04.pdf (дата обращения: 26.09.2018).

ТНК и их филиалы (SonyEricsson (телекоммуникации), Tele2 AB (телекоммуникации), Tieto (IT-сервис, Финляндия), IBM (США), Microsoft (США), Intel (США), Oracle (США)).

Научно-исследовательская политика Швеции

Шведская инновационная стратегия связана с научно-исследовательской деятельностью, которая осуществляется в университетах. **Министерство образования и исследований, Исследовательский совет, Совет по научным исследованиям** (финансирует фундаментальные исследования в области естественных наук, технологий, медицины, гуманитарных и социальных наук), **Совет по научным исследованиям в области окружающей среды, сельского и лесного хозяйства и территориального планирования** (определяет тематику исследований и финансирование исследований в сфере окружающей среды, промышленности и пространственного планирования), **Совет по научным исследованиям в области трудовых отношений и социального обеспечения** (поддерживает исследования рынка труда, деятельности организаций в сфере здравоохранения, социального благосостояния), **Агентство международного сотрудничества** (SIDA, обеспечивает международное взаимодействие в научных исследованиях) — государственные институты, ответственные за формирование и реализацию научно-исследовательской политики в Швеции.

В компетенцию Исследовательского совета входит определение приоритетов научных исследований, администрирование финансовых средств, направляемых на проведение научных исследований, консультирование правительства и корпораций по вопросам научной политики, обеспечение взаимодействия между учёными, содействие сотрудничеству на национальном и международном уровнях. Сфера поддержки широка: от совершенствования научно-исследовательской инфраструктуры на национальном уровне до поддержки исследований в конкретных отраслях знаний.

Национальная исследовательская стратегия определяет приоритетные области знания для оптимизации научно-исследовательской деятельности: развитие общества, ИКТ, медицинские технологии, биологическое разнообразие, система благосостояния населения: его труд, образ жизни и здоровье.

Стратегия предписывает:

- разработку новой системы фондирования, стимулирующей повышение качественных показателей программ исследований и позволяющей вузам реализовывать долгосрочные научно-исследовательские стратегии, создавая оптимальные условия работы для исследователей;
- создание условий для внедрения инноваций в вузовскую деятельность и повышение автономности вузов;
- стимулирование качества прикладной исследовательской деятельности вузов;
- развитие международного сотрудничества, в том числе академической мобильности, особенно на уровне ЕС;
- консолидацию ресурсов корпораций, государственного сектора и университетов с целью кооперации между ними и роста конкурентоспособности. Программы коопе-

рации должны обладать чёткими целями, базироваться на привлечении международных партнёров и эффективном использовании имеющейся инфраструктуры.

Арктическая стратегия и научно-исследовательская политика Швеции в Арктике

Важный блок научно-исследовательской политики Швеции в первой половине XXI в. связан с арктическим регионом. Несмотря на то, что Швеция лишена прямого выхода к Северному Ледовитому океану, не обладает, в отличие от Дании и Норвегии, технологиями морской и тем более подлёдной добычи нефти и природного газа (но всегда готова участвовать в арктических проектах в качестве субподрядчика), страна является членом Арктического Совета и других региональных союзов, в которых совместно с другими государствами пытаются найти ответы на вызовы в меняющемся арктическом регионе, важнейшим из которых являются изменение климата и глобализация. Поэтому желание правительства Швеции влиять на политику в арктическом регионе выглядит оправданным.

С целью презентации национальных интересов в Арктике в Швеции в 2011 г. была разработана арктическая стратегия¹⁴. В этом документе шведское правительство декларирует цели, которые разделяют все приарктические государства: развитие исследований в областях устойчивого развития, «чистого производства» и альтернативной энергетики, изучения и прогнозирования изменения климата, воздействия его на состояние Северного Ледовитого океана и побережья, на жизнь аборигенов. При работе в этих направлениях используется потенциал ООН, ЮНЕСКО, Арктического Совета, СБЕР, программы ЕС «Северное измерение». В стратегии обосновывается необходимость преодоления разрывов в знании особенностей арктических природных систем, расширения экспедиционной деятельности, укрепления институтов трансфера опыта и технологий, сетевого сотрудничества и академической мобильности (Университет Арктики), создания регионального информационного центра для целей экологического мониторинга. В условиях истощения запасов полезных ископаемых в мировом масштабе изменились акценты в зарубежных стратегиях освоения полярных территорий. Так, если 15–20 лет назад провозглашалась концепция консервации природной среды Арктики, то в современных стратегиях, в том числе шведской, упор делается на рациональное природопользование при международном участии. Создается среда для инновационной деятельности компаний-субконтракторов корпораций на арктическом шельфе, получают развитие морские (акваторриальные) кластеры. Важная задача — трансформация опыта освоения шельфа при освоении более глубоких акваторий.

Обращается внимание на «экосистемный менеджмент», основанный на принципах сохранения биоразнообразия, учёте ценностей культуры коренных народов, экологически сбалансированном, безопасном, согласованном с нормами международного права использовании энергетических ресурсов шельфа. Авторы зарубежных стратегий отдают себе отчет в том, что сохранение природной среды Арктики возможно в партнерстве государственных

¹⁴ Sweden's Strategy for the Arctic region /Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden. 2011. 52 pp.

властей, органов местного самоуправления, корпоративных, некоммерческих и других структур гражданского общества [13, Пилясов А.Н., с. 14–15].

Таким образом, основные положения шведской стратегии в Арктике концентрируются в трёх направлениях: наблюдение за изменением климата и охрана окружающей среды, осуществление экономической деятельности устойчивым образом, улучшение условий жизни коренного населения¹⁵ [14, Антюшина Н.М., с. 212]. Программа шведского председательства в Арктическом совете в 2011–2013 гг. строилась вокруг аналогичных приоритетов: климат и окружающая среда, экономическое развитие, человеческое измерение и международное сотрудничество.

С целью решения приоритетных задач в Швеции разработаны дорожные карты научно-исследовательской деятельности в арктическом регионе, важнейшими из которых являются «Шведские национальные полярные исследовательские программы: 2014 и позже» и «Приоритетные проекты шведских арктических и антарктических исследовательских программ». Эти документы не содержат конкретных целей, задач, приоритетов, механизмов реализации научной политики. В них важное место занимают исследования в естественно-научной сфере: изучение биогеохимических параметров Северного Ледовитого океана (тяжёлых металлов), изучение полярных экосистем, тенденций изменения климата, ледников, морфологии подводных ландшафтов Северного Ледовитого океана, мониторинг загрязнения окружающей среды.

Государственный орган, ответственный за координацию исследовательской деятельности в полярных областях, — **Секретариат полярных исследований**, функционирующий при Министерстве образования и исследований. Секретариат организует деятельность научных форумов по вопросам развития Арктики, поддерживает исследовательские экспедиции, управляет исследовательской инфраструктурой (спутниковая информация, данные, получаемые с ледокола «Оден», а также со станции на Шпицбергене). Совместно с исследовательским советом организует конкурсы логистической поддержки (полевых работ) полярных исследований (программа Operational Support for Polar Research).

Несмотря на то, что научно-исследовательская политика Швеции в Арктике была сформулирована недавно, королевству удалось достичь успехов в этом направлении. Благодаря сформулированным приоритетным областям, наличию координирующего органа и программам финансовой поддержки, Швеция является одним из лидеров в области полярных исследований. Следует отметить, что подходы и результаты исследований арктического региона используются при определении направлений геополитических устремлений и инновационно-технологической политики Швеции. Это обеспечивает прорывным решениям быструю финансовую и организационную поддержку, чем достигается прогресс в исследованиях и внедрение их результатов в производство.

¹⁵ Sweden's Strategy for the Arctic region /Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden. 2011. 52 pp.

Характеристика научно-образовательного потенциала арктических территорий Швеции

В Арктике происходят стремительные и необратимые трансформации, полного понимания предпосылок и последствий которых ещё не сложилось. Примером системных изменений служит изменение климата, влекущее за собой максимальное за последние 40 лет снижение сезонных минимумов морского льда, улучшение условий разведки и добычи полезных ископаемых, а также использование транспортных коммуникаций. В целях поиска ответов на вызовы развития арктического региона Швеция создала и развивает научно-исследовательскую инфраструктуру в районах Крайнего Севера, расположенных за Полярным кругом ленах Вестерботтен и Норрботтен. Обе провинции обладают образовательным и научно-исследовательским потенциалом благодаря наличию высших научно-образовательных заведений и колледжей, участвующих в международном образовательном сотрудничестве.

Среди университетов Вестерботтена выделяется Университет Умео (Umeå University). Он открыт в 1965 г. и является градообразующим: значительная часть населения Умео — преподаватели и студенты вуза. Университет состоит из факультетов искусств, общественных наук, науки и технологий, медицинского факультета. Также в структуре университета имеются институт дизайна, технологический институт, архитектурная школа, школа бизнеса и экономики, педагогический колледж, академия искусств, школа спортивных наук, школа ресторанного и кулинарного искусства. С 2012 г. функционирует Центр арктических исследований ARCUM, который объединяет около 200 исследователей. В 2017 г. в университете обучается свыше 30 тыс. студентов и работает более 2000 преподавателей. Университет Умео заключил около 900 соглашений по международному обмену студентами и преподавателями, в университете разработано 37 программ на иностранном языке.

В Норрботтене в 1971 г. был основан Технологический университет Лулео (Luleå University of Technology), который состоит из институтов: экономики, технологии и общества, здравоохранения, искусств, коммуникаций и обучения, общественных и природных ресурсов, компьютерных наук и космоса, инженерного дела и математики. В университете обучается около 15 000 студентов и работает около 1 700 человек. Университет тесно сотрудничает с компаниями в сфере горнодобывающей промышленности, металлообработки и охраны природы (среди них Bosch, Ericsson, Scania, LKAB, SKF), а также с ведущими шведскими и зарубежными вузами. Основные направления исследований — горнодобывающая промышленность, альтернативная энергетика, транспорт на Севере, компьютерные технологии, окружающая среда.

В провинции Норрботтен также функционируют:

- Научно-исследовательская станция Абиско (основана в 1912 г.), которая занимается изучением изменения климата на Крайнем Севере. Станция неоднократно была местом проведения полевых летних и зимних школ для молодых преподавателей и сотрудников четырёх ведущих университетов Баренцева Евро-Арктического региона: UiT, Oulu, Umeå и САФУ;

- Саамский образовательный центр (основан в 1942 г.), задача которого — изучение и сохранение языка и культуры саамов;
- Народная школа Svefi в Хапаранде на шведско-финляндской границе (создана в 1973 г.), которая занимается изучением культуры и искусства Северной Европы.

Международное сотрудничество в научно-образовательном пространстве Арктического региона

Основополагающие принципы политики в области международного сотрудничества в научно-образовательном пространстве Арктического региона заложены в арктической стратегии Швеции¹⁶. В документе отмечается, что проведение исследовательских и образовательных инициатив является необходимым условием обеспечения устойчивого развития Арктики. Приоритетные направления стратегии включают в себя задачи, непосредственно связанные с международным научно-образовательным сотрудничеством в регионе: развитие знаний и деятельности по адаптации и снижению последствий изменений климата; совершенствование и взаимодействие между исследовательскими ресурсами в регионе с целью устойчивого управления и развития региона.

Обозначена потребность Швеции в специалистах в горнодобывающей отрасли и устойчивом управлении природными ресурсами на Севере, включая привлечение ресурса международного сотрудничества. В качестве отправных точек указаны сетевые программы магистратуры «Инжиниринг природных ресурсов» и «Северная горнодобывающая школа», которые разработаны совместно с Университетом Оулу и Университетом Лулео и предполагают обмен студентами и преподавателями.

Эффективным инструментом реализации шведской арктической стратегии является сетевой Университет Арктики — международная сеть образовательных и научно-исследовательских учреждений (всего в него входят более 200 организаций из 8 приарктических и 11 внерегиональных государств, в которых обучается более 1 млн студентов), осуществляющих исследовательскую и образовательную деятельность на Севере. Основная цель консорциума — производство знаний и развитие научного потенциала для обеспечения устойчивого развития циркумполярного региона и благоприятных условий для жителей Севера. Взаимодействие учёных и обучающихся происходит в рамках экспертных тематических сетей в разных областях науки и технологий (всего 33, в том числе по экологии, энергетике, геополитике, управлению северными территориями, коммерциализации научных разработок на Севере). В 12 тематических сетях принимают участие шведские университеты и научные организации. Студенты и преподаватели университетов — членов консорциума получают финансовую поддержку для прохождения обучения, стажировок, обменов, участия в полевых школах и других формах мобильности (например, в рамках программы академической мобильности «Север-к-Северу», North2North). Участники консорциума оказывают ана-

¹⁶ Sweden's Strategy for the Arctic region /Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden. 2011. 52 pp.

литическую и экспертную поддержку деятельности Рабочих групп Арктического Совета. В частности, ведутся исследования с целью реализации Программы мониторинга и оценки Арктики, осуществляется поддержка деятельности Международного арктического научного комитета по определению приоритетных направлений арктических исследований.

Шведский секретариат полярных исследований ведёт деятельность по развитию международного сотрудничества, будучи вовлечённым в переговоры вместе с Министерством иностранных дел. Шведский исследовательский совет финансирует крупные международные научные проекты в Арктике в рамках, например, Европейской научной ассоциации некогерентного рассеивания (European Incoherent Scatter) в Кируне, центре горнодобывающей промышленности Швеции и Северной Европы, расположенном за Полярным кругом.

Фонд международного сотрудничества в области науки и высшего образования (STINT) является государственным фондом поддержки проектов интернационализации шведских университетов. STINT финансирует гранты, которые выделяются для реализации краткосрочных (до 12 месяцев) проектов, нацеленных на выстраивание направлений международного сотрудничества шведских университетов с организациями за пределами Европы.

Шведский институт (Svenska institutet, SI) является правительственным подразделением, целью которого является продвижение шведской культуры, образования, содействие международному развитию. Институт администрирует несколько стипендиальных программ, позволяющих зарубежным студентам и исследователям посещать шведские университеты с целью обучения или проведения исследований. Шведский институт участвует в финансировании стипендий в Университете Арктики и шведских вузах для российских студентов.

Швеция, как и другие скандинавские страны, является участником различных форматов международного сотрудничества в области арктических исследований. Наличие научной школы полярных исследований, инфраструктуры, финансовая поддержка национальных и межгосударственных программ научных исследований, академической мобильности, развития образования позволяет Королевству выстроить эффективное взаимодействие со многими странами, проявляющими активность в Арктическом регионе.

Швеция является одной из стран-учредителей **Арктического совета (Arctic Council)**, основан в 1996 г. по инициативе Финляндии) — форума министерского уровня по проблемам устойчивого развития Арктики. Совет является примером международного научного сотрудничества в регионе: рабочие и целевые группы принимают участие в подготовке во взаимодействии с Министерствами иностранных дел, ООН, ЕС и иными организациями оценочных докладов и целевых исследований по всем аспектам социально-экономической и общественной жизни в регионе. В арктической стратегии Швеция выступает за институциональное и политическое усиление Арктического Совета через включение в его мандат вопросов безопасности, развития инфраструктуры и социально-экономического развития, более активного вовлечения в решение вопросов развития Арктики внерегиональных стран, прежде всего, азиатских: Китая, Индия, Сингапура, Республики Корея. Большое значение имеют разрабо-

танные с участием Швеции панарктические документы, носящие юридически обязательный характер: Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике (Гренландия, Нуук, 2011 г.) и Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности реагирования на загрязнение нефтью арктических морей (Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic, подписано на 8-й министерской сессии в Кируне, 2013 г.). В Швеции размещен секретариат Рабочей группы Арктического Совета по устранению загрязнений в Арктике (Arctic contaminants Action programm, АСАР).¹⁷

Швеция является одной из стран-учредителей **СБЕР** (основан в 1993 г. по инициативе Норвегии) — регионального объединения, целью которого является содействие устойчивому развитию североевропейского региона, создание условий для двустороннего и многостороннего сотрудничества в областях экономики, транспорта, инфраструктуры, торговли, окружающей среды, науки, образования, культурных обменов, туризма, а также реализации проектов, направленных на улучшение положения коренного населения Севера.

В 2017-2019 г. Швеция выполняет функции председателя Совета Баренцева Евро-Арктического региона. Приоритеты председательствования нашли отражение в программе «Региональное устойчивое развитие для будущего», которые опираются на повестку ООН в области устойчивого развития (Цели ООН в области устойчивого развития (UN Agenda 2030 sustainable Development Goals) SDG 13 (Изменение климата) и SDG 15 (Жизнь на земле) и положения Парижского Соглашения по климату.

В экологической и природоохранной сфере задачи программы включают в себя ликвидацию на Крайнем Севере Европы «горячих точек» в области загрязнения окружающей среды, развитие сетевых стратегий сотрудничества в области изменения климата, сохранение биоразнообразия и экосистем через обмен знаниями и трансграничное сотрудничество, устойчивое лесопользование и сотрудничество в области управления приграничными водными ресурсами.

В области экономического развития программа определяет в качестве приоритетных развитие инноваций, «зеленых технологий», инфраструктуры и логистики в целях приграничного сотрудничества, интеграцию между университетами, академическими институтами и бизнесом в Баренцевом регионе. Работа по данным направлениям ведется в соответствии с Целями ООН в области устойчивого развития: SDG 9 (Промышленность, инновации и инфраструктура), SDG 11 (Устойчивые города и сообщества) и SDG 12 (Ответственное производство и потребление).

В качестве приоритетных определены задачи в сфере профилактики и реагирования на чрезвычайные ситуации. Швеция примет совместные региональные учения в области спасения Varents rescue Exercise в 2019 г.

Продолжится работа по реализации Совместного регионального транспортного плана и в развития устойчивого туризма в регионе.

¹⁷ <https://www.arctic-council.org/index.php/en/acap-home>

В качестве приоритетов социального измерения обозначены молодёжь, культура, здравоохранение, образование, наука, развитие мобильности и академических обменов, расширение представительства коренных народов на всех уровнях управления регионом. Данное направление выстроено в соответствии с задачами Повестки ООН: SDG 3 (Здоровье и благополучие), SDG 4 (Гендерное равенство) и SDG7 (Партнёрства).

В 2013 г. в г. Киркенес была утверждена Баренцева Программа 2014–2018 гг., в которой закреплены следующие приоритеты сотрудничества:

- поддержка развития предпринимательства;
- расширение трансграничного сотрудничества, развитие транспортной инфраструктуры и мобильности;
- реализация Плана действий по предотвращению негативных последствий изменения климата;
- поддержка совместного управления и сохранения природных ресурсов;
- сотрудничество в сфере культуры.

Швеция является одной из стран-учредителей **Совета министров Северных стран** (основан в 1971 г. СМСС), созданного для координации сотрудничества между Северными странами. Практическое воплощение участия Швеции в работе СМСС видится в организации Nordforsk, целью которой является финансирование и развитие научного сотрудничества между Северными странами. СМСС реализует программы, направленные на укрепление научного сотрудничества по арктической проблематике. Целью Программы сотрудничества в Арктике (The Nordic Council of Ministers' Arctic Co-operation Programme)¹⁸ является поддержка устойчивого развития региона в приоритетных сферах: народы, устойчивое экономическое развитие, окружающая среда, природа и климат, образование и повышение компетенций. Nordforsk также финансирует программу сотрудничества Северных стран с Россией (Nordic-Russian Co-operation Programme)¹⁹, направленную на поддержку академической мобильности, развитие сетевого сотрудничества, разработку совместных образовательных программ (курсов). В рамках сотрудничества Северных стран осуществляется поддержка образовательной деятельности (проекты, академическая мобильность) через программу Nordplus.

В соответствии с национальной арктической стратегией и как член ЕС, Швеция последовательно поддерживает участие ЕС в проектах арктического сотрудничества через политику **«Северного измерения»**. Шведский совет высшего образования является национальным центром европейских программ EURAXESS и Erasmus +, поддерживающих мобильность в сфере образования, молодёжи и спорта. Университет Мальме и Лундский университет являются участниками Института Северного Измерения, который представляет собой сетевое сообщество университетов и научно-исследовательских институтов, объединяющее экспер-

¹⁸ Совет министров северных стран. URL: <http://www.norden.org/en/nordic-council-of-ministers/ministers-for-co-operation-mr-sam/the-arctic/the-nordic-council-of-ministers-arctic-co-operation-programme-2015-2017> (дата обращения: 26.09.2018).

¹⁹ Сотрудничество северных стран и России. URL: <http://siu.no/eng/Programme-information/Nordic-Russian-cooperation> (дата обращения: 26.09.2018).

тов в приоритетных программах (партнерствах) «Северного измерения» (энергетика, здравоохранение, логистика, культура и высшее образование).

Заключение

Страны Северной Европы выделяются по разработке и применению инновационных технологий во всех сферах экономики и непроизводственной сфере. Они занимают лидирующие позиции в глобальных рейтингах инновационной деятельности и конкурентоспособности. Модели развития североевропейских государств построены на традициях, где доминируют принципы правового государства, устойчивого развития, проявляются открытость, стабильность, равноправие, коллективная ответственность, активность общественных движений.

Важной предпосылкой перехода на инновационный тип развития стала смена парадигмы государственной экономической политики. В начале 1990-х гг. это выразилось в снижении доли сырьевых отраслей в ВВП, в сфере международной специализации — в переходе к предоставлению услуг, основанных на использовании наукоёмких технологий и информатизации. В этом состоит качественное отличие вектора развития североевропейских государств от российского опыта. Меры инновационной политики в субъектах арктической зоны РФ разрабатываются за редким исключением недостаточно и, как следствие, Россия по сравнению с северными государствами, развивающимися в сходных географических условиях, демонстрирует отставание в рейтингах инновационной активности [15, Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamickiy A.M., с. 60].

За последние полвека на государственном уровне, но с поддержкой частного бизнеса, в Швеции была создана система поддержки НИОКР и инновационной деятельности, обуславливающая высокий уровень социально-экономического и экологического развития страны и вносящая вклад в развитие всего североевропейского региона. При формировании стратегии инновационного развития и выбора институтов для её реализации осуществлялась опора на трудовые ресурсы, использовались меры государственного регулирования, учитывались особенности географического положения страны, особенности мировой конъюнктуры товаров и услуг, производимых в Швеции. Успех инновационной политики видится в её прочной связи с реальным сектором экономики, а также находится в прямой зависимости от разработок и исследований, производящихся как в самих компаниях и кластерах (в том числе с международным участием), так и на базе университетов страны.

Вопрос перенесения в российские условия шведского опыта инновационной деятельности не может быть решён однозначно. С одной стороны, важно учитывать сходные географические, природно-климатические условия и природно-ресурсный потенциал, системы расселения населения, отраслевую и территориальную системы хозяйствования северных регионов Европы и России. С другой стороны, механический перенос даже самого прогрессивного зарубежного опыта в условия другого государства малоэффективен.

Для России интенсификация сотрудничества с североευропейскими странами открывает путь к рациональному использованию природных ресурсов, расширению и модернизации инфраструктуры, интенсификации промышленного и инвестиционного сотрудничества, приобретению новых компетенций, что представляется более выгодным для экономики нашей страны, чем наблюдаемая преимущественно внешнеторговая экспансия западноевропейских стран на внутренний рынок РФ. При условии создания макроэкономических предпосылок (прежде всего, усиления инвестиционных процессов, предотвращения утечки капиталов за рубеж, ослабления административных барьеров) это будет содействовать поддержанию экономического развития нашего государства.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки РФ, государственное задание №30.12890.2018/12.1 «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего сотрудничества в сфере научной и образовательной политики Российской Федерации в Арктике».

Литература

1. de Oliveira H.H.N., de Carvalho Z.V. Socioeconomic development Strategies: Innovation Ecosystems for the Implementation of Smart-cities — case study in the United States, China and Sweden // Revista Geintec — Gestao Inovacao e Tecnologias. 2017. Vol. 7. No 4. Pp. 4074–4088. DOI 10.7198/geintec.v7.i4.1249
2. Hall P., Lofgren K. Innovation Policy as Performativity — the Case of Sweden // International Journal of Public Administration. 2017. Vol. 40. No. 4. Pp. 305–316.
3. Healy A. Innovation in Circumpolar Regions: New Challenges for Smart Specialization // Northern Review. 2017. No. 45. Pp. 11–32.
4. Hintsala H., Niemela S., Tervonen P. Arctic Innovation Hubs: Opportunities for Regional Cooperation and Collaboration in Oulu, Lulea and Tromso // Northern Review. 2017. No. 45. Pp. 77–92.
5. Lucchi N., Ots M., Ohlsson J. Market Structure and Innovation Policies in Sweden // Innovation Policies in the European News Media Industry: A Comparative Study. 2017. Pp. 191–203.
6. Martin R., Trippel M. The evolution of the ICT — cluster in southern Sweden — regional innovation systems, knowledge bases and policy actions // Geografiska Annaler. Series B-human Geography. 2017. Vol. 99. No. 3. Pp. 268–283.
7. Ylinenpaa H. The State of Innovation in Sweden and its Regions // Northern Review. 2017. No. 45. Pp. 57–75.
8. Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.М. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., 2008. 512 с.
9. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix as a Model for Innovation Studies (Conference Report) // Science & Public Policy. 1998. Vol. 25 (3). Pp. 195–203.
10. Пчелинцев В.С. Проблемы инновационной политики Швеции // Актуальные проблемы Европы. 2013. № 1. С. 117–138.
11. Edquist C., McKelvey M. High R&D Intensity without High Tech Products: A Swedish Paradox? / Ed/ by Nielsen K. and Johnson B., Institutions and Economic Change: New Perspectives on Markets, Firms and Technology. Edward Elgar Publishing Ltd, Cheltenham. Pp. 131–149.
12. Деттер Г.Ф. Генезис национальных и региональных инновационных систем арктических государств в контексте национальных инновационных политик // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. № 3 (88). С. 15–33.

13. Пилясов А.Н. Прогнозное развитие российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи, уроки зарубежных стратегий // Арктика: экология и экономика. 2011. № 2. С. 10–17.
14. Антюшина Н.М. Арктика: новый формат международного сотрудничества. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. 138 с.
15. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamickiy A.M. Innovative Course of Economic Development in the North and Arctic territories in Russia and in the Nordic Countries // Economic and social changes – Facts Trends Forecast. 2017. Vol. 10. No. 3. Pp. 59–77.

References

1. de Oliveira H.H.N., de Carvalho Z.V. Socioeconomic development Strategies: Innovation Ecosystems for the Implementation of Smart-cities — case study in the United States, China and Sweden. *Revista Geintec — Gestao Inovacao e Tecnologias*, 2017, vol. 7, no 4, pp. 4074–4088. DOI 10.7198/geintec.v7.i4.1249
2. Hall P., Lofgren K. Innovation Policy as Performativity — the Case of Sweden. *International Journal of Public Administration*, 2017, vol. 40, no. 4, pp. 305–316.
3. Healy A. Innovation in Circumpolar Regions: New Challenges for Smart Specialization. *Northern Review*, 2017, no. 45, pp. 11–32.
4. Hintsala H., Niemela S., Tervonen P. Arctic Innovation Hubs: Opportunities for Regional Co-operation and Collaboration in Oulu, Lulea and Tromso. *Northern Review*, 2017, no. 45, pp. 77–92.
5. Lucchi N., Ots M., Ohlsson J. Market Structure and Innovation Policies in Sweden. *Innovation Policies in the European News Media Industry: A Comparative Study*, 2017, pp. 191–203.
6. Martin R., Trippl M. The evolution of the ICT — cluster in southern Sweden — regional innovation systems, knowledge bases and policy actions. *Geografiska Annaler. Series B-human Geography*, 2017, vol. 99, no. 3, pp. 268–283.
7. Ylinenpaa H. The State of Innovation in Sweden and its Regions. *Northern Review*, 2017, no. 45, pp. 57–75.
8. Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya [Northern Europe: new development region]. Ed. by Yu.M. Deryabin, N.M. Antyushina. Moscow, 2008, 512 p. (In Russ.)
9. Etzkowitz N., Leydesdorff L. The Triple Helix as a Model for Innovation Studies (Conference Report). *Science & Public Policy*, 1998, vol. 25 (3), pp. 195–203.
10. Pchelintsev V.S. Problemy innovatsionnoy politiki Shvetsii [Problems of innovation policy in Sweden]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2013, no. 1, pp. 117–138.
11. Edquist C., McKelvey M. *High R&D Intensity without High Tech Products: A Swedish Paradox?* Ed. by Nielsen K. and Johnson B., Institutions and Economic Change: New Perspectives on Markets, Firms and Technology. Edward Elgar Publishing Ltd, Cheltenham, pp. 131–149.
12. Detter G.F. Genezis natsional'nykh i regional'nykh innovatsionnykh sistem arkticheskikh gosudarstv v kontekste natsional'nykh innovatsionnykh politik [Genesis of national and regional innovation systems of the Arctic States in the context of national innovation policies]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, 2015, no. 3 (88), pp. 15–33.
13. Pilyasov A.N. Prognoznoe razvitie rossiyskoy Arktiki: transformatsiya prostranstva, vneshnie svyazi, uroki zarubezhnykh strategiy [Expected Development of the Russian Arctic Regions: Space Transformation, External Relations and Lessons of Foreign Strategy]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2011, no. 2, pp. 10–17.
14. Antyushina N.M. *Arktika: novyy format mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Arctic: new format of international cooperation], Moscow: IE RAS Publ., 2014, 138 p. (In Russ.)
15. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamickiy A.M. Innovative Course of Economic Development in the North and Arctic territories in Russia and in the Nordic Countries. *Economic and social changes – Facts Trends Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 59–77.

УДК: [332.1:338](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.29

Предпосылки формирования минерально-сырьевых центров в опорных зонах развития в Арктической зоне Российской Федерации *

© **ЛИПИНА Светлана Артуровна**, доктор экономических наук

E-mail: s.lipina@mail.ru

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли» Минэкономразвития России, Москва, Россия

© **ЧЕРЕПОВИЦЫН Алексей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор

E-mail: alekseicherepov@inbox.ru

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский горный университет», Санкт-Петербург, Россия

© **БОЧАРОВА Лина Константиновна**, кандидат экономических наук, научный сотрудник

E-mail: bocharova_lina@mail.ru

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли» Минэкономразвития России, Москва, Россия

Аннотация. Новая редакция государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны» и проект закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» обозначили основным инструментом развития Арктики опорные зоны. Их главной задачей, согласно указанным документам, выступает освоение минерально-сырьевых центров (МСЦ) в Арктической зоне России, привлечение инвестиций, развитие Северного морского пути и развитие энергетической инфраструктуры. Поэтому выделение перспективных минерально-сырьевых центров в опорных зонах АЗРФ является актуальной задачей. На основе актуализации сведений о ресурсном потенциале Арктической зоны России можно сформировать пул перспективных МСЦ, развитие и поддержка которых должны быть в фокусе государственной политики в этом регионе. Не менее важным при этом является и анализ ключевых рисков, таких как финансовый, строительный и геологический, которые возникают при создании и разработке минерально-сырьевых центров и оказывают существенное влияние на рентабельность таких проектов. В работе предложен ряд показателей, оценивающих макроэкономический, социальный, геополитический и инновационный эффекты, возникающие при разработке МСЦ, и которые целесообразно положить в основу оценки социально-экономической эффективности реализации проектов МСЦ в опорных зонах. Кроме того, необходимо учитывать социально-экономическую значимость проектов МСЦ и влияние их результатов на жизнь населения. При выделении и создании минерально-сырьевых центров авторами предлагается использование кластерного подхода в качестве основного. Такие кластеры будут выступать опорными точками в пространственной организации региональной экономики и позволят достичь максимального мультипликативного эффекта. В заключение на основании проведенного анализа авторами сформулированы основные принципы реализации проектов МСЦ, к которым отнесены: формирование единой программы геологоразведки, совместное освоение близлежащих месторождений, а также формирование комплексных социально-экономических эффектов для территорий освоения.

Ключевые слова: минерально-сырьевой центр, Арктическая зона Российской Федерации, опорная зона, кластер, оценка социально-экономической эффективности МСЦ, мультипликативный эффект.

* Для цитирования:

Липина С.А., Череповицын А.Е., Бочарова Л.К. Предпосылки формирования минерально-сырьевых центров в опорных зонах развития в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 29–39. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.29

For citation:

Lipina S.A., Cherepovitsyn A.E., Bocharova L.K. The preconditions for the formation of mineral and raw materials centers in the support zones of the Arctic zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 29–39. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.29

The preconditions for the formation of mineral and raw materials centers in the support zones of the Arctic zone of the Russian Federation

© Svetlana A. LIPINA, Dr. Sci. (Econ.)

E-mail: s.lipina@mail.ru

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

© Alexey E. CHEREPOVITSYN, Dr. Sci. (Econ.), Professor

E-mail: alekseicherepov@inbox.ru

St. Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

© Lina K. BOCHAROVA, Cand. Sci. (Econ.), researcher

Russian Foreign Trade Academy of Ministry of economic development of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The new version of the state program “Social and economic development of the Arctic zone” and the draft law “On the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation” have designated support zones as the main instrument for the development of the Arctic. Their main task, according to the specified documents, is the development of mineral and raw materials centers (MRCs) in the Arctic zone of Russia, attraction of investments, development of the Northern Sea Route and development of energy infrastructure. Therefore, the selection of promising mineral and raw materials centers in the support zones in the Russian Arctic is an urgent task. By actualization of information on the resource potential of the Arctic zone of Russia, it is possible to form a list of prospective MRCs, the development and support of which should be in the priority focus of public policy in this region. Equally important is the analysis of key risks such as financial, construction and geological risks that arise when creating and developing mineral resource centers and have a significant impact on the profitability of such projects. The paper suggests some indicators that assess the macroeconomic, social, geopolitical and innovative effects that arise in the development of MRCs and which should be used for evaluating the social and economic impacts of MRC projects in support areas. Also, it is necessary to take into account the social and economic importance of MRC projects and the impact of their results on the life of the population. As the primary approach in the selection and creation of mineral resource centers, the authors propose the use of the cluster approach. Such clusters will act as pivots in the spatial organization of the regional economy and will achieve the maximum multiplicative effect. In conclusion, based on the analysis, the authors formulated the main principles for the implementation of MRC projects, which include: the formation of a single geological exploration program, the joint development of nearby deposits, and the formation of complex socio-economic effects for the exploration areas.

Keywords: *mineral resource center, the Arctic zone of the Russian Federation, support zone, cluster, evaluation of social and economic impacts of MRCs, multiplicative effect.*

Введение

В настоящее время Арктический регион становится актуальным направлением развития российского топливно-энергетического комплекса. Среди основных стратегических приоритетов — комплексное использование минерально-сырьевого потенциала и развитие транспортной инфраструктуры в регионах арктической зоны.

Освоение ресурсного потенциала Арктики характеризуется такими особенностями, как суровые климатические условия, сезонность работ, низкая степень геологической изученности, необходимость постоянного мониторинга погодных условий и состояния нефтяных платформ, подверженных волновым нагрузкам, обледенению, столкновениям с айсбергами и воздействию пакового льда, сложный процесс буксировки и установки платформы

(для морских нефтегазовых месторождений), ограниченное количество персонала на месторождениях и суровые условия пребывания.

Также следует отметить, что для освоения месторождений Арктики требуется осуществить колоссальные капитальные вложения, использовать уникальные, зачастую не апробированные в мировой практике технологии, учесть риски, которые государство должно делить с инвесторами. В связи с этим можно предположить, что освоение Арктики — это задача, требующая точечного подхода в государственной стратегии развития арктических территорий в условиях значительных инвестиций и высоких геологических, экономических, экологических рисков. Именно поэтому представляется важным и целесообразным выделить наиболее перспективные минерально-сырьевые центры (МСЦ), которые могут выступать драйверами роста арктической экономики и на которых будет в первую очередь сосредоточено внимание и поддержка государства.

Минерально-сырьевые центры — базис создания опорных зон развития в Арктике

В соответствии с изменениями, внесёнными в утверждённую в 2014 г. государственную программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»¹, освоение Арктики планируется через систему «опорных зон» — комплексных проектов по развитию арктических территорий, основой реализации которых станут механизмы государственно-частного партнёрства².

В настоящее время предполагается формирование 8 опорных зон, каждая из которых представляет собой территориальный мультипроект и аккумулирует совокупность разноотраслевых проектов.

Формирование минерально-сырьевых центров как эффективного инструмента программно-целевого планирования было предложено в «Стратегии развития геологической отрасли до 2030 года»³, которая была принята в 2010 г. Согласно данному документу, основой МСЦ должны стать находящиеся на разных стадиях разработки месторождения, которые могли бы быть связаны между собой общей инфраструктурной системой, в том числе иметь общий пункт отгрузки добываемого сырья. Внедрение такого подхода предполагает широкое использование инструментария проектного управления, поскольку МСЦ рассматривается как мультипроект, формирующий грузопотоки товарной продукции сырьевой направленности.

С региональной позиции пространственное планирование и формирование МСЦ позволит решить спектр задач, связанных не только с развитием сырьевой базы и достижением

¹ Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366» от 31 августа 2017 г. № 1064 URL: <http://static.government.ru/media/files/GGu3GTtv8bvV8gZxSEAS1R7XmzloK6ar.pdf> (дата обращения 13.03.2018).

² Григорьев М.Н. Минерально-сырьевые центры как драйверы экономического развития Арктической зоны. URL: <http://pro-arctic.ru/29/03/2017/resources/25915> (дата обращения 13.03.2018).

³ Стратегия развития геологической отрасли до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 21.06.2010 №1069-р. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1323> (дата обращения 13.03.2018).

высоких показателей эффективности её освоения, но и задач, направленных на комплексное социально-экономическое развитие регионов.

Актуализация сведений по развитию минерально-сырьевой базы позволяет утверждать, что Россия располагает значительным ресурсным потенциалом углеводородов в Арктике, которые могут послужить крупнейшим драйвером роста и развития топливно-энергетического комплекса страны [1, Телегина Е.А., с. 40; 2, Додин Д.А., Каминский В.Д. и др., с. 3]. При этом морские углеводородные проекты, как правило, гранично рентабельные вследствие высокой капиталоемкости и неблагоприятного экономико-географического размещения многих месторождений и перспективных участков [3, Dudin M., с. 2297].

В целом для последующей оценки наиболее перспективных проектов развития МСЦ необходимо выделить следующие ключевые риски таких проектов: критические, значимые и умеренные.

К числу критических рисков можно отнести:

- финансовый риск (стоимость проекта и его реинжиниринг);
- строительный риск (условия вечной мерзлоты, задержка поставок);
- геологический риск (несоответствие заявленным запасам, подтверждаемость запасов).

К числу значимых рисков можно отнести:

- управленческий риск (уникальность проекта, нехватка высококвалифицированных специалистов для эффективной работы в осложнённых условиях освоения);
- экологический риск (трудности нейтрализации проблем, связанных, например, с ликвидацией разливов нефти);
- маркетинговый риск (изменение цен на глобальных рынках энергетического сырья, падение спроса вследствие наращивания добычи нетрадиционных видов минерального сырья, например, сланцевая нефть и газ);
- политический риск (отказ от государственной поддержки в осуществлении проекта, международные технологические и экономические санкции).

К умеренным рискам можно отнести:

- природный риск (климатические форс-мажорные обстоятельства);
- юридический риск (изменение законодательства, отмена налоговых льгот).

В условиях ограниченных финансовых ресурсов добывающих компаний определение направлений инвестирования средств является одной из наиболее сложных экономических задач. В соответствии с современными методиками оценки инвестиционных проектов, выбор проектов МСЦ в Арктике рекомендуется проводить с учётом коммерческой, бюджетной и общественной эффективности.

Необходимо отметить важную принципиальную черту арктических проектов развития МСЦ, которая заключается в невозможности их реализации и оценки с ориентацией только на чистую коммерческую эффективность [4, Carayannis E.G., Cherepovitsyn A.E., Ilinova A.A.]. В рамках проектов формирования МСЦ необходима синхронизация всех работ по освоению и разработке с решением социально-экономических проблем функционирования хозяйства

территории, затронутой освоением таким образом, чтобы обеспечить устойчивое функционирование хозяйства территории в долгосрочной перспективе [5, Смирнова О.О., Липина С.А. и др., с. 148].

Таким образом, помимо основных показателей оценки крупномасштабных комплексных инвестиционных проектов развития МСЦ, отражающих конечные результаты посредством моделирования и расчёта денежных потоков, необходимо принимать во внимание дополнительные показатели, оценивающие социально-экономическую эффективность и зачастую являющиеся целевыми индикаторами при программно-целевом планировании (табл. 1).

Таблица 1

*Виды эффекта и индикаторы их оценки,
которые могут возникать при реализации проектов развития МСЦ*

№ п/п	Виды эффекта	Индикаторы
1	Макроэкономический эффект	Поступления денежных средств в федеральный и региональные бюджеты за счёт реализации новых проектов освоения природных ресурсов Арктики, создание региональной инфраструктуры, рост производительности труда, рост макроэкономических показателей развития арктических регионов: доля в ВВП и т.п.
2	Социальный эффект	Повышение качества жизни местного населения, сохранение традиционного уклада жизни коренных этносов, снижение миграционного потока из населённых пунктов Арктической зоны хозяйствования, увеличение количества рабочих мест в регионах освоения месторождений полезных ископаемых.
3	Геополитический эффект	Увеличение доли полезных ископаемых Арктической зоны РФ на мировых рынках, сохранение статуса надёжного поставщика сырьевых ресурсов, усиление позиций на мировых рынках, в том числе и посредством экспорта уникальных технологических решений для освоения сырьевых ресурсов в условиях Арктики.
4	Инновационный эффект	Повышение технического и технологического уровней компаний МСК, а также отечественной продукции нефтегазового и горнопромышленного машиностроения, отвечающей суровым условиям Арктики, создание принципиально новых технологий и технических средств, включая интеллектуальные безлюдные технологии, активизация научно-исследовательской деятельности российских компаний МСК, повышение научно-образовательного уровня специалистов.

Помимо этого, целесообразно использование показателей социальной эффективности инвестиционных проектов, к которым можно отнести следующие группы показателей:

1. Степень социально-экономической направленности проекта.

- Региональная значимость проекта — соответствие результатов проекта стратегии социально-экономического развития региона;
- Обеспеченность региона услугами — текущая степень обеспеченности региона услугами, предусмотренными проектом;
- Отраслевая принадлежность проекта — отрасль, на которую оказывают влияние результаты проекта;
- Охват населения результатами проекта.

2. Степень влияния результатов реализации инвестиционного проекта на жизнь населения.

- Уровень цен на услуги — разница цен на услуги, предусмотренные проектом, в сравнении с региональными ценами конкурентов;
- Уровень занятости населения — рост числа рабочих мест по итогам реализации проекта по отношению к численности занятых в регионе;
- Увеличение объёма услуг — характер услуг, предоставляемых в регионе, по итогам реализации проекта;
- Изменение качества услуг по итогам реализации проекта.

Полагаем, что решение о реализации того или иного проекта создания МСЦ должно приниматься с учётом принципа сопоставления различных проектов (вариантов проекта). При этом значения показателей эффективности могут сильно различаться, и принятие инвестиционного решения только на основании абсолютных значений показателей становится необъективным. В такой ситуации требуется определение единого комплексного показателя эффективности альтернативных проектов, выражающего преимущество того или иного проекта конкретным значением. Примером такого показателя может быть интегральный показатель Топт⁴. Данный показатель учитывает одновременно ключевые технические (коэффициенты извлечения нефти, газа, конденсата) и экономические (чистый дисконтированный доход, дисконтированный доход государства) показатели эффективности проекта.

Используя методологию SWOT-анализа на основе данных открытой печати [6, Контрович А.Э., с. 46; 7, Зуйковский Н.И., с. 50; 8, Паничкин И.В.; 9, Lipina S.A., Zaikov K.S., Lipina A.V.], авторы провели оценку потенциала существующих и перспективных проектов развития МСЦ в Арктической зоне России. Анализ показал, что без государственной поддержки данные проекты являются экономически нерентабельными.

Одной из стратегических задач государства и компаний-недропользователей в рамках проектов развития МСЦ является приобретение новых компетенций и опыта освоения уникальных проектов, требующих неординарных технических решений и способствующих в дальнейшем трансферу знаний и технологий при реализации других проектов в Арктике, в том числе и в рамках международного сотрудничества. В связи с этим целевыми индикаторами комплексных проектов развития МСЦ должны выступать показатели, характеризующие инновационную активность и инновационный потенциал как компаний, так и самих проектов.

Для перспективных Арктических проектов развития МСЦ государству в тесном взаимодействии с компаниями-инвесторами необходимо:

- обеспечивать комплексность проекта: максимально возможное освоение нескольких сырьевых объектов с использованием единой инфраструктуры;
- анализировать эффективность инвестиционных проектов с учётом и без учёта государственной поддержки в виде налоговых льгот и субсидий;
- обеспечивать взаимосвязь проекта со смежными отраслями;
- поддерживать устойчивость экономического роста региона;

⁴ Распоряжение Минприроды России от 18.05.2016 № 12-р «Об утверждении Временных методических рекомендаций по подготовке технических проектов разработки месторождений углеводородного сырья». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=662717#0> (дата обращения: 11.10.2018).

- обеспечивать безопасность: использовать инновационные технологии, предотвращающие аварии, техногенные катастрофы;
- минимизировать негативное влияние на окружающую среду;
- обеспечивать максимальный охват результатами проекта местного населения.

Реализовать указанные положения возможно на основе кластерной модели.

Формирование кластеров конкурентоспособности вокруг проектов минерально-сырьевых центров в опорных зонах развития в Арктике

Кластерный подход акцентирует внимание на микроэкономической и социальной составляющих развития территории. Данный подход направлен на формирование стимулов развития регионального бизнеса и повышение конкурентоспособности промышленности, рост уровня жизни, увеличение поступлений в бюджеты различных уровней и иные положительные эффекты.

Анализируя зарубежный опыт формирования кластеров [10, Гакашев М.М., с. 86; 11, Батталова А.А., Батталов А.М., с. 1; 12, Алейникова И.С., Воробьев П.В. и др., с. 119], можно предположить, что в настоящих условиях для России наиболее предпочтительна японская модель, предполагающая наличие предприятия-лидера, как правило, это компания-гигант, что позволяет ей снижать издержки за счёт масштаба. При этом такая компания должна быть инновационно активной, т.е. обладать достаточными ресурсами для разработки и внедрения новых технологий. Кроме того, перспективной видится трансформация созданных ещё в советское время территориально-производственных комплексов в территориальные промышленные или инновационные кластеры.

К основным характеристикам инновационно-технологических кластеров для создания их на базе МСЦ можно отнести следующие:

- Инновационные кластеры ориентированы на объединение научного и производственного потенциалов бизнеса и организаций для создания единой цепочки продукции, в том числе высокого уровня передела. Поэтому создание перерабатывающих производств вблизи горнодобывающих предприятий является актуальнейшей задачей. Хотя в условиях Арктики такой подход не всегда будет экономически обоснованным.
- Промышленным кластерам свойственна профильная ориентация при достаточно простом организационном устройстве на основе стандартной ресурсной базы, в то время как в инновационном кластере основополагающим принципом является создание благоприятного инновационного климата с разновекторным взаимодействием его участников.
- Инновационный кластер должен быть основной движущей силой широкого спектра отраслей производства в регионе присутствия.
- Горизонтальные связи внутри инновационного кластера способствуют быстрому распространению технологических, организационных и прочих нововведений, что в конечном итоге определяет более высокий уровень развития по сравнению с традиционным промышленным кластером.

Анализ создания и развития инновационно-технологических кластеров позволяет заключить, что формирование таких кластеров целесообразно осуществлять на потенциальных горнопромышленных узлах, представляющих собой совокупность расположенных вблизи друг друга перспективных объектов недропользования, достаточно изученных и целесообразных для привлечения инвестиций. Такие кластеры будут являться опорными точками в пространственной организации региональной экономики, определяющими основные направления социально-экономического развития региона и выступающими в качестве драйвера для смежных отраслей. Можно полагать, что кластерная модель развития минерально-сырьевой базы Арктического региона является наиболее оптимальной и позволяющей достичь максимального мультипликативного эффекта.

Анализ каждой опорной зоны с точки зрения её потенциала для формирования инновационных кластеров на базе минерально-сырьевых ресурсов позволяет сделать вывод о значительных перспективах развития минерально-сырьевой базы в каждой опорной зоне при условии реализации запланированных инфраструктурных проектов (табл. 2).

Таблица 2

Предпосылки формирования МСЦ в рамках опорных зон Арктики

Наименование опорной зоны	Основные центры добычи (существующие и перспективные)	Основные месторождения	Центры отгрузки сырьевой продукции потребителям
Кольская опорная зона	Шельфовые углеводородные месторождения Баренцева моря	Штокмановское, Мурманское, Лудловское, Ледовое, Северо-Кильдинское	Порт Териберка (проект)
	Хибинская группа апатит-нефелиновых месторождений	Кукисвумчоррское, Юкспорское, Апатитовый цирк, Плато Расвумчорр, Коашва, Ньорпахк, Куэльпор, Партомчорр, Олений ручей	Порты Мурманск, Кандалакша, железнодорожный транспорт
	Группа месторождений месторождений сульфидных медно-никелевых руд	Ждановское, Заполярное, Котсельваара, Семилетка, Быстринское, Тундровое, Спутник, Верхнее	
	Оленегорский рудный район	Оленегорское, Кировогорское, им. Баумана, XV лет Октября, Комсомольское	
	Кольская провинция	Месторождения железных руд, хрома, РЗМ, фосфора и пр.	
Архангельская опорная зона	Центр добычи в архипелаге Новая Земля	Павловское месторождение свинцово-цинковых руд, Приноземельская группа м/р УВС	Проект строительства отгрузочного терминала на трассе СШХ
Ненецкая опорная зона	м/р УВС Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции	Приразломное, Кумжинское, Коровинское, Харьягинское, Ярегское, месторождения Вала Гамбурцева и пр.	терминал Варандей, терминал Индига (проект), терминал Амдер-ма, нефтепровод Усинск – Ухта – Ярославль – Москва, газопровод "Северное сияние", Печора СПГ

	Большеземельский сланцевый бассейн		Ж/д транспорт
Воркутинская опорная зона	Печорский угольный бассейн	Воркутинское, Интинское, Усинское, Юньягинское и Варгашорское	Порт Нарьян-Мар
Ямало-Ненецкая опорная зона	Шельфовые и континентальные месторождения УВС	Харасавейское, Бованенковское, Южно-Тамбейское, Крузенштернское, Новопортовское, Мессояхское, Сламатовское, Геофизическое и пр.	Порт Сабетта, терминал «Ворота Арктики», магистр. нефтепровод «Заполярье-Пурпе», Арктик СПГ-2
Таймыро-Туруханская опорная зона	Ванкорская группа УВС месторождений	Ванкорское, Лодочное, Тагульское, Сузунское	Нефтепровод Ванкор — Пурпе
	Усть-Енисейский центр нефтедобычи	Пайяхское, Байкаловское,	Порты Дудинка, Диксон
	Хатангский центр нефтедобычи	Восточно-Таймырский ЛУ	Порт Хатанга
	Диксонский центр угледобычи		Порт Диксон
	Таймырский угольный бассейн	Черноярское, Пясинское, Крестьянское, Сырдасайское	Порт Диксон
	м/р сульфидных медно-никелевых руд.	Октябрьское, Талнахское, Норильск-1	
Северо-Якутская опорная зона	Кластер «Усть-Яна»	Томтор (РЗМ), оловорудное месторождение Депутатское, месторождения россыпного олова ручей Тирехтях, Чурпунья, Одинокое и пр.	
	Анабарский центр добычи алмазов	Эбелях, Моргор и пр.	
	Центры добычи золота	Кючус, Хаптагай-Хая (+сурьма), Тамара-Тасс	
	Таймылырский кластер	Таймылырское м/р угля	Порт Тикси
Чукотская опорная зона	Беринговский каменноугольный бассейн	Амаамское, Верхне-Алькатваамское, Бухта Угольная	Порт Анадырь
	Центры добычи широкого комплекса цветных и драгоценных металлов	Месторождения меди, никеля, висмута, ртути, олова, свинца, урана, золота, платины, серебра	Порт Певек

Заключение

Таким образом, реализация крупномасштабных инвестиционных проектов развития МСЦ должна быть основана на следующих принципах:

1. Формирование единой программы разведки, освоения и промышленной эксплуатации месторождений полезных ископаемых в составе единого проекта с созданием общей инфраструктуры.

2. Разработка близко расположенных минерально-сырьевых объектов или разработка месторождений-сателлитов при наличии крупного месторождения на основе согласованной технологической схемы и технических решений, обеспечивающих эффективную эксплуатацию всех месторождений, а также экономию на издержках за счёт эффекта масштаба производства.

3. Одновременное решение технико-экономических вопросов освоения месторождения и социально-экономических проблем функционирования хозяйства территории, и обеспечения устойчивого развития социальной среды, экономики региона, экологии.

Арктическая зона России представляет собой перспективный регион, ресурсная база которого может принести большой экономический эффект для недропользователей и государства. Значительный объем запасов и прогнозных ресурсов сырья в опорных зонах наряду с отсутствием инфраструктуры и высокой капиталоемкостью её строительства в местах перспективной добычи открывает широкие перспективы для формирования минерально-сырьевых центров, основанных на принципах кластеризации и позволяющих получить её позитивные эффекты.

Благодарности и финансирование

Статья выполнена в рамках государственного задания Минэкономразвития России по темам «Подготовка научно обоснованных предложений о возможностях применения особых режимов хозяйственной деятельности на территории Арктической зоны Российской Федерации» и «Подготовка научно обоснованных предложений по выделению перспективных минерально-сырьевых центров в Арктической зоне Российской Федерации», 2017 г.

Литература

1. Телегина Е.А. Ресурсы Арктического региона: перспективы и проблемы их освоения / Коллективная монография. Арктика: зона мира и сотрудничества / Под ред. А.В. Загорского. Москва: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.
2. Додин Д.А., Каминский В.Д., Золоев К.К., Коротеев В.А. Стратегия освоения и изучения минерально-сырьевых ресурсов российской Арктики и субарктики в условиях перехода к устойчивому развитию // Литосфера. 2010. № 6 (45). С. 3–24.
3. Dudin M.N., Sekerin V.D., Gorohova A.E., Bank S.V., Danko T.P. Arctic zone: Global strategic priorities for integrated development and infrastructure policy // Man in India. 2016. № 96 (7). Pp. 2297–2313.
4. Carayannis E.G., Cherepovitsyn A.E., Ilinova A.A. Sustainable Development of the Russian Arctic zone energy shelf: the Role of the Quintuple Innovation Helix Model // Journal of the Knowledge Economy. 2017. Vol. 8 (2). Pp. 456–470. DOI 10.1007/s13132-017-0478-9
5. Смирнова О.О., Липина С.А., Кудряшова Е.В., Крейденко Т.Ф., Богданова Ю.Н. Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 148–157. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.25.148
6. Конторович А.Э. Нефть и газ российской Арктики: история освоения в XX веке, ресурсы, стратегия на XXI век // Наука из первых рук. 2015. Вып. 1 (61). С. 46–65.
7. Зуйковский Н.И. Сдержанный оптимизм. Обзор российских СПГ-проектов // Нефть и газ. 2016. Март. С. 50–54.
8. Паничкин И.В. Разработка морских нефтегазовых ресурсов Арктики: текущее состояние и перспективы / Аналитическая записка. Российский совет по международным делам. 2016. Октябрь. № 8.
9. Lipina S.A., Zaikov K.S., Lipina A.V. Introduction of innovation technology as a factor in environmental modernization in russian Arctic // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. Vol. 10. № 2. Pp. 164–180. DOI 10.15838/esc.2017.2.50.9
10. Гакашев М.М. Модели организации региональных промышленных кластеров: обзор международного опыта // Вектор науки ТГУ. 2013. № 4. С. 86–89.

11. Батталова А.А., Батталов А.М. Основные преимущества страновых моделей, необходимые для формирования промышленных кластеров // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 1.
12. Алейникова И.С., Воробьев П.В., Исакидис В.А., Кадочников С.М., Кожин Д.Е., Коробейникова А.В., Лопатина Т.А., Михно М.В. Модели организации региональных промышленных кластеров: обзор международного опыта // Современная конкуренция. 2009. № 1. С. 119–133.

References

1. Telegina E.A. Resursy Arkticheskogo regiona: perspektivy i problemy ikh osvoeniya [Resources of the Arctic region: perspectives and problems of their development] Kollektivnaya monografiya. *Arktika: zona mira i sotrudnichestva* [Arctic: zone of peace and cooperation]. Ed. by A.V. Zagorskiy. Moscow: IMEMO RAN Publ., 2011, 195 p. (In Russ.)
2. Dodin D.A., Kaminskiy V.D., Zoloev K.K., Koroteev V.A. Strategiya osvoeniya i izucheniya mineral'no-syr'evykh resursov rossiyskoy Arktiki i subarktiki v usloviyakh perekhoda k ustoychivomu razvitiyu [The strategy of development and study of mineral resources in the Russian Arctic and subarctic in conditions of transition to sustainable development]. *Litosfera*, 2010, no. 6 (45), pp. 3–24.
3. Dudin M.N., Sekerin V.D., Gorohova A.E., Bank S.V., Danko T.P. Arctic zone: Global strategic priorities for integrated development and infrastructure policy. *Man in India*, 2016, no. 96 (7), pp. 2297–2313.
4. Carayannis E.G., Cherepovitsyn A.E., Ilinova A.A. Sustainable Development of the Russian Arctic zone energy shelf: the Role of the Quintuple Innovation Helix Model. *Journal of the Knowledge Economy*, 2017, vol. 8 (2), pp. 456–470. DOI 10.1007/s13132-017-0478-9
5. Smirnova O.O., Lipina S.A., Kudryashova E.V., Kreydenko T.F., Bogdanova Yu.N. Formirovanie opornykh zon v Arktike: metodologiya i praktika [Creation of development zones in the Arctic: methodology and practice]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 25, pp. 148–157. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.25.148
6. Kontorovich A.E. Neft' i gaz rossiyskoy Arktiki: istoriya osvoeniya v XX veke, resursy, strategiya na XXI vek [Oil and gas of the Russian Arctic: the history of development in the XX century, resources, strategy for the 21st century]. *Nauka iz pervykh ruk*, 2015, part. 1 (61), pp. 46–65.
7. Zuykovskiy N.I. Sderzhanny optimizm. Obzor rossiyskikh SPG-proektov [Restrained optimism. Review of Russian LNG projects]. *Neft' i gaz*, 2016, March, pp. 50–54.
8. Panichkin I.V. Razrabotka morskikh neftegazovykh resursov Arktiki: tekushchee sostoyanie i perspektivy [Development of offshore oil and gas resources in the Arctic: current status and prospects]. *Analiticheskaya zapiska. Rossiyskiy soviet po mezhdunarodnym delam*, 2016, October, no. 8.
9. Lipina S.A., Zaikov K.S., Lipina A.V. Introduction of innovation technology as a factor in environmental modernization in russian Arctic. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 164–180. DOI 10.15838/esc.2017.2.50.9
10. Gakashev M.M. Modeli organizatsii regional'nykh promyshlennykh klasterov: obzor mezhdunarodnogo opyta [Models of organization of regional industrial clusters: a review of the international experience]. *Vektor nauki TGU*, 2013, no. 4, pp. 86–89.
11. Battalova A.A., Battalov A.M. Osnovnye preimushchestva stranovykh modeley, neobkhodimye dlya formirovaniya promyshlennykh klasterov [The main advantages of the country models necessary for the formation of industrial clusters]. *Internet-zhurnal Naukovedenie*. 2014, no. 1.
12. Aleynikova I.S., Vorob'ev P.V., Isakidis V.A., Kadochnikov S.M., Kozhin D.E., Korobeynikova A.V., Lopatina T.A., Mikhno M.V. [Models of organization of regional industrial clusters: a review of international experience], *Sovremennaya konkurentsia*, 2009, no. 1, pp. 119–133.

УДК [94(571.56)“1980|1991”:338.436.33](045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.40

Традиционное хозяйство Якутии и АПК «Север»: организационно-управленческие решения второй половины 1980-х — 1991 гг. *

© САННИКОВА Яна Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: sannikowa@mail.ru

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

Аннотация. На основе архивных документов, вводимых в научный оборот, автор рассматривает региональный опыт организационно-управленческой деятельности по отношению к хозяйствам Севера Якутии специально созданного агропромышленного комбината. На освещаемый период управленческой деятельности АПК «Север» в 1989–1991 гг. определяющими в развитии северных хозяйств стали организационные процессы разукрупнения совхозов и начала реорганизации форм хозяйствования. В конце 1990 г. были официально впервые официально декларированы решения комбината о переходе хозяйств на рыночные отношения. В то же время реальное социально-экономическое положение хозяйств уже стало иметь тенденцию к ухудшению положения дел, в том числе к уменьшению количественного показателя — сокращению поголовья в хозяйствах изучаемых районов. Как видно из документов, особенную обеспокоенность справедливо вызывало состояние домашнего оленеводства — ведущего хозяйственного направления на Севере.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, АПК «Север», северные районы Якутии.

The traditional economy of Yakutia and AIC "Sever": organizational and managerial decisions of the second half of the 1980s — 1991

© Yana M. SANNIKOVA, Cand. Sci. (Hist.), senior researcher

E-mail: sannikowa@mail.ru

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. On the basis of archival documents, entered into scientific circulation, the author considers the local experience of organizational and management activities in relation to the farms of the North of Yakutia within a specially created agro-industrial complex (AIC). In the considered period of the AIC “Sever” activities, in 1989–1991, organizational processes of unbundling of state farms and the beginning of reorganization of management were decisive. At the end of 1990s, for the first time, decisions on transition to market relations were officially declared by the AIC. At the same time, the real social and economic situation of farms had already begun to show the deterioration, incl. a decrease in the quantitative indicator — reduction in the number of farms in the studied areas. As it is in the documents, the state of home reindeer husbandry, the leading economic sector in the North, was of a particular concern.

Keywords: traditional economy, the agro-industrial complex “Sever”, Yakutia.

* Для цитирования:

Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Якутии и АПК «Север»: организационно-управленческие решения второй половины 1980-х — 1991 гг. // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 40–55. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.40

For citation:

Sannikova Ya.M. The traditional economy of Yakutia and AIC "Sever": organizational and managerial decisions of the second half of the 1980s — 1991. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 40–55. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.40

Введение

Проблема изучения исторического опыта развития традиционного хозяйства коренных народов Арктики и Севера актуальна как в силу необходимости дальнейших исследований стратегий его адаптации в современной аграрной системе [1, Иванов В.А.; 2, Перевалова Е.В.], так и для раскрытия самоценности традиционного хозяйственного образа жизни коренного населения региона [3, Кирко В.И., Захарова К.Н.; 4, Vinokurova L., Filippova V., Sulеуmanov A., Grigorev S.; 5, H. Takakura; 6, Filippova V.V., Vinokurova L.I., Sannikova Ya.M., Grigorev S.A.]. В этом плане более подробное освещение отдельных вопросов региональных особенностей управленческих решений периода конца 1980-х — начала 1990-х гг. по отношению к северным хозяйствам позволит учитывать при исследовании изучаемой проблемы те исторические реальности, которые привели к последующим трансформациям в традиционной хозяйственной деятельности коренного населения в целом. В данной статье обращено внимание на локальный пример деятельности специально созданного агропромышленного комбината «Север» для управления северными хозяйствами Якутии и отражён опыт реальных организационных хозяйственных изменений в их развитии в изучаемый период.

Со второй половины 1980-х гг., как и в других отраслях народного хозяйства, в аграрном секторе экономики тогда ещё огромной страны начались изменения в организации управления [7, Крестьянство и сельское хозяйство Сибири; 8, Алексеев А.И.; 9, Вербицкая О.М.]. Каждый регион имел свои особенности сельскохозяйственного развития, в Якутии, с точки зрения комплекса всего народного хозяйства и производства, данная отрасль считалась отстающей, в то время как сельское хозяйство, традиционные отрасли являлись исконным занятием коренного населения края [10, Ковлеков С.И.; 11, Винокурова Л.И.]. В условиях сложившейся за советские годы системы централизованной экономики страны констатировалось, что из-за незавершённости структуры управления агропромышленным комплексом на союзном и республиканском уровнях не было достигнуто необходимой интеграции сельского хозяйства с перерабатывающей промышленностью, не произошло существенных изменений в экономическом механизме взаимоотношений колхозов, совхозов и обслуживающих организаций [10, Ковлеков С.И., с. 12].

Попыткой решить данную проблему стало решение образовать союзно-республиканский Государственный агропромышленный комитет (Госагропром СССР), постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о котором вышло 14 ноября 1985 г. В том же месяце был образован Госагропром РСФСР. Приказом Госагропрома РСФСР от 25 февраля 1986 г. на базе ликвидированного Министерства сельского хозяйства Якутской АССР, Министерства пищевой промышленности Якутской АССР, Государственного комитета Якутской АССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства и производственного управления «Якутсельстрой» был создан Агропромышленный комитет Якутской АССР. Согласно Положению, Госагропром ЯАССР являлся органом государственного управления агропромышленным комплексом республики. В его состав вошли 438 совхозов, предприя-

тий и учреждений, в том числе мясомолочный комбинат, объединение «Сельхозхимия», Госплемобъединение, птицефабрика, филиал института «Дальгипрозем», некоторые предприятия Министерства пищевой промышленности. В систему агропромышленного комплекса также вошли Министерство мелиорации и водного хозяйства, Министерство лесного хозяйства, объединение «Якутрыбпром», Управление охотничье-промыслового хозяйства, Управление хлебобулочной и макаронной промышленности, респотребсоюз «Холбос» с сохранением функций и прав, предусмотренных его Уставом.

Создание АПК «Север»

В ходе последовавших вскоре управленческих решений северные хозяйства Якутии были отнесены к ведению нового агропромышленного комбината — самостоятельного образования, отдельного от Госагропрома ЯАССР. Приказом № 770 Госагропрома РСФСР от 1 ноября 1988 г. был создан агропромышленный комбинат «Север» в Якутской АССР с обособленным аппаратом управления¹. В своей деятельности новый АПК подчинялся Госагропрому РСФСР и Совету Министров Якутской АССР. Вначале в состав АПК «Север» вошли 77 подразделений (совхозы, группы по племенной работе, ветеринарные станции по борьбе с болезнями сельскохозяйственных животных, мясокомбинаты, межхозяйственные передвижные механизированные колонны) 13 районных управлений сельского хозяйства Севера Якутии, в том числе 30 совхозов, восемь предприятий республиканского и городского значения². Также в ведение Госагропрома РСФСР для включения в состав АПК «Север» ЯАССР были переданы от Минрыбхоза РСФСР объединение «Якутрыбпром» в составе шести рыбзаводов, в том числе «Колымский», «Индибирский», «Быковский» и рыболовецкий колхоз «Арктика», от Минместпрома — сувенирная фабрика «Сардана», г. Якутск. Позже, в декабре 1988 г., в состав АПК «Север» были включены совхозы «Кировский» Кобяйского района и «Томпонский» Томпонского района³. Интересно отметить, что, как и в приказе о создании, в положении об агропромышленном комбинате «Север» Госагропрома РСФСР было сказано, что АПК «Север» организован в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 9 сентября 1988 г. № 378 «О дополнительных мерах по ускорению экономического и социального развития агропромышленного комплекса Якутской АССР на период до 2000 года» в порядке опыта, исходя из экономической целесообразности, на условиях, предусмотренных постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 июня 1984 г. № 549 «О создании агропромышленного комбината «Кубань» в Краснодарском крае». В целом же вышеуказанное постановление о развитии агропромышленного комплекса автономной республики было названо примером заботы, постоянного внимания партии и правительства к «вопросам социально-экономического развития районов проживания народностей Севера», а также было отмечено, что АПК «Север» был создан в порядке реализации одного из пунктов данного по-

¹Национальный архив Республики Саха (Якутия), далее — НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.1. Л.1.

²НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.1. ЛЛ.3–6.

³НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.1. Л.7.

становления, который должен был поднять социальный уровень населённых пунктов Севера и содействовать ускорению экономического развития северных совхозов⁴. В свою очередь во исполнение вышеуказанного решения Совет Министров ЯАССР вынес постановление № 370 от 16 декабря 1988 г. «О создании агропромышленного комбината «Север». Основной задачей в деятельности агрокомбината было заявлено — на основе широкой кооперации сельскохозяйственных, перерабатывающих, межхозяйственных предприятий — увеличение производства сельскохозяйственной продукции и высококачественных продовольственных товаров на базе современной техники и технологии осуществления производства, заготовок, переработки и реализации продукции на основе хозрасчёта, самокупаемости и самофинансирования⁵. Было обращено внимание на то, что в деятельности АПК «Север» будет иметь место ряд особенностей, которые раскрывают перед комбинатом хорошие перспективы. Основными из них были названы: право выхода комбината на внешний рынок для реализации продукции оленеводства, пушнины, в котором большое значение придавалось заготовке пантов оленей; совхозам комбината разрешалась реализация до 30% плановой, всей сверхплановой и внеплановой продукции по договорным ценам как на рынке, так и торговым и другим предприятиям; комбинат должен был оказывать помощь своим совхозам и предприятиям в вопросах укрепления материально-технической базы — был определён порядок бюджетного финансирования строительства объектов производственного назначения, жилья и объектов соцкультбыта в совхозах и предприятиях комбината. В отличие от других совхозов республики, северным хозяйствам Госагропром РСФСР ежегодно должен был выделять определённый объём бюджетных средств, было отмечено, что это большое преимущество АПК «Север», оно установлено в виде исключения, в целях оказания помощи в социальном развитии сёл республики, расположенных за полярным кругом⁶. Было реализовано управленческое решение объединить под общей структурой совхозы, перерабатывающие, обслуживающие предприятия и организации Севера Якутии.

Высшим органом управления комбината являлся Совет, который созывался по мере необходимости, но не реже двух раз в год, а внеочередные собрания были возможны по требованию не менее 1/3 членов Совета. Заседание Совета правомочно было при присутствии не менее 3/4 его состава. В Совет АПК «Север» в начале его деятельности к 1989 г. входило примерно 60 участников, в том числе генеральный директор АПК «Север», пять его заместителей, управляющий трестом «Североагропромстрой», руководители северных хозяйств и работники хозяйств — по одному представителю из отраслей: оленевод, рыбак, охотник, зверовод. Также в заседаниях Совета комбината принимали участие приглашённые руководители хозяйств и работники республиканских органов.

⁴НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.3. Л. 4.

⁵НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.2.

⁶НА РС (Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

К середине 1989 г. АПК «Север» объединял уже 102 организации, в том числе 33 совхоза из 15 районов⁷. Для оперативного решения вопросов деятельности комбината в период между заседаниями Совета создавался Президиум Совета, который избирался на заседании Совета. Председателем Президиума становился Председатель Совета. Президиум созывался по мере необходимости и был правомочен при 3/4 своего состава. Для руководства повседневной деятельностью комбината путём найма создавался обособленный аппарат управления. Предельная численность аппарата АПК была утверждена в количестве 65 человек с годовым фондом оплаты труда 8 500 тыс. руб., который возглавлял генеральный директор комбината, он избирался и освобождался от должности Советом комбината с последующим утверждением Госагропрома РСФСР. Первым генеральным директором АПК «Север» был назначен Климент Егорович Иванов. С сентября 1989 г. им стал Сидор Афанасьевич Филиппов.

К 1 октября 1989 г. в состав АПК входили 110 хозяйствующих субъектов, в том числе 44 совхоза и предприятия, организации, обслуживающие сельскохозяйственное производство, рыбзаводы, мясомолкомбинаты, межхозяйственный трест «Северагропромстрой» — добровольно, по решению общих собраний уполномоченных. Все предприятия сохраняли хозяйственную самостоятельность и права юридического лица⁸. В экономическом плане сельскохозяйственная, промышленная продукция, изделия народных промыслов, продукция собственного производства в свежем или переработанном виде, в том числе пушнина, реализуемая через собственную торговую сеть и на рынке, засчитывалась комбинату как выполнение плана. Комбинат выполнял функции заготовительной организации, заключал договоры контрактации, договоры на покупку у населения излишков сельскохозяйственной и другой продукции. Совет комбината определял и утверждал объёмы капитальных вложений, их направление и титульные списки на строительство объектов сметной стоимостью от одного до четырёх млн руб. Комбинат имел право выхода на осуществление сотрудничества и налаживания контактов с фирмами капиталистических и развивающихся стран в области науки, техники, международного кооперирования производства и разделения труда в целях реализации заданий государственных планов. Реализация всей произведённой предприятиями, организациями и хозяйствами, входящими в состав комбината, сельскохозяйственной и промышленной продукции в республиканский фонд в соответствии с плановыми заданиями производилась по утверждённым государственным ценам и по ценам кооперативной торговли. Реализация продукции через собственную торговую сеть производилась по ценам, установленным Советом комбината с учётом качества продукции и потребительского спроса, а реализация на рынке и другим потребителям производилась согласно договорённости. Цены, установленные Советом комбината, должны были возмещать затраты по производству, хранению, переработке, расфасовке, транспортировке, реализации продукции, а также обеспечивать необходимые накопления для расширения производства.

⁷НА РС (Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ.4–5.

⁸НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.8. ЛЛ. 2–3.

Характеристика основных организационно-управленческих решений

Решения по управлению и организации деятельности всех подведомственных предприятий АПК «Север», в первую очередь, касались хозяйств, совхозов, они как основные производители продукции, были ключевым звеном в деятельности всего комбината. В 1989–1990 гг. определяющими в развитии северных хозяйств стали организационные процессы 1) разукрупнения совхозов и 2) начала реорганизации форм хозяйствования.

Разукрупнение самих совхозов — создание новых совхозов шло как постоянный, плановый процесс. Так, по данным комбината, в 1989 г. на базе отделений крупных совхозов северных районов были организованы семь новых совхозов АПК «Север»: четыре хозяйства с оленеводческим производственным направлением — «Кыстатемский» Жиганского, «Березовский» Среднеколымского, «Бытантайский» Эвено-Бытантайского, «Майорский» Абыйского и три хозяйства с коневодческим производственным направлением — «Алеко-Кюельский», «Сватайский», «Эбяхский» Среднеколымского. Например, создание последних трёх хозяйств началось на основе разукрупнения совхоза «Алазейский». Данный реорганизационный процесс начался в августе 1989 г. Все расчёты велись по балансу на 1 сентября текущего года в пределах установленных нормативов по труду и финансам. Кроме вышеуказанного коневодческого производственного направления теперь уже в четырёх совхозах района дополнительной товарной продукцией в животноводстве были молоко, говядина, а в звероводстве и охотничьем промысле — пушнина. Для проведения непосредственно самого процесса разукрупнения и организации новых совхозов была образована комиссия АПК, в которую вошли председатель — первый заместитель гендиректора комбината, члены — ведущий специалист, главный бухгалтер, ведущий экономист комбината, директор, главный бухгалтер совхоза «Алазейский», главный землеустроитель Среднеколымского района⁹. 8 декабря 1989 г. в продолжение решений по поводу вновь организованных совхозов, а также совхоза «Березовский», отделившегося от совхоза «50 лет СССР», вышел приказ в АПК «Север» об экономическом и социальном развитии новых совхозов Среднеколымского района на период 1990–1992 гг. Речь шла о том, что центральные усадьбы новых совхозов в социальном плане находятся на низком уровне, экономический потенциал, особенно совхозов «Сватайский» и «Эбяхский», был оценён как маломощный. Поэтому в управленческо-организационном плане комбинат проводил работу по планированию, как было сказано, коренного подъёма экономики и социального уровня развития сел — центров совхозов. Как первые меры к действию были приняты утверждения показателей экономического и социального развития совхозов и плана направления руководителей и специалистов сельскохозяйственного производства на учёбу для повышения их деловой квалификации¹⁰. Тем не менее, спустя более полугода, 22 августа 1990 г. ревизия финансово-хозяйственной деятельности совхоза «Березовский» при подведении итогов в хозяйственной части сделала вывод о

⁹НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.5. ЛЛ. 39–40.

¹⁰НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.5. Л. 72–79.

том, что совхоз не был укомплектован специалистами, в течение года привлекались временные работники; не было базы оленеводства, охотники не обеспечивались средствами промысла, меховой спецодеждой; некачественно велось строительство на участках Уродан и Киллем, строительные работы принимались прорабами без составления актов; связь с районным центром, г. Среднеколымском, для перевозки пассажиров и почты осуществлялась на вертолёте только за счёт средств совхоза¹¹.

В 1990 г. был разукрупнён совхоз «Адычинский» Верхоянского района, созданная 26 января 1990 г. исполкомом Верхоянского райсовета народных депутатов комиссия из 13 человек до 20 марта должна была предоставить необходимые материалы в райисполком и АПК «Север» с привлечением для расчётов научных институтов ЯАССР. 11 апреля 1990 г. вышел приказ № 1/1 о разукрупнении совхоза «Адычинский». В нём говорилось, что, учитывая неоднократные просьбы и ходатайства партийных советских органов, и на основании решения сельских сходов сёл Бетенкес, Томтор, Улахан-Кюель, сельский исполком Верхоянского Совета народных депутатов решил разукрупнить совхоз «Адычинский» и на базе отделений совхоза образовать три совхоза: совхоз «Табалахский» на базе Табалахского отделения с центром в с. Улахан-Кюель, совхоз «Адычинский» на базе Кировского отделения с центром в с. Бетенкес, совхоз «Борулахский» на базе Борулахского отделения с центром в с. Томтор. Технико-экономическое обоснование было составлено Институтом экономики КОПРС ЯНЦ СО РАН, и границы совхозов утверждались согласно представленным схематическим картам на основании постановления Совета Министров ЯАССР от 1975 г.¹²

На примере совхозов двух районов показана общая логика процесса разукрупнения северных хозяйств в 1989–1990 гг., курируемых в организационно-хозяйственном плане АПК «Север». До сентября 1990 г. порядок кураторства был определён закреплением специалистов по хозяйствам. Руководство комбината сочло данный порядок не в полной мере оправдавшим себя, 11 сентября 1990 г., как было сказано в приказе, «для повышения взаимной ответственности работников аппарата и специалистов совхоза и улучшения общей организации работы хозяйств и аппарата комбината было решено распределить районы только по отраслевым отделам». Всего 44 совхоза 17 районов были распределены между девятью отделами аппарата АПК «Север»¹³.

Первыми новыми формами хозяйствования в изучаемых районах стали два конезавода и община в начале 1990 г. Коневодческие предприятия имели в обосновании своего создания скорее только производственную и племенную специализацию. Президиумом АПК «Север» 2 февраля 1990 г. было принято постановление о создании конных заводов табунного метода содержания лошадей якутской породы. И 11 марта была создана комиссия, которая должна была работать по образованию конезаводов «Сартанский» Верхоянского рай-

¹¹НАРС (Я). Ф.1500. Оп.1. Д.9. Л. 152.

¹²НА РС(Я). Ф.1500. Оп. 1. Д.52. Л. 1.

¹³НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.9. Л. 165–167.

она и «Алеко-Кюельский» Среднеколымского района. Одноимённые совхозы были реорганизованы по приказу АПК «Север» с 1 сентября в конные заводы табунного содержания¹⁴.

Община создавалась также на основе производственной специализации базового хозяйства, в то же время из документов видно, что определяющее значение имел процесс возрождения традиционных форм хозяйствования коренных народов Севера. Так, 14 августа 1990 г. вышел приказ АПК «Север» об организации самостоятельного хозяйства на базе кооператива «Оетунг» при совхозе «Аллаиховский». Была создана комиссия, которая должна была изучить предложение «оетунгцев» и представить технико-экономическое обоснование для перевода кооператива в коллективное предприятие с прямым подчинением АПК «Север» до 1 сентября 1990 г. Общим обоснованием явилось то, что в ходе перестройки определяются поиски новых форм хозяйствования, возрождение и развитие национальных населённых пунктов и формирование специализированных производственных единиц. Было подчёркнуто, что в адрес комбината обратились бывшие рабочие и коренные жители с. Оетунг — отделения совхоза «Аллаиховский» вместе с представителями республиканской ассоциации народов Севера с просьбой о создании самостоятельного предприятия на базе их бригады с учётом особенностей их условий и создавшегося положения коренных жителей, оетунгских эвенов, для организации самостоятельного хозяйства на базе кооператива «Оетунг» при совхозе «Аллаиховский»¹⁵. В результате приказом комбината от 22 ноября 1990 г. было создано малое предприятие «Оленеводческо-промысловая община оетунгских эвенов» при АПК «Север» для обеспечения трудоузанности и производства продукции оленеводства, охотничьего промысла (добычи пушнины, диких северных оленей) и рыболовства общиной оетунгских эвенов Аллаиховского района на их родовых угодьях. Директором был назначен Владимир Николаевич Слепцов. Данным же приказом на основании решения Аллаиховского районного Совета народных депутатов от 11 октября 1990 г. № 158 п. 2. совхоз «Оленегорский» (директор С.В. Шахов) был обязан с 1 января 1991 г. безвозмездно передать малому предприятию 3 000 оленей, ранее переданных от Оетунгского отделения совхоза «Аллаиховский» при организации совхоза «Оленегорский» в 1972 г. Совхоз «Аллаиховский» (директор А.Л. Долинин) до 20 декабря 1990 г. должен был провести разделение материально-технических средств и базы и представить комбинату на утверждение. Также должна была быть произведена комплектация нового предприятия кадрами руководителей и специалистов.

О переходе на рыночные отношения

16 октября 1990 г. состоялось заседание Совета АПК Север Якутской — Саха ССР, на котором были обозначены вопросы перехода к рыночным отношениям: возникающие трудности в развитии сельскохозяйственного производства, ориентация на многоукладную экономику и развитие разнообразных форм собственности в аграрном секторе, разгосударств-

¹⁴НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д. 9. л. 50. л. 134.

¹⁵НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.9. ЛЛ. 150, 193.

ление и приватизация средств производства, решение проблем земельной реформы, изменение банковской и финансово-кредитной систем, ценообразование с учётом региональных особенностей сельскохозяйственного производства в Якутии. Было официально принято постановление «О подготовке к переходу комбината «Север» на рыночную экономику», в котором были определены направления его дальнейшей деятельности. Так, если обобщить, то кроме совхозов в равноправном положении должны были быть и другие формы хозяйствования как национально-территориальные образования крестьянских, родовых общинных, фермерских хозяйств, кооперативов при совхозах, арендных и подсобных хозяйств и частного сектора; в экономическом плане в условиях переходного периода должен был сохраниться порядок планирования производства и закупок сельскохозяйственной продукции на 1991 г. по действующей системе с учётом возможностей договоров контрактации на объём производства на все виды продукции и установления натурального налога (республиканского госзаказа) на 1991 г. в размере 80% достигнутого среднего уровня 12 пятилетки на закупку и поставку мяса и мясопродуктов, молока и молочной продукции при условии подтверждения материально-технического снабжения, а также рыбы и рыбной продукции, пушнины и кожмехового сырья по усмотрению хозяйств при условии республиканской дотации по этим продуктам; предлагалось внести на рассмотрение Верховного Совета и Совета Министров Якутской — Саха ССР вопросы о выделении дотаций на покрытие транспортных расходов, предоставлении прав лицензирования продажи на внешнем рынке, выделении дополнительных финансов для землеустроительных и других работ, списании долгосрочных и краткосрочных кредитов в целом по АПК «Север», выделении дотации на покрытие расходов по содержанию совхозами жилищно-коммунального хозяйства, заведений здравоохранения, культуры и просвещения и последующей передачей их на коммунальную собственность местных Советов. Отдельно было сказано о том, что в хозяйствах комбината, где представители малочисленных народов и коренные жители Севера занимаются традиционными отраслями — оленеводством, охотпромыслом и рыболовством, следует установить границы территорий так, чтобы вернуть этим народам их рядовые и общинные оленеводческо-промысловые и рыболовные угодья¹⁶.

Также из постановляющего документа Совета комбината видно, что в организационном плане речь шла об обеспечении улучшения материально-технического снабжения совхозов, сохранении централизованных поставок материально-технических ресурсов в республике; создании совместных предприятия с зарубежными партнёрами и собственных перерабатывающих предприятий и объединений; изыскании возможности получения иностранного кредита на расширения поставки на внешний рынок и переработки внутри республики сопутствующей продукции оленеводства (панты, экстракт пантов, железы эндокринной секреции и т.д.); создании при АПК «Север» резервного валютного фонда для решения общих социально-экономических и хозяйственных вопросов; предлагалось даже предусмотреть рес-

¹⁶НА РС(Я). Ф.1500. оп. 1. Д. 3. Л. 71–73.

публиканскую дотацию для успешной конкуренции с теневой экономикой по закупке пушно-мехового сырья. Также в управленческой деятельности кроме прямых производственных стояли и другие задачи различного организационного и финансового характера: работа по сохранению АПК «Север» как крайне необходимой хозяйственной экономической единицы, в срок до 15 декабря 1990 г. необходимо было разработать и предоставить на рассмотрение Совета новую структуру управления комбината, отвечающую условиям рыночных отношений с обязательной договорной работой каждого отдела с хозяйствами комбината; работа совместно с ассоциацией народов Севера (в том числе разработка законодательных инициатив в сфере традиционных отраслей); работа по учредительству комбината в малой авиации по созданию коммерческих банков и членства в них хозяйств и предприятий комбината в связи с предстоящим резким повышением тарифов; материальное стимулирование работников аппарата комбината. Также отдельно было сказано о том, что средства, предназначенные для отчисления в МСХ РСФСР за 1990 г., в порядке оказания помощи следует перераспределить на покрытие стихийного бедствия совхозов бассейнов рек Индигирки, Колымы и Яны.

В целом на организационно-управленческие решения АПК «Север» также влияли: первоочередные задачи новой экономической политики в агропромышленном комплексе республики, принятые на расширенном заседании Госагропрома Якутской — Саха ССР 27 октября 1990 г. в виде перечня мероприятий на октябрь — декабрь 1990–1991 г.¹⁷ и принятие Примерного Положения о кочевой родовой общине малочисленных народов Якутской — Саха ССР, одобренного постановлением СМ ЯАССР от 29 января 1991 г. № 24, ставшего знаковым для создания новых форм хозяйствования как для процесса возрождения традиционного уклада коренных народов Севера.

25 февраля 1991 г. Президиум Совета АПК «Север» утвердил перечень мероприятий по внедрению первоочередных задач новой экономической политики в АПК «Север» 1991 г., среди которых первой была организация разнообразных форм хозяйствования: начать практическую работу по организации арендных, общинных предприятий, родовых хозяйств и агрофирм, отвечающих условиям рыночной экономики и занимающихся законченным циклом: производством, переработкой и торговлей, в том числе пантоведческих хозяйств; по переводу внутрихозяйственных подразделений на самостоятельные товаропроизводители — арендные коллективы при совхозе с правом владения продукцией и доходом. Также нужно было разработать предложения по определению путей дальнейшего ведения убыточных и низкорентабельных предприятий и внести их в Минсельхозпрод РСФСР; развивать сельскохозяйственные связи по переработке меха, организовать в совхозах пошивочные мастерские из мехового сырья, обеспечить их специальным оборудованием, добиться создания собственной системы торговли; признать целесообразным экспортные виды пушнины, с

¹⁷НА РС(Я). Ф.1500. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 56–60.

участием экспертов принять их для реализации в экспорт, довести до совхозов задание на комплектование и т.д.¹⁸

Экономическое состояние хозяйств

1989 г. был практически первым в деятельности АПК «Север». По состоянию на 1 января 1989 г. на хозяйства АПК «Север» — на 33 совхоза в 15 районах — приходился 91% оленей (303 тыс. голов), 17% лошадей (29 тыс. голов), 7,6% крупного рогатого скота (22 тыс. голов) республиканского поголовья домашних животных, 52,5% промысловой и 47% клеточной пушнины. В совхозах республики имелись 332 тыс. голов оленей, в том числе, как было указано выше, 303 тыс. голов, или 91% — в 32 северных совхозах АПК «Север». Из них 22 совхоза специализировались в оленеводстве, где в 265 бригадах работали 1 950 оленеводов. Руководство комбината подчёркивало, что Якутия является крупным оленеводческим регионом страны. По данным комбината, в годовом госзаказе мясо оленины составляло 50%, выручка от продажи мяса оленины и его продукции — 37–40 млн руб., при этом от реализации оленины совхозы получали около 4 млн руб. чистой прибыли. Значение северных хозяйств было выделено в следующем тезисе отчётных документов АПК «Север»: в хозяйственном и социально-экономическом плане домашнее оленеводство является основной отраслью, от которой зависит финансово-хозяйственная деятельность всей системы АПК «Север» и с которой непосредственно связано повышение культурно-бытовых, жилищных условий народностей Севера. На этот комплекс вопросов, связанных с развитием оленеводства, улучшением социально-бытовых условий оленеводов, должно было быть направлено внимание аппарата АПК «Север», руководителей предприятий на местах¹⁹.

В августе 1989 г. предприятия (хозяйства) комбината за семь месяцев текущего года официально предоставили следующие показатели: выполнили госзаказ по продаже молока на 100%, мяса — на 14%, заготовки пушнины — на 126%; промышленные предприятия комбината выпустили на сумму 4 млн 936 тыс. руб., выполнив план производства цельномолочной продукции на 107%, мяса — в 2,3 раза. За полгода 1989 г. план капитального строительства по всем источникам был выполнен на 103%, освоено 20 млн руб. капитальных вложений; за полгода 1989 г. предприятиями комбината было получено прибыли в сумме 26 млн 245 тыс. руб. На арендном подряде работали 277 подразделений или 23% всех предприятий комбината²⁰. Результативной была признана деятельность 12 оленеводческих совхозов, перешедших к прямой сдаче продукции животноводства непосредственно торговле, а также расширение внешнеэкономических связей комбината с иностранными фирмами. К серьёзным упущениям и неиспользованным резервам в деятельности предприятий комбината в реализации планов социально-экономического развития были отнесены следующие: за семь месяцев 1989 г. продажу молока не выполнили 13 совхозов, в том числе наибольшее отста-

¹⁸ НА РС(Я). Ф.1500. Оп. 1. Д. 4. Л. 104.

¹⁹ НА РС(Я). Ф.1500. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 5–6.

²⁰ НА РС(Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 3. Л. 48.

вание было за совхозами «Абыйский», «Арылахский», «Алазейский», «50 лет СССР», «Оймяконский», «Кировский»; низкие качественные показатели оленеводства как основной отрасли были в совхозах «Анабарский», «Усть-Янский», «Таймылырский», «Жиганский», «Булунский». В целом совхозы комбината в сравнении с 1988 г. недополучили 12 тыс. голов молодняка оленей. В результате создались серьёзные трудности в выполнении плана сдачи мяса и молока.

Как видно из постановления Совета АПК от 17 августа 1989 г., основными проблемами в текущей хозяйственной деятельности комбината за первые полгода были названы следующие: медленными темпами решались вопросы создания базы переработки продукции животноводства, перехода на безотходное производство, установки холодильных камер, современной технологии, переработки кожевенного и пушно-мехового сырья; имелись определённые сложности и в материально-техническом обеспечении предприятий комбината и в особенности комплектации объектов строительства хозяйственным способом; имелись серьёзные недостатки в учёте и отчётности, из-за неукomплектованности центрального ревизионного отдела в течение восьми месяцев не была проведена ни одна ревизия; медленными темпами шла перестройка работы в новых условиях экономических взаимоотношений в аппарате комбината и в его отделах²¹.

Ещё через полгода, 2 февраля 1990 г., Совет комбината подводил итоги финансово-хозяйственной деятельности предприятий АПК «Север» за 1989 г. и принял очередное постановление, в котором говорилось о том, что государственный заказ по закупкам скота был выполнен на 111,6%, молока — на 99,6%, рыбы по договору — на 100%, пушнины — на 117%. Сверх плана были сданы 1 577 тонн мяса, 1 053 тыс. руб. пушнины, 87 тонн рыбы. С планом госзаказа по мясу не справились три совхоза: «Северный», «Оймяконский», «50 лет СССР». С планом госзаказа по молоку не справились 14 совхозов, в том числе допустили снижение против прошлого года и не выполнили госзаказ по молоку совхозы Среднеколымского района, «50 лет СССР», «Абыйский», «Оймяконский». В совхозах комбината был перевыполнен план по поголовью крупного рогатого скота на 689 голов, свиней — на 420 голов, план поголовья лошадей не был выполнен на 1 435 голов, в том числе в совхозах Верхоянского района — на 951 голову²².

Было также отмечено, что в результате недостаточной организаторской работы со стороны руководителей оленеводческих совхозов и отделов комбината по реализации постановления ОК КПСС и Совета Министров ЯАССР «О неотложных мерах развития оленеводства в 1984–1985 годы и на период до 2000 года» качественные показатели основной отрасли — оленеводства — не улучшаются, имеются серьёзные проблемы и недостатки в организации условий труда и быта оленеводов. По итогам года план выходного поголовья оленей выполнен на 97,2%, непроизводительный отход оленей составил 44,29% голов. Вызывало

²¹НА РС(Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

²²НА РС(Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 3. Л. 63.

серьёзную озабоченность состояние оленеводства в совхозах из изучаемых районов: «Булунский», «Анабарский», «Усть-Янский», «Силянняяхский».

Несмотря на общее выполнение плана освоения госкапвложений (по всем источникам финансирования) на 104,5%, в т.ч. СМР 100%, недоосвоили средства совхозы из изучаемых районов: «Усть-Янский», «Жиганский», «Олеринский», «Анабарский», «Северный», «Адычинский», «Верхоянский», «Искра», «Силянняяхский», «Кировский». Как было заявлено, в результате ослабления организаторской работы и недоучёта экономических методов руководства многие совхозы недополучили плановые прибыли за 1989 г.: «Абыйский» — 40%, «Индибирский» — 76%, «Адычинский» — 54%, «50 лет СССР» — 86%, «Оймяконский» — 67%. Было заключено, что в комбинате неудовлетворительно была поставлена организаторская работа по переходу на безотходное производство, переработки продукции оленеводства, пушно-рыбодобычи²³. Не принесли ожидаемого результата и экономические методы, внешнеэкономическая деятельность предприятий комбината. Имелись серьёзные недостатки в материально-техническом снабжении северных совхозов.

Всего в изучаемых 15 арктических и северных улусах за 1985–1991 гг. поголовье оленей сократилось с 344 117 голов до 279 405 голов, т.е. на 18,8%, крупного рогатого скота — с 35 380 голов до 347 87 голов или на 1,7%, поголовье лошадей относительно увеличилось — с 34 936 голов до 38 255 голов — на 8,7%. За один год, с 1990 г. по 1991 г., объёмы мяса в живом весе уменьшились с 13 660 тонн до 12 173 тонн, т.е. на 10,9%; объёмы производства молока относительно выросли — с 26 863 тонн до 27 765 тонн или на 3,2%²⁴.

Дополнительно нужно отметить, что на этом фоне социально-экономическое развитие хозяйств на местах пытались усилить такими мерами, как перевод хозяйств на прямую сдачу продукции, ревизия финансово-хозяйственного состояния хозяйств, оказание помощи хозяйствам районов, оказавшихся в чрезвычайной ситуации вследствие стихийных природных бедствий, анализ социально-экономического развития традиционных отраслей комбинатом «Север»... Несмотря на то, что все эти процессы имели очень большое значение в целом в процессе начальной трансформации традиционного хозяйства конца XX в., его реальное состояние показано на основе количественных показателей как основных критериев благосостояния хозяйств: численности поголовья в оленеводстве, скотоводстве, коневодстве и объёмов добычи в рыболовном и охотничьем промыслах.

²³НА РС(Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

²⁴Основные показатели агропромышленного комплекса РС(Я) за 1999–2004 гг. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по РС(Я). Якутск, 2005. С. 66; Республика Саха (Якутия) за годы суверенитета (1990–2000 гг.). Госкомстат РС(Я). Официальное издание. Якутск, 2000. С. 27; Экономика улусов и городов РС(Я) 1985–1999гг. Госкомстат РС(Я). Официальное издание. Якутск, 2000; Экономика районов и городов РС(Я). Госкомстат РС(Я). Официальное издание. Якутск, 2002.

Заключение

В контексте исследования проблемы развития традиционного хозяйства Арктики и Севера рассмотренные отдельные вопросы управленческих решений в Якутии относительно северных хозяйств в лице специально созданной структуры управления — агропромышленного комбината «Север» показывают, что необратимые социально-экономические трансформационные процессы, необратимые начались в 1989 г. И в 1990–1991 гг. происходили активные организационно-управленческие и социально-экономические изменения, которые привели хозяйства к коренным преобразованиям в последнем десятилетии XX в. Если выделить основные из них, то они заключались в следующем.

В организационно-управленческом плане совершенно новым было создание в конце 1988 г. агропромышленного комбината «Север» при Госагропроме РСФСР с достаточно широкими полномочиями в своей деятельности, в том числе в социально-экономическом развитии арктических и северных хозяйств, тогда ещё совхозов. Организация комбината была связана с управленческим стремлением сверху, практически на примере союзного уровня, создать объединение, что немаловажно, с планово-финансовым подкреплением по руководству хозяйствами в сфере традиционных отраслей Севера. При этом структура официального функционирования комбината была такова, что главным органом управления являлся Совет, состоящий в том числе из представителей, в основном руководителей, хозяйств, с избираемым Президиумом, а аппарат комбината нанимался для повседневной текущей работы с хозяйствами и предприятиями.

В плане конкретных организационно-управленческих решений по отношению к хозяйствам необходимо выделить то, что в 1989 г. начались процессы разукрупнения совхозов и реорганизации форм хозяйствования некоторых совхозов, пока ещё в рамках хозрасчёта, в частности, арендных производственных отношений. В этот период начало укрепляться социально-политическое обоснование экономического развития представителей коренных народов Севера, занятых в традиционных отраслях хозяйства. Поэтому все организационно-хозяйственные действия имели не только экономическое, но общественное значение. Так, процесс разукрупнения совхозов шёл как процесс создания новых самостоятельных хозяйств на базе бывших отделений, хотя организационные трудности существовали на местах, и в реальности состояние дел в новых совхозах было достаточно сложным. Первыми новыми формами хозяйствования, в отличие от совхозов, стали конезавод и община, которые основывались как на традициях коневодческой и оленеводческой специализации хозяйств, так и на возрожденческом потенциале родового объединения оетунгских эвенов.

Подготовка перехода непосредственно к рыночным отношениям в северных хозяйствах, которые находились в ведении комбината, была для них впервые официально декларирована в октябре 1990 г. Основной акцент был сделан на активном продолжении создания первых родовых общин, конезаводов, крестьянских хозяйств, коллективных предприятий на основе меняющихся форм собственности, характерном процессе до конца 1991 г.

Практически все вопросы касались расширения хозяйственной деятельности с точки зрения новых экономических возможностей и в силу только начинающих изменений имели, можно сказать, достаточно декларативный характер.

В экономическом состоянии хозяйств при всех активных действиях в свете принимаемых решений комбината и верном позиционировании Якутии как одного из ведущих оленеводческих регионов страны, видимой проблемой стало некоторое снижение количественных и качественных показателей. Если говорить о главном показателе благополучия северного хозяйства, количестве поголовья, то за 1985–1991 гг. в изучаемых северных районах сократилась численность оленей и крупного рогатого скота, при этом поголовье лошадей ещё сохраняло положительную динамику. В объёмах производства основной продукции производство мяса снизилось, но при этом сохранялись объёмы производства молока.

Таким образом, рассматриваемые последние годы советской экономики совершенно своеобразно отразились на развитии северных хозяйств Якутии, специально созданный управленческий орган — АПК «Север» — в своей деятельности руководил социально-экономическими процессами в хозяйствах посредством организационно-управленческих решений, которые не всегда могли претендовать на конкретную отдачу в виде улучшения состояния дел в традиционных отраслях, но были характерными для начала трансформационного периода в развитии хозяйств, что важно показать на конкретных примерах и документах изучаемого периода.

Литература

1. Иванов В.А. Специфика, тенденции и направления аграрного сектора Печорско-Уральской Арктики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2014. № 2. С. 39–57.
2. Перевалова Е.В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 39–49.
3. Кирко В.И., Захарова К.Н. Традиционная хозяйственная деятельность — этносохраняющий образ жизни // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 24–31.
4. Vinokurova L., Filippova V., Suleymanov A., Grigorev S. Rural Yakutia in the late of XIX–XX centuries: traditional economy in the mirror of time // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 37 (3). С. 576–585.
5. Takakura H. Arctic Pastoralist Sakha. Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia. Trans Pacific Press, 2015. 254 p.
6. Filippova V.V., Vinokurova L.I., Sannikova Ya.M., Grigorev S.A. Rural Kolyma of Yakutia: social processes of XX-th century // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016 Conference Proceedings. 2016. Pp. 517–522.
7. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. / Под ред. Н.Я. Гущина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 493 с.
8. Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). М.: Мысль, 1990. 266 с.
9. Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. Москва, 2002. 408 с.
10. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.). Якутск, 1993. 120 с.
11. Винокурова Л.И. Трудовая нравственность якутов: трансформация в советское время // Духовная культура в жизни этноса. Якутск, 1991. С. 82–91.

References

1. Ivanov V.A. Spetsifika, tendentsii i napravleniya agrarnogo sektora Pechorsko-Ural'skoy Arktiki [The specifics, trends and directions of the agricultural sector of the Pechora-Ural Arctic]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 39–57.
2. Perevalova E.V. Interv'y u olenevodami Yamala o padezhe oleney i perspektivakh nenetskogo olenevodstva [Interviews with Yamal reindeer herders about deer mortality and prospects for Nenets reindeer herding]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2015, no. 2 (47), pp. 39–49.
3. Kirko V.I., Zakharova K.N. Traditsionnaya khozyaystvennaya deyatel'nost' — etnosokhranyayushchiy obraz zhizni [Traditional economic activity — ethno-preserved life style]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 12, pp. 24–31.
4. Vinokurova L., Filippova V., Suleymanov A., Grigorev S. Rural Yakutia in the late of XIX–XX centuries: traditional economy in the mirror of time. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, 2015, no. 37 (3). pp. 576–585.
5. Takakura H. *Arctic Pastoralist Sakha. Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia*. Trans Pacific Press Publ., 2015, 254 p.
6. Filippova V.V., Vinokurova L.I., Sannikova Ya.M., Grigorev S.A. Rural Kolyma of Yakutia: social processes of XX-th century. *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016 Conference Proceedings*, 2016, pp. 517–522.
7. *Krest'yanstvo i sel'skoe khozyaystvo Sibiri. 1960–1980-e gg.* [Peasantry and agriculture of Siberia. 1960–1980s]. Ed by. N.Ya. Gushchin. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991, 493 p. (In Russ.)
8. Alekseev A.I. *Mnogolikaya derevnya (naselenie i territoriya)* [Many-sided village (population and territory)]. Moscow: Mysl' Publ., 1990, 266 p. (In Russ.)
9. Verbitskaya O.M. *Sel'skaya sem'ya na etape sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy 1985–2002 gg.* [Rural family at the stage of socio-economic transformation 1985–2002]. Moscow, 2002, 408 p.
10. Koglekov S.I. *Sel'skoe khozyaystvo Yakutii (1971–1985 gg.)* [Agriculture of Yakutia (1971–1985)]. Yakutsk, 1993, 120 p. (In Russ.)
11. Vinokurova L.I. Trudovaya npravstvennost' yakutov: transformatsiya v sovetskoe vremya [Labor morality of the Yakuts: transformation in the Soviet era]. *Dukhovnaya kul'tura v zhizni etnosa* [Spiritual culture in the life of the ethnic group]. Yakutsk, 1991, pp. 82–91. (In Russ.)

УДК 008[338.48:008](470.21)(045)
DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.56

Динамика развития приграничного туризма в Баренцевом Евро-Арктическом регионе *

© **ТЕРЕЩЕНКО Елена Юрьевна**, доктор культурологии, доцент
E-mail: ter_elena@inbox.ru
Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные виды и характеристики приграничного туризма в странах БЕАР (Баренцева Евро-Арктического региона), приводятся официальные статистические данные о количестве поездок, результаты исследования туристской мотивации и выявляется положительная динамика развития приграничного туризма. Материалы текущего исследования включают обзор и сравнительный анализ с данными, полученными в ходе исследовательских сессий начиная с 2013 года в рамках международной программы «Бакалавр приполярных/северных исследований». По данным анкетирования, в Баренцевом регионе существует большой потенциал развития туризма, положительная мотивация способствует реализации международных контактов. Анализ динамики развития приграничного туризма показал увеличение спроса на рынке туристических услуг, необходимость создания программ, ориентированных на потребности целевой аудитории покупателей, активное продвижение российского турпродукта на международном рынке.

Ключевые слова: Баренцев Евро-Арктический регион, приграничный туризм, Мурманская область.

Dynamics of border tourism in the Barents Euro-Arctic Region

© **Elena Yu. TERESHCHENKO**, Dr. Sci. (Cult.), Associate Professor
E-mail: ter_elena@inbox.ru
Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract. The article discusses the main types and characteristics of border tourism in the countries of the Barents region. It provides official statistics on the number of trips, the results of tourist motivation study and reveals the positive dynamics of border tourism development. The materials of the current study include a review and comparative analysis with data obtained during research sessions since 2013 within the framework of the international program *Bachelor of Northern Studies*. According to the survey, the Barents region has a great potential for the development of tourism and positive motivation that contributes to international contacts. An analysis of the border tourism development dynamics has shown an increase in the demand in the tourism services market, the necessity to create programs focused on the needs of the target audience of buyers, and the active promotion of Russian tourism in the international market.

Keywords: Barents Euro-Arctic region, border tourism, Murmansk region.

Введение

Приграничный регион — это территория, имеющая политическую и социально-экономическую целостность, а также государственную границу с другими странами. В настоящее время приграничное положение является важным фактором территориального развития [1, Viken A., Nystedt T., с. 53–72; 2, Haugseth P., с. 154–161].

* Для цитирования:

Терещенко Е.Ю. Динамика развития приграничного туризма в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 56–65. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.56

For citation:

Tereshchenko E.Yu. Dynamics of border tourism in the Barents Euro-Arctic Region. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 56–65. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.56

Современный этап развития приграничного туризма определяется взаимопроникновением глобальных и уникальных характеристик. Распространение процессов глобализации становится возможным, когда созданы предпосылки глобальной инфраструктуры и когда уровень стандартизации интегрировал национальные и региональные организации в единую мировую структуру на равных условиях [3, Odegova O. V., Zabulionite K.-A., с. 475–481]. По мнению М. Кастельса, в условиях глобализации доминирующие социальные, политические и экономические процессы организуются в виртуальном пространстве [4, Кастельс М.]; согласно П. Бурдьё, ключевая роль в развитии общественных отношений заключается в способности распространять культурные и символические практики [5, Бурдьё П.], В.С. Степин подчёркивает, что основой для глобальных процессов является экономика, но т.к. экономика является подсистемой культуры — глобализации, она проникает во все сферы социокультурной системы [6, Степин В.С., с. 262–275]. Глобализация в туристической индустрии — это процесс объединения туристских практик, сопровождающийся расширением доступа к информационным ресурсам, обмену информацией, увеличением количества и качества туристских услуг.

Приграничный туризм в настоящее время является динамично развивающейся сферой социально-экономической деятельности. Приграничный арктический туризм — уникальное, достаточно молодое направление, требующее специальных компетенций, знания природных особенностей региона, технологий реализации актуальных туристских программ, умения взаимодействовать с потенциальными потребителями. [7, Желнина З.Ю., с. 74–80].

Факторы развития приграничного туризма

В «Стратегии развития туризма Российской Федерации до 2020 года» обозначена главная цель туристской деятельности — «реализация стратегической роли туризма в экономическом и социокультурном развитии регионов путём повышения качества жизни и приобщения к историко-культурному и природному наследию населения Российской Федерации»¹.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года названы основные проблемы социально-экономического развития России: усиление глобальной конкуренции; новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций; возрастающая роль человеческого капитала как ключевого фактора в экономическом развитии². В Стратегии социально-экономического развития Мурманской области перечислены вызовы современной цивилизации: неустойчивая структура регио-

¹ Стратегия развития туризма Российской Федерации до 2020 г. URL: https://www.russiatourism.ru/contents/otkrytoe_agentstvo/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2020-goda-332/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2020-goda/ (дата обращения: 01.11.2018).

² Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 01.11.2018)

нальной экономики, социальные, гуманитарные и экологические проблемы. «Основные проблемы являются общими для макрорегиона Мурманской области и её “арктических” соседей, и их решение требует совместных усилий, идей и действий»³. В этом документе определено основное направление развития Мурманской области как стратегического центра Арктической зоны Российской Федерации.

Правительство Мурманской области разрабатывает ведомственные программы развития туристской отрасли. В течение четырёх лет основной программой являлась ведомственная целевая программа «Развитие туризма в Мурманской области на 2012–2015 годы», в настоящее время реализована «Программа развития туристско-рекреационного кластера Мурманской области на 2015–2017 годы». Базовая стратегическая цель создания кластера — «развитие брендовых туристских продуктов Мурманской области и повышение конкурентоспособности региональной индустрии туристско-рекреационных услуг на международном рынке»⁴.

Началом активного развития приграничного туризма стало объединение стран Баренц-региона, которое началось с создания Баренцева Совета 11 января 1993 г. и подписания Киркенесской Декларации, где главной целью была названа поддержка стабильности и прогресса в данном регионе. Основными направлениями сотрудничества обозначены сферы экологии, экономики, науки и технологии, культурных связей и туризма⁵. Новый этап сотрудничества начался 29 мая 2012 г., когда Россия и Норвегия установили безвизовый режим на приграничных территориях губернии Финнмарк и Мурманской области.

Для развития сотрудничества в Баренц-регионе существенное значение имеют следующие факторы: пограничное положение (Баренц-регион географически связывает Северную Европу и Россию); политическая, экономическая и социальная стабильность (Баренц-регион является относительно безопасной территорией с достаточно низким уровнем преступности, высокой эффективностью международных экономических и социально-культурных программ); общая история (с древнейших времён на севере сформировался историко-культурный ареал Лапландия). И сегодня мы видим, что страны Баренцева региона имеют возможность сотрудничать, несмотря на различные федеральные и региональные подходы к международному законодательству.

³ Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года и план мероприятий по ее реализации. URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/sub02/ (дата обращения: 01.11.2018).

⁴ Туристско-рекреационный кластер Мурманской области. URL: <http://murmantourism.ru/turklaster> (дата обращения: 01.11.2018).

⁵ Первоначально в Баренцев регион вошли крайние северные области России: Архангельская и Мурманская, северные области Скандинавии и Финляндии (губернии Лапланд в Финляндии, Тромс, Финнмарк и Нурланд в Норвегии, Норрботтен — в Швеции). Позже к нему присоединились Республика Карелия (1994 г.), Ненецкий Национальный Округ (1997 г.), округ Оулу (Финляндия) и Вестерботтен (Швеция, 1998 г.). В качестве ассоциированных членов в БЕАР вошли Дания, Исландия и ЕС. Кроме того, статус наблюдателей получили Канада, Франция, Япония, Великобритания, Польша, Германия.

Статистические данные

Статистические данные позволяют оценить динамику развития приграничного туризма за последнее десятилетие⁶. Число граждан России, выезжающих в Норвегию, Швецию и Финляндию неизменно высокое, как и число поездок граждан зарубежных стран, посещающих Россию. По данным Федерального агентства по туризму РФ, ежегодно из России в Финляндию выезжает около 3 млн чел., в Швецию — около 40 тыс. чел., в Норвегию — около 100 тыс. чел. Число граждан Норвегии и Швеции, ежегодно посещающих Россию — около 40 тыс. чел, граждан Финляндии — около 1 200 тыс. чел. (табл. 1, 2).

Таблица 1

Число выездных туристских поездок граждан России в зарубежные страны за 2015–2017 гг. (тыс. чел.)

	2015	2016	2017
Норвегия	111	103	115
Швеция	37	41	56
Финляндия	3066	2894	3333

Таблица 2

Количество поездок граждан зарубежных стран с целью туризма на территорию РФ за 2015–2017 гг. (тыс. чел.)

	2015	2016	2017
Норвегия	48	45	51
Швеция	37	36	34
Финляндия	1415	1319	1017

В целом численность граждан, размещённых в коллективных средствах размещения в Мурманской области в 2017 г., составила около 300 тыс. человек, обеспечив 30% прироста по отношению к 2009 г. (табл. 3).

Таблица 3

Численность граждан, размещённых в коллективных средствах размещения Мурманской области за 2009–2017 гг. (тыс. чел.)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Численность граждан РФ	190,1	191,5	165,3	175,7	186,7	177,9	179,7	214,09	266,05
Численность иностранных граждан	17,5	17,7	17,2	16,7	18,3	15,7	15,1	26,0	36,1

Общий объём туристского потока складывается из коллективных и индивидуальных средств размещения. Показатель численности граждан, размещённых в гостиницах и иных средствах размещения, даёт возможность сопоставить международные туристские потоки в Мурманской, Архангельской областях и в Республике Карелия. Так, в 2017 г. численность иностранных граждан, размещённых в коллективных средствах размещения, составила 36,1 тыс. чел. в Мурманской области, 38,9 тыс. чел. в Республике Карелия, 7,3 тыс. чел. в Архангельской

⁶ Федеральное агентство по туризму. Официальный сайт. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika> (дата обращения: 01.11.2018).

области, что говорит о достаточно высокой популярности северного туризма. Количество иностранных туристов, остановившихся в гостиницах Мурманской области с 2009 по 2017 гг. увеличилось на 18,6 тыс. чел., в Республике Карелия — на 20,4 тыс. чел., в Архангельской области наблюдается незначительный спад на 1,5 тыс. чел. Данные показатели достигнуты за счёт посещения известных туристских дестинаций, в том числе Соловецкого монастыря в Архангельской области и Валаамского архипелага в Карелии (табл. 4).

Таблица 4

Численность иностранных граждан, размещённых в коллективных средствах размещения (тыс. чел.)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Карелия	18,5	27,0	40,2	38,0	34,5	31,9	27,1	40,8	38,9
Мурманская область	17,5	17,7	17,2	16,7	18,3	15,7	15,1	26,0	36,1
Архангельская область	8,7	7,9	6,9	6,6	6,1	5,2	6,1	7,2	7,3

Развитие приграничного туризма для стран БЕАР имеет ряд преимуществ. Во-первых, расширение туристической индустрии способствует привлечению инвестиций для реализации международных проектов и программ. Во-вторых, развивается транспортное сообщение региона. В-третьих, происходит активизация социально-культурного обмена между странами БЕАР. В-четвёртых, приграничный туризм способствует расширению инновационного сектора экономики, внедрению новых технологий и производств, модернизации туристской инфраструктуры [8, Культурные индустрии Кольского Севера, с. 23–30].

В настоящее время в северных странах активно развиваются: этнографический, рекреационный, спортивный, морской, научно-исследовательский, культурно-познавательный, событийный виды туризма [9, Желнина З.Ю., 10, Stammer F., Sidorova L., с. 1–14]. Своеобразие северного ландшафта и животного мира, уникальные памятники материальной и нематериальной культуры способствуют привлечению туристов. Известные памятники древней (петроглифы, лабиринты) и средневековой (храмы, монастыри) культуры могут быть аттрактором для этнографических путешествий, фольклорных фестивалей. В последние десятилетия особым спросом пользуются рекреационные и просветительские программы тематических парков. Они востребованы, так как сочетают в себе природные, культурно-исторические и сервисные услуги (в Швеции — музей Скансен, в России — Кижский поленовый музей, Малые Корелы, в Финляндии — Деревня Санта-Клауса). Большие возможности представлены для морского туризма: круизного, научно-экспедиционного. В регионе сохранились памятники, рассказывающие о полярных экспедициях, естественные ландшафты дикой природы. Эксклюзивным российским турпродуктом является круиз на Северный полюс⁷. Это указывает на то, что потен-

⁷ С 1993 г. основным перевозчиком круизных туристов на Северный полюс становится атомоход "Ямал", в настоящее время — «50 лет Победы». Круиз выполняется по маршрутам: Мурманск — Шпицберген — Северный полюс; Мурманск — Земля Франца-Иосифа — Северный полюс с заходом на Новую Землю. В 2009 году была открыта исследовательская и одновременно туристская база Борнео, расположенная примерно в 100 км. от Северного полюса.

циал развития приграничного туризма носит многослойный характер, охватывающий широкий и сложный контекст «культура — туризм».

Общей тенденцией в развитии туризма в Баренцевом регионе является расширение спектра туристских услуг, ориентированных на индивидуального пользователя. Это способствует постоянному обновлению и расширению туристских предложений.

Особое внимание в рамках деятельности по расширению туристической отрасли Баренц-региона уделяется реализации крупных международных проектов (в частности Программа приграничного сотрудничества «Коларктик 2014–2020 гг.», целью которой является поддержание жизнеспособности экономики и повышение привлекательности региона⁸). Примером эффективного сотрудничества стран Баренц-региона является трёхсторонний трансграничный парк «Пасвик-Инари»⁹.

Анализ туристской мотивации

Потенциал туризма БЕАР состоит из нескольких компонентов: природное и культурное наследие, инфраструктура обслуживания, информационная поддержка. Одним из факторов, положительно влияющих на динамику развития туризма, является туристская мотивация.

В целях выявления мотивов поездок в страны БЕАР и характеристик предложений на рынке туристических услуг было опрошено 50 студентов из Мурманского арктического государственного университета (ФГБОУ ВО «МАГУ») от 20 до 35 лет. На первом этапе студентам было предложено назвать мотивы путешествия. В результате исследования 30% респондентов поставили на первое место культурные и познавательные мотивы (знание местных традиций, образ жизни, участие в праздниках, фестивалях), 25% — рекреационные (уникальные виды северной природы, отдых, развлекательные мероприятия), 22% — исследовательские (новые маршруты, открытие для себя и для общества новых культурных и природных объектов), 15% — экологические (волонтерские и экспедиционные программы), 10% — мотивы общения, 8% — мотивы преодоления (путешествия различной сложности: горные лыжи, дайвинг).

Целью второго этапа опроса студентов Мурманского арктического государственного университета было определение отношения к странам БЕАР (количество реальных и потенциальных туристов). По результатам исследования 60% студентов уже посетили одну из стран Баренц-региона и планируют посетить в будущем, 20% респондентов никогда не вы-

⁸ Программа приграничного сотрудничества «Коларктик». URL: <https://kolarctic.info/ru/kolarctic-2014-2020-ru/> (дата обращения: 01.11.2018).

⁹ Парк создан в 2008 году с целью контроля и управления общим биоразнообразием, развития природного туризма и выполнения Меморандума о взаимопонимании по Зеленому поясу Фенноскандии на сопредельной особо охраняемой природной территории между Россией, Норвегией и Финляндией. Обширная территория, на которой три государства осуществляют трехстороннее сотрудничество, охраняется и включает в себя район дикой природы «Вятсари» в Финляндии, Национальный парк «Верхний Пасвик», охраняемый ландшафтный район «Верхний Пасвик», природный заповедник «Пасвик» в Норвегии и природный заповедник «Пасвик» в России. URL: <http://pasvik.org.ru> (дата обращения: 01.11.2018).

езжали в страны БЕАР, но планируют посетить в будущем, остальные студенты отдают приоритет другим странам.

На третьем этапе опроса были определены самые популярные и доступные маршруты. Опрос проводился в 2013 г. среди студентов, которые уже посетили страны БЕАР. В результате 90% сказали, что посетили Норвегию, Швецию и Финляндию в рамках культурных и познавательных поездок, 9% были участниками рекреационных поездок, 1% — экологических. Повторный опрос в 2018 г. не выявил существенных отличий: ведущими среди молодёжи остаются культурно-познавательные маршруты. Среди причин выбора этих поездок студенты назвали экономическую привлекательность и доступность.

Таким образом, самыми популярными и доступными являются культурные, образовательные и рекреационные туры. В то же время изучение мотивов путешествий показало, что 45% респондентов хотели бы выбрать исследовательские, экологические, волонтерские, спортивные, экспедиционные поездки. Результаты исследования показывают большие возможности для продвижения программ приграничного туризма.

Учитывая данные опроса, стоит также взглянуть на стереотипы, касающиеся национального характера. Культурные стереотипы — это представления о типичных особенностях, характеризующих людей. Автостереотипы отражают устойчивый и упрощённый образ своей социальной группы, гетеростереотипы — образ, сформированный по отношению к другим людям. Оба типа культурных стереотипов развиваются и укореняются в обществе как общеизвестные традиционные взгляды. Стереотипы характеризуют социальную группу в целом, но в то же время распространяются на конкретного представителя этой группы и определяют специфику межкультурных контактов.

С целью определения автостереотипов и гетеростереотипов населения Баренцева региона было опрошено 50 студентов МАГУ.

На первом этапе студентам было предложено составить список из 60 характерных национальных особенностей норвежцев, финнов, шведов, русских в трёх группах (личные, коммуникативные и деловые черты характера). В частности, студенты назвали следующие личные характеристики: серьёзные, целеустремлённые, скромные, гордые, оптимистичные и другие; коммуникативные характеристики: гостеприимные, искренние, вежливые, недружелюбные, сдержанные, с чувством юмора и другие; деловые качества: безответственные, прагматичные, агрессивные, терпеливые, трудолюбивые, предприимчивые и другие.

На втором этапе нужно было выбрать из списка пятнадцать черт национального характера норвежцев, финнов, шведов, русских (по 5 в каждой группе). Результаты опроса представлены в таблице 5.

Таблица 5

*Культурные стереотипы национального характера
(результаты опроса студентов Мурманского арктического государственного университета)*

	Личные качества	Коммуникативные качества	Деловые качества
норвежцы	серьезные, выносливые, гордые, вялые, уверенные в себе	с чувством самоуважения, закрытые, дружелюбные, эмоциональные, стойкие	добросовестные, консервативные, точные, вежливые, терпеливые
шведы	целеустремленные, независимые, самоуверенные, скованные, честные	бодрые, непоколебимые, гуманные, вежливые, искренние	предприимчивые, экономные, прагматичные, педантичные, дисциплинированные.
финны	оптимистичные, целеустремленные, раскованные, добрые, вялые	дружелюбные, вежливые, непоколебимые, замкнутые, компетентные	добросовестные, доверчивые, точные, экономные, терпеливые.
русские	выносливые, самоуверенные, сильные, пассивные, независимые	гостеприимные, сильные, эмоциональные, с чувством самоуважения, импульсивные	со стремлением к успеху, предприимчивые, расточительные, адаптирующиеся, доверчивые

Результаты опроса показывают общие представления о национальном характере жителей Баренцева региона. Яркой особенностью является отсутствие крайне негативных качеств (озлобленный, жестокий, безразличный к окружающим, агрессивный), что положительно сказывается на развитии приграничного туризма. Результаты опроса обусловлены молодым возрастом респондентов, короткими личными контактами и позитивной информацией, которая транслируется СМИ о результатах межкультурных взаимодействий России и других стран Баренцева региона.

Заключение

Анализ динамики развития приграничного туризма в Баренц-регионе показал увеличение спроса на рынке туристических услуг. Туристский спрос и туристское предложение зависят от ряда постоянно изменяющихся социальных, экономических, политических факторов: степень освоенности приграничных территорий, наличие квалифицированных кадров; вовлечённость территории в международную экономическую интеграцию; наличие нормативно-правовой базы для развития приграничного сотрудничества; вовлечённость в реализацию совместных социально-культурных программ в рамках международного приграничного сотрудничества.

Приграничный туризм, объединённый географически, построен на разных технологиях пребывания в дестинации. При этом наиболее устойчивым спросом пользуются культурно-познавательные программы, что формирует запрос на углублённое понимание культурных кодов, визуальных символов, что в свою очередь влияет на формирование позитивных национально-культурных стереотипов.

Приграничный туризм является достаточно новым направлением в туристической индустрии. Достижению конкретных и долгосрочных результатов способствуют: создание межгосударственных туристско-рекреационных территорий; реализация международных проектов и программ, направленных на продвижение туристских брендов (событий, маршрутов), обес-

печивающих комплексное продвижение Баренц-региона; включение приграничного туризма в генеральные стратегии развития территорий.

Благодарности и финансирование

Проект международного сотрудничества стран Баренц-региона в рамках программы Мурманского арктического государственного университета «Бакалавр приполярных/северных исследований» был реализован в 2013 г. при поддержке Университета Арктики и Университетского колледжа Финнмарка. Координаторы проекта Бьёрн Сагдал и Петер Хаугсет.

Литература

1. Viken A., Nyseth T. Kirkenes — A Town for Miners and Ministers. Ed. by T. Nyseth and A. Viken. Place Reinvention: Northern Perspectives. Farnham: Ashgate, 2009. Pp. 53–72.
2. Haugseth P. Interaction in the Borderland after the Implementation of the Local Border Traffic Permit: Perspectives from the Russian town Nickel, Pechenga District // Языковое и культурное разнообразие в условиях Арктического региона. Мурманск: МГГУ, 2014. С. 154–161.
3. Odegova O.V., Zabulionite K. A. Linguacultural Globalization: Objective Tendencies and the Perspective Issue // Procedia — Social and Behavioral Sciences, 2014. С. 475–481.
4. Кагельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
5. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. 288 с.
6. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
7. Желнина З.Ю. Проблемы разработки региональной программы развития туризма в русле реализации федеральных программ и национальных стратегий Российской Федерации // Современные проблемы и тенденции инновационного развития Европейского Севера: материалы междунар. науч.-практ. конф., Мурманск, 9–11 апр. 2014 г. Мурманск: МГТУ, 2014. С. 74–80.
8. Культурные индустрии Кольского Севера: социолого-культурологическое исследование: коллективная монография / Под ред. Л.М. Мосоловой. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 183 с.
9. Желнина З.Ю. Арктический туризм: учебное пособие. Мурманск: Баренц-пресс, 2018. 180 с.
10. Stammler F., Sidorova L. Dachas on permafrost: the creation of nature among Arctic Russian city-dwellers // Polar Record. Cambridge University Press. Pp. 1–14. DOI 10.1017/S0032247414000710

References

1. Viken A., Nyseth T. Kirkenes — A Town for Miners and Ministers. Ed. by T. Nyseth and A. Viken. Place Reinvention: Northern Perspectives. Farnham: Ashgate, 2009, pp. 53–72.
2. Haugseth P. Interaction in the Borderland after the Implementation of the Local Border Traffic Permit: Perspectives from the Russian town Nickel, Pechenga District. *Yazykovoe i kul'turnoe raznoobrazie v usloviyakh Arkticheskogo regiona* [Linguistic and cultural diversity in the Arctic region]. Murmansk: MASU Publ., 2014, pp. 154–161.
3. Odegova O.V., Zabulionite K. A. Linguacultural Globalization: Objective Tendencies and the Perspective Issue. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2014, pp. 475–481.
4. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: HSE Publ., 2000, 606 p.
5. Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. SPb.: Aleteyya Publ.; Moscow: In-t eksperim. sotsiologii: Aleteyya Publ., 2005, 288 p. (In Russ.)
6. Stepin V.S. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. SPb.: SPbUHSS Publ., 2011, 408 p.
7. Zhelnina Z.Yu. Problemy razrabotki regional'noy programmy razvitiya turizma v rusle realizatsii federal'nykh programm i natsional'nykh strategiy Rossiyskoy Federatsii [Problems of developing a regional tourism development program in line with the implementation of federal programs and na-

- tional strategies of the Russian Federation]. *Sovremennye problemy i tendentsii innovatsionnogo razvitiya Evropeyskogo Severa: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern problems and trends in the innovative development of the European North: materials of the intern. scientific-practical conf], Murmansk, 9–11 apr. 2014 g. Murmansk: MSTU Publ., 2014, pp. 74–80. (In Russ.)
8. Kul'turnye industrii Kol'skogo Severa: sotsiologo-kul'turologicheskoe issledovanie: kollektivnaya monografiya [Cultural industries of the Kola North: sociological and cultural research: a collective monograph]. Ed.by L.M. Mosolova. SPb.: Herzen State Pedagogical University Publ., 183 p. (In Russ.)
 9. Zhelnina Z.Yu. *Arkticheskiy turizm: uchebnoe posobie* [Arctic tourism: study guide]. Murmansk: Bar-ents-press Publ., 2018, 180 p. (In Russ.)
 11. Stammler F., Sidorova L. Dachas on permafrost: the creation of nature among Arctic Russian city-dwellers. *Polar Record*. Cambridge University Press, pp. 1–14. DOI 10.1017/S0032247414000710

УДК [332.1+338.1](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.66

Перспективы развития северных и арктических районов в рамках мегапроекта «Енисейская Сибирь» *

© **ШИШАЦКИЙ Николай Георгиевич**, кандидат экономических наук

E-mail: nik@ksc.krasn.ru

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Красноярск, Россия

Аннотация. В настоящей статье проанализированы основные предпосылки и направления освоения северных и арктических районов Красноярского края на основе создания надёжной региональной транспортной и энергетической инфраструктуры и формирования высокотехнологичных и конкурентоспособных территориальных кластеров. Проанализированы как современные (создание нового крупного горно-обогатительного комбината в Норильском промышленном районе; освоение Усть-Енисейской группы нефтегазовых месторождений; газификация Красноярской агломерации на основе ресурсов попутного газа Эвенкии; реновация ЖКХ Норильской агломерации; развитие арктического и северного туризма др.), так и ранее рассматривавшиеся, но отклонённые по ряду причин проектные предложения по развитию региона (строительство крупной ГЭС на Нижней Тунгуске; освоение Порожинского марганцевого месторождения; размещение в районе Нижнего Приангарья выносных металлургических предприятий, работающих на норильских рудах; строительство меридиональной Енисейской железной дороги и др.). Показано, что в новых условиях целесообразно вернуться к рассмотрению этих проектов с использованием современных технологий и организационных подходов. Прежде всего, имеется в виду формирование в районах Севера и Арктики локально-интегрированных региональных производственных систем и сетей, обеспечивающих взаимодействие и кооперирование топливно-сырьевого, перерабатывающего и инновационного секторов. При этом создаваемая в добывающих и перерабатывающих отраслях добавленная стоимость локализуется в регионе и мобилизуется на цели формирования высокопроизводительной материально-технической и инфраструктурной базы региональной экономики. Указанный эффект содействует экономическому развитию и приводит к диверсификации монопрофильной экономики северных и арктических регионов. Изложенные в статье положения и предложения могут рассматриваться как элементы будущей стратегии развития северных и арктических территорий Красноярского края. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки и формирования долгосрочных и среднесрочных инвестиционных программ на государственном и муниципальном уровнях управления, а также в стратегиях развития промышленных, транспортных и энергетических корпораций.

Ключевые слова: северные и арктические регионы, макрорегион «Енисейская Сибирь», региональная политика, стратегическое планирование, инвестиционные проекты, транспортная и энергетическая инфраструктура, реновация арктических городов, арктический туризм, территориально-производственные кластеры.

The prospects of the Northern and Arctic territories and their development within the Yenisei Siberia megaproject

© **Nikolay G. SHISHATSKY**, Cand. Sci. (Econ.)

E-mail: nik@ksc.krasn.ru

Institute of Economy and Industrial Engineering of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russia

* Для цитирования:

Шишацкий Н.Г. Перспективы развития северных и арктических районов в рамках мегапроекта «Енисейская Сибирь» // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 66–90. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.66

For citation:

Shishatsky N.G. The prospects of the Northern and Arctic territories and their development within the Yenisei Siberia megaproject. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 66–90. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.66

Abstract. The article considers the main prerequisites and the directions of development of Northern and Arctic areas of the Krasnoyarsk Krai based on creation of reliable local transport and power infrastructure and formation of hi-tech and competitive territorial clusters. We examine both the current (new large mining and processing works in the Norilsk industrial region; development of Ust-Eniseysky group of oil and gas fields; gasification of the Krasnoyarsk agglomeration with the resources of bradenhead gas of Evenkia; renovation of housing and public utilities of the Norilsk agglomeration; development of the Arctic and northern tourism and others), and earlier considered, but rejected, projects (construction of a large hydroelectric power station on the Nizhnyaya Tunguska river; development of the Porozhinsky manganese field; placement of the metallurgical enterprises using the Norilsk ores near Lower Angara region; construction of the meridional Yenisei railroad and others) and their impact on the development of the region. It is shown that in new conditions it is expedient to return to consideration of these projects with the use of modern technologies and organizational approaches. It means, above all, formation of the local integrated regional production systems and networks providing interaction and cooperation of the fuel and raw, processing and innovative sectors. At the same time, the added value of the extracting and processing industries is localized in the area and will be mobilized for the purposes of high-performance technical and infrastructure base of the regional economy. The specified effect promotes economic development and leads to diversification of the monoprofile economy of the northern and Arctic regions. The provisions of the article and its suggestions can be considered as elements of the future development strategy for the Northern and Arctic territories of the Krasnoyarsk Krai. Results of the research can be used for adjustment and formation of long-term and medium-term investment programs at the state and municipal levels of management and also in development strategies of industrial, transport and power corporations.

Keywords: *northern and Arctic regions, macroregion "Yenisei Siberia", regional policy, strategic planning, investment projects, transport and power infrastructure, renovation of the Arctic cities, Arctic tourism, territorial and production clusters.*

Введение

В ходе Красноярского экономического форума (КЭФ-2018) в апреле 2018 г. губернатор Красноярского края и главы республик Тыва и Хакасия подписали соглашение о сотрудничестве в рамках мегапроекта «Енисейская Сибирь» по совместному развитию регионов. В мае 2018 г. законодательное собрание Красноярского края утвердило законопроект о придании соглашению законного статуса. После того как аналогичные законопроекты будут одобрены парламентами Тывы и Хакасии, вступит в силу соглашение сроком на пять лет. Проект был инициирован врио губернатора края Александром Уссом в 2017 г. и рассматривается как пилотный проект новой концепции пространственного развития России. В феврале 2018 г. проект макрорегиона поддержал Президент России В. Путин¹.

Основаниями для выделения Енисейского макрорегиона как целостного объекта управления, по мнению экспертов, являются следующие обстоятельства²:

1. Наличие устойчивых межрегиональных связей в границах макрорегиона: миграции; экономические связи; связи бизнеса.
2. Формирование Красноярской агломерации как узловой точки макрорегиона и центра экономического роста федерального уровня; а также центра развития высокотехнологичных услуг.

¹ Александр Усс: «Енисейская Сибирь» как новый красноярский мегапроект поддержан Владимиром Путиным». 13.02.2018. URL: <http://www.krasnoforum.ru/news/aleksandr-uss-enisejskaya-sibir-kak-novyj-krasnoyarskij-megaproekt-podderzhan-vladimirom-putinyim/> (дата обращения: 25.07.2018).

² Проект «Енисейская Сибирь» будет учтён в Стратегии пространственного развития России, URL: <http://news.sfu-kras.ru/node/20170> (дата обращения: 25.07.2018).

3. Наличие единой транспортной системы как механизма обеспечения транспортной доступности.
4. Реализация крупных взаимосвязанных инвестиционных проектов на территории трех регионов на сумму свыше 500 млрд. рублей. В их числе:
 - «Южный кластер» («Норникель»);
 - «Развитие инфраструктуры и освоение ресурсной базы Ангаро-Енисейского экономического района» («Полюс Красноярск»);
 - «Технологическая долина: Красноярск и Саяногорск» (Алюминиевая ассоциация);
 - «Международный транспортно-логистической и производственный хаб» («ЭРА Групп»);
 - «Модернизация энерго мощностей и оптимизация системы теплоснабжения города Красноярск» («Сибирская генерирующая компания»);
 - «Агропромышленный парк «Сибирь» («Юнипро»);
 - «Строительство ж/д Элегест — Кызыл — Курагино и освоение минерально-сырьевой базы Республики Тыва» («Тувинская энергетическая промышленная корпорация») [1, Веселова Э.Ш.].

Роль северных и арктических территорий в стратегии Енисейской Сибири

Среди заявленных проектов макрорегиона «Енисейская Сибирь» один (вопреки своему названию) имеет прямое отношение к Красноярскому Северу и Арктике — «Южный кластер».

«Южный кластер» — это комплекс долгосрочных проектов, нацеленных на увеличение числа промышленных площадок и развитие базовой инфраструктуры в Норильском промышленном районе. Однако возможности повышения эффективности пространственного развития Енисейской Сибири на основе этого проекта остаются неясными. Кроме того, потенциал эффективного участия северных и арктических территорий в мегапроекте «Енисейская Сибирь» не исчерпывается данным проектом.

Северные и Арктические территории являются внутренними для Красноярского края как субъекта Федерации и в этом смысле остаются в тени главных трендов развития макрорегиона Енисейская Сибирь³. В настоящее время изолированность, «островной» характер функционирования территорий Севера и Арктики серьезно сдерживает развитие как самих северных и арктических территорий, так и развитие «материковой» части Красноярского края и макрорегиона Енисейская Сибирь в целом.

Создание в северной и арктической зоне Красноярского края высокотехнологичных конкурентоспособных комплексов по освоению богатого природно-ресурсного потенциала, ориентированных не только на широтный СМП, но также на меридиональные транспортные связи с центральными и южными районами Красноярского края, а также республиками Хакасия и Тыва, позволит получить значительные дополнительные (как прямые, так и косвенные) эффекты и для Красноярского края и для макрорегиона Енисейская Сибирь [2, Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А., Матвеев А.М.].

³ Основные системные (мультипликативные) эффекты формирования стратегии интегрированного развития регионов Енисейской Сибири планируется получить за счет усиления и развития межрегиональных связей, прежде всего, между субъектами РФ — Красноярским краем, республиками Хакасия и Тыва.

Проект комплексного развития северной и арктической зоны Красноярского края как составной части макрорегиона «Енисейская Сибирь»

Роль северных и арктических территорий в социально-экономическом развитии края и страны в целом двойственна и противоречива. С одной стороны, их мощный природно-ресурсный, территориальный и экономический потенциал является резервом устойчивого развития, с другой стороны, экстремальные условия жизни и производственной деятельности осложняют социальные и экономические процессы. Освоение богатых природных ресурсов северных и арктических территорий сдерживается их слабой геологической разведанностью, низкой транспортной доступностью, дефицитом электроэнергии, удорожающими факторами экономической и жизнеобеспечивающей деятельности.

Как отмечается в работах известных российских учёных, проект комплексного развития северных и арктических территорий должен исходить из новой современной модели развития, адекватной глобальным и российским вызовам, предусматривать опережающее развитие геологоразведки, транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры, базироваться на использовании самых прогрессивных и современных технологических и организационных решений [3, Крюков В.А.; 4, Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E.; 5, Пиласов А.Н.; 6, Ресурсные регионы России...; 7, Siberia and the Far East in XXI Century...].

Мегапроект «Енисейская Сибирь», по нашему мнению, предоставляет новые возможности для подобных подходов. В составе проекта комплексного развития северной и арктической зоны Красноярского края, как составной части макрорегиона «Енисейская Сибирь», ключевыми должны стать четыре основных блока: транспортный, энергетический, промышленный и социальный.

Транспортный блок

Ядром транспортной инфраструктуры северной и арктической зоны Красноярского края должна стать сеть широтных и меридиональных железных дорог, включающая:

- строящуюся железнодорожную линию Салехард — Коротчаево — Игарка — Норильск;
- проектируемую Северо-Сибирскую магистраль Усть-Илимск — Ярки — Лесобирск — Белый Яр — Нижневартовск;
- меридиональную железную дорогу по правому берегу Енисея от Игарки до Лесобирска.

Такая сеть свяжет южные и центральные районы Енисейской Сибири, а также Западной Сибири с месторождениями полезных ископаемых северных и арктических территорий Красноярского края, обеспечит выход к Северному морскому пути (рис. 1).

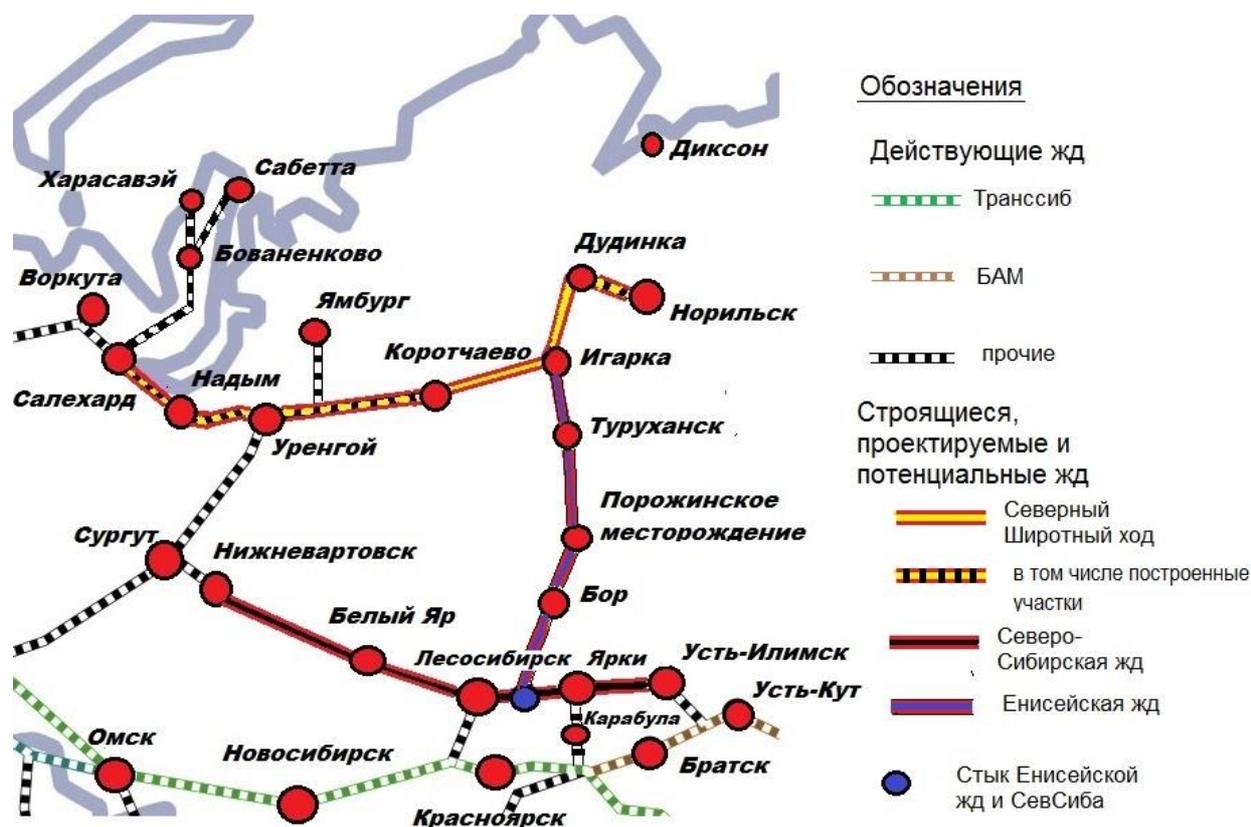

Рис. 1. Схема железных дорог в северных и арктических районах Енисейской и Западной Сибири (возможная перспектива)

В настоящее время (хотя и медленно) выполняется поэтапное строительство участков железной линии Северный широтный ход Коротчаево — Русское (122 км), Русское — Игарка (482 км), Игарка — Норильск (285 км). Проект реализуется совместно силами Правительства России, Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа, ПАО «Газпром», ОАО «Российские железные дороги». В феврале 2017 г. было заявлено об окончании строительства в 2023 г., стоимость проекта оценена в 236 млрд рублей (265 млн руб. / км). Впервые в российской железнодорожной практике строительство осуществляется на условиях концессии.

Северо-Сибирская железнодорожная магистраль (СевСиб)

Проект СевСиб появился в 50-е гг. прошлого века. В 1980-е гг. предполагалось, что железнодорожная магистраль пройдет через Нижневартовск (ХМАО) — Белый Яр (Томская область) — Лесосибирск — Карабулу (оба — Красноярский край) — Усть-Илимск (Иркутская область).

Минтранс России, с учётом положительного экспертного заключения ИЭ ОПП СО РАН, включил в 2007 г. проект Севсиба (Нижневартовск — Белый Яр — Усть-Илимск (1 892 км) в Стратегию развития железнодорожного транспорта России до 2030 года. Однако в настоящее время данный документ во многом утратил свою актуальность, хотя отдельные точечные сдвиги по его продвижению имели место.

В Красноярском крае в рамках Инвестиционного проекта Нижнее Приангарье построена (с недоделками) железнодорожная ветка Карабула — Ярки (44 км), которую неофициально называют первым участком СевСиба.

Другим участком СевСибга, по которому наметились перспективы, является Высокогорский мост через Енисей в районе Лесосибирска, который войдёт в состав будущей трассы железнодорожной магистрали. К настоящему времени выполнено проектирование моста (к сожалению, только в автомобильном исполнении), решение об источниках финансирования данного проекта (около 10 млрд руб.) пока не принято, однако власти Красноярского края активно его продвигают.

Системным недостатком проекта СевСибга является закрытость магистрали в западном направлении. Все мультипликативные эффекты СевСибга в полном объёме могут проявиться только в составе единой магистрали, включающей в себя также Баренцкомур и БАМ.

Меридиональная железная дорога Лесосибирск — Игарка (около 900 км)

Данный проект проработан в наименьшей степени и является наиболее проблемным.

В 60–70 гг. прошлого века строительство меридиональной железной дороги от Лесосибирска до Норильска рассматривалось как одно из приоритетных направлений решения транспортных проблем северных и арктических районов Красноярского края.

«Слабым звеном транспортной системы региона (Красноярского края) является недостаточная связь южных (освоенных) и северных (ресурсных) территорий. Поэтому уже не одно десятилетие прорабатывается вопрос о строительстве железнодорожной линии, соединяющей Норильск с железнодорожной сетью страны.

По расчётам ИЭ ОПП СО РАН, в связи с отсутствием постоянной надёжной транспортной связи с Норильским промышленным узлом, убытки народного хозяйства составляют более 150 млн руб. в год.

Строительство меридиональной железной дороги обеспечит транспортные железнодорожные подходы к северным ГЭС, к крупным промышленным узлам, прежде всего к Норильскому, к десяткам железорудных, медно-никелевых, полиметаллических, ильменитовых, марганцевых, фосфорных, угольных, нефтегазовых и других месторождений полезных ископаемых.

Железная дорога Лесосибирск — Норильск может значительно ускорить разведку и освоение полезных ископаемых этого региона. Кроме того, без железной дороги невозможно освоение высокопродуктивных лесозаготовительных территорий с суммарными запасами древесины до 3 млрд куб. м.

Наличие судходных подходов с Енисейского речного пути к 8 участкам и ограниченно судходных подходов ещё по 25–30 участкам намечаемого ж/д пути позволит осуществлять его строительство одновременно с десятком направлений при многократно меньших транспортных издержках, чем на законсервированной трассе Уренгой — Но-

рильск. При этом следует учесть наличие на всем протяжении меридиональной железной дороги товарных грунтов в насыпи, камня, щебня и песчано-гравийных смесей»⁴.

Целесообразность строительства меридиональной железной дороги от Игарки до Порожинского месторождения подтверждена в Схеме территориального планирования Туруханского района, разработанной Красноярскгагропроектом в 2008 г. В документе отмечается: «За расчётный срок (до 2030 г.) может рассматриваться строительство меридиональной железной дороги по правому берегу р. Енисей «Игарка — Туруханск — Порожинское месторождение» с дальнейшим выходом в южном направлении на Северо-Сибирскую транспортную магистраль. Формирование данного направления может быть реализовано только на этапе масштабного освоения новых ресурсных зон центральной части Эвенкии, Туруханского района (в период расчётного срока проекта такой зоной является Нижнее Приангарье и южные зоны Эвенкии)».

В современных условиях меридиональная железная дорога от Красноярска до Дудинки и Норильска сможет связать районы Енисейской Арктики и Севера не только с южными и центральными районами Енисейской Сибири, но также со странами северо-восточной Азии (Китай, Корея). Поиск рациональных речных и сухопутных транспортных путей не является альтернативой освоению Северного морского пути, он позволяет расширить возможности оптимизации транспортно-логистического доступа к ресурсам северных и арктических районов России, в которых заинтересован бизнес этих стран (рис. 2)⁵.

⁴ Научно-технический доклад по прогнозу использования природных ресурсов и развития производительных сил Ангаро-Енисейского региона в период до 1990-2000 гг. / Академия наук СССР, Комиссия по изучению производительных сил и природных ресурсов при президиуме АН СССР. Москва. 1980. с. 82-88

⁵ Maritime Challenges and New Opportunities in the Arctic, 30 August 2017 Jong-Deog KIM (co-author : Sung-Woo LEE) Korea Maritime Institute Republic of Korea The VII International Meeting of State-Members of the Arctic Council, State-Observers to the Arctic Council and Foreign Scientific Community

Рис.2. Комплексная транспортно-логистическая сеть в Евразии, обеспечивающая грузопотоки Северного морского пути.

Высокая конкурентоспособность СМП, в том числе с использованием речных маршрутов по Енисею, по сравнению с другими транзитными маршрутами Азия — Европа, подтверждена в исследованиях корейских экспертов [8, Moon D.S., Kim D.J., Lee E.K.].

Очевидно, что строительство меридиональной железной дороги в траверсе Енисея только повысит привлекательность и масштабы транспортно-экономических связей стран Северо-Восточной Азии с территориями Енисейского Севера и Арктики.

Энергетический блок

Приоритетным и одновременно самым сложным элементом формирования мощной энергетической системы северных и арктических территорий региона является Нижне-Тунгусская ГЭС.

Нижне-Тунгусская ГЭС — это новый социально, экологически и экономически эффективный проект строительства мощной ГЭС в створе Нижней Тунгуски.

Ранее разработанные проекты строительства подобной ГЭС (известные под названиями Туруханская (в 1980-е — 1990-е гг.) и Эвенкийская ГЭС (в 2005–2012 гг.) были отвергнуты населением и общественностью Туруханского района и Эвенкии, а также авторитетными научными экспертами⁶.

⁶ Проектные и подготовительные работы по строительству Туруханской ГЭС были начаты в конце 1980-х гг., но к началу 1990-х гг. они были остановлены как из-за протестов экологов, пользовавшихся в то время большой общественной поддержкой, так и из-за ухудшения экономического состояния страны, сопровождавшегося падением энергопотребления. В 1990-х гг. рассматривались различные варианты ГЭС, отличающиеся напором и, соответственно, мощностью и выработкой — например, существует вариант ГЭС мощностью 6300 МВт и выра-

Однако следует отметить, что строительство крупной ГЭС на Нижней Тунгуске остаётся актуальным проектом, обладающим высокой социально-экономической эффективностью. При этом его актуальность особенно возрастает в связи с формированием и переходом к реализации стратегии интегрированного социально-экономического развития макрорегиона Енисейская Сибирь.

В пользу такого утверждения выступают следующие аргументы:

1. гидропотенциал — важнейший и при этом недостаточно освоенный ресурс развития Сибири и России (рис. 3, рис. 4, рис. 5);

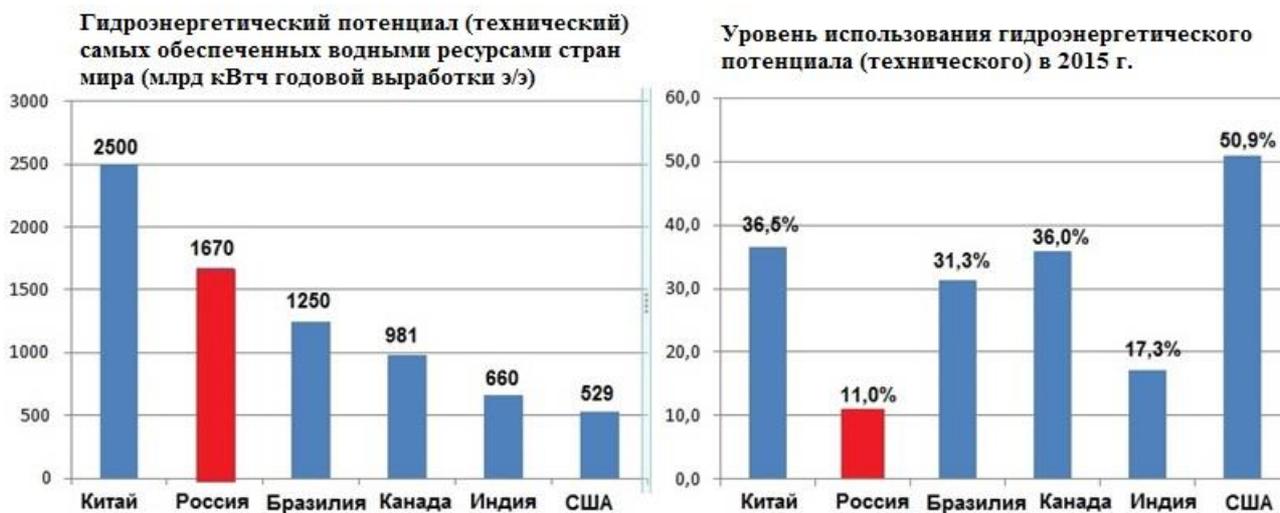

Рис. 3. Гидроэнергетический потенциал самых обеспеченных водными ресурсами стран мира и уровень его использования.⁷

Рис. 4. Прирост производства электроэнергии на ГЭС в 1986–2017 гг.⁸

боткой 29 млрд кВт*ч при напоре в 140 м, вариант мощностью 14 000 МВт и другие. В 2005–2012 гг. проект строительства ГЭС (теперь уже под именем Эвенкийская ГЭС) вновь стал актуальным. В 2008 г. Эвенкийская ГЭС (с контрегулирующей Нижне-Курейской ГЭС суммарной мощностью 8 150 МВт и выработкой 46 млрд кВт*ч) была включена в Генеральную схему размещения объектов энергетики России до 2020 г. Согласно разработанному проекту мощность ГЭС была принята на уровне 12 000 МВт и должна была передаваться в Европейскую часть России для покрытия дефицита энергосистемы. Проект Эвенкийской ГЭС поддерживался администрацией Красноярского края. Однако из-за негативного отношения на местах проект снова был отклонен. В последней Генеральной схеме размещения объектов энергетики России на период до 2035 г., утверждённой в 2017 г., строительство Эвенкийской ГЭС не предусмотрено.

⁷ Расчёты автора на основе данных [9, Богуш Б.Б. и др., с. 4].

Рис. 5. Уровень освоения эффективного гидропотенциала России ⁹.

2. Нижняя Тунгуска — одна из наиболее благоприятных рек мира для гидроэнергетического строительства. Узкое каньонообразное русло реки позволяет реализовать разнообразные технологические решения и обеспечить приемлемые экологические ущербы. При этом и по площади, и по объёму водохранилища будущей ГЭС должно стать крупнейшим в мире. Столь значительный объём водохранилища позволяет осуществлять глубокое многолетнее регулирование стока.

3. Зона территориального влияния ГЭС (в радиусе 500–800 км) богата полезными ископаемыми, отличается выгодным экономико-географическим положением и является территорией с высоким потенциалом промышленного развития и потребления электроэнергии. Реализация этого потенциала сдерживается дефицитом электроэнергии в западной части Нижнего Приангарья, в Туруханском, Енисейском и Северо-Енисейском районах. Строительство крупной ГЭС на Нижней Тунгуске позволит не только снять энергетические барьеры развития этих районов, но также повысит эколого-экономическую эффективность энергетики за счёт отказа от сооружения запланированной Нижне-Ангарской (Мотыгинской) ГЭС.

Строительство Нижне-Тунгусской ГЭС (8150–12150 МВт вместе с контррегулирующей ГЭС) и Нижне-Курейской ГЭС (150 МВт), а также необходимого сетевого хозяйства позволит

⁸ Расчёты автора на основе данных BP Statistical Review of World Energy 2018. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (дата обращения: 25.07.2018).

⁹ Расчёты автора на основе данных [9, Богущ Б.Б. и др., с. 5].

обеспечить надёжное электроснабжение существующих и вводимых потребителей на территории нового хозяйственного освоения, создаст стратегический энергетический резерв РФ (до 10% современного энергопотребления всей страны), позволит в перспективе объединить Таймыро-Норильскую энергосистему с единой энергетической системой страны, обеспечит создание глубоководной речной магистрали в русле Нижней Тунгуски и решит проблемы пресной питьевой воды в регионе.

Для своей реализации проект Нижне-Тунгусской ГЭС должен существенно улучшить характеристики по сравнению с ранее предлагавшимися проектами Эвенкийской (Туруханской) ГЭС.

Основные направления для улучшения проекта и повышения его социально-экономической привлекательности (см. врезку 1):

- Проект должен рассматриваться не только как отраслевой (гидроэнергетический), но прежде всего как социально-экономический (транспортный, водохозяйственный, социальный, инфраструктурный и т.д.).
- Проект должен быть переориентирован на более полный учёт региональных социально-экономических эффектов, прежде всего Туруханского и Эвенкийского районов.
- Должны быть устранены экологические неблагоприятные последствия и риски.
- Нижне-Тунгусский гидроузел может стать началом развития Енисейско-Ленской глубоководной магистрали¹⁰.

Врезка 1. Резолюция публичных слушаний по вопросу «О строительстве Эвенкийской ГЭС»

(Приложение к Постановлению Законодательного Собрания края от 10 июня 2010 г. №10-4776П)

Отмечая масштабность выявленных проблем, осознавая гражданскую ответственность перед нынешним и будущими поколениями, отстаивая свое право на жизнь в экологически безопасных условиях, участники публичных слушаний:

1. Считают, что представленные для общественного обсуждения оценки социально-экономической целесообразности строительства Эвенкийского гидроузла на реке Нижняя Тунгуска и оценки его воздействия на окружающую среду не дают ответов на проблемные вопросы, поднятые в ходе публичных обсуждений. Официальной позиции потенциального инвестора проекта ОАО «РусГидро» по обозначенным вопросам на публичных слушаниях не представлено. Отсутствие комплексной оценки всех возможных последствий реализации на территории Красноярского края проекта по строительству Эвенкийской ГЭС не позволяет сформировать определенное мнение заинтересованной общественности о возможности и целесообразности продолжения реализации проекта.

2. Рекомендуют:

2.1. Правительству Российской Федерации:

¹⁰ Речная Доктрина РФ / Институт демографии, миграции и регионального развития. Москва. 2015 г.

- при принятии решения о реализации проекта по строительству Эвенкийской ГЭС наряду с оценкой технической, финансовой и экономической эффективности проекта в целях решения макроэкономических задач, перспектив развития территорий учитывать последствия строительства плотины для местных сообществ, образа жизни коренных малочисленных народов Севера, источников их существования, здоровья, социальных отношений и культуры, а также масштабные экологические риски, необратимость изменения всех компонентов экосистемы Крайнего Севера;
- вернуться к рассмотрению альтернативных вариантов решения задачи по обеспечению энергетического баланса РФ в целях повышения благосостояния общества, основываясь на равной значимости экономических, финансовых, социальных и экологических факторов;
- принять необходимые меры по обеспечению законодательного регулирования вопросов, связанных с затоплением объектов подземных ядерных взрывов, направленного на обеспечение экологической безопасности окружающей среды;

2.2. Министерству энергетики Российской Федерации:

- уточнить долгосрочный прогноз топливно-энергетического баланса Российской Федерации (Сибири) в целях обоснования необходимости строительства Эвенкийского гидроузла на реке Нижняя Тунгуска с точки зрения перспектив социально-экономического развития Сибири и Российской Федерации в целом в условиях реализации государственной политики в области повышения энергетической эффективности и энергосбережения;
- представить для публичного рассмотрения заинтересованной общественности и органам государственной власти Красноярского края уточнённые показатели прогнозного баланса электроэнергетики и соответствующие обоснования;
- рассмотреть вопрос о выборе альтернативных строительству Эвенкийской ГЭС вариантов электроснабжения российской экономики в ходе подготовки предложений Правительству РФ по корректировке Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики до 2020 года;

2.3. ФГУП «ВНИПИпромтехнология»:

- представить органам государственной власти Красноярского края полную информацию о состоянии скважин подземных ядерных взрывов, о радиационной обстановке на прилегающей территории, а также об экологических рисках и оценке влияния на окружающую среду возможной разгерметизации полостей подземных ядерных взрывов вследствие строительства Эвенкийской ГЭС;
- подготовить и направить уполномоченным органам государственной власти предложения по проведению радиоэкологического мониторинга состояния объектов подземных ядерных взрывов, произведенных в пойме Нижней Тунгуски;

2.4. Губернатору Красноярского края — информировать Законодательное Собрание Красноярского края о любых изменениях в состоянии дел по проекту строительства Эвенкийской ГЭС.

3. Предлагают:

3.1. Российской Академии Наук — подготовить комплексную научную экспертизу проекта

строительства Эвенкийского гидроузла на реке Нижняя Тунгуска;

3.2. ОАО «РусГидро» и ОАО «Ленгидропроект» — обеспечить возможность проведения комплексной оценки проекта строительства Эвенкийской ГЭС, включая оценку по вопросам социального и экономического характера, а также стратегическую экологическую оценку с использованием международной практики в этой области.

Промышленный блок

Ключевые проекты промышленного блока:

А) Строительство горно-металлургического комплекса в Норильском промышленном районе

Создание производства металлов платиновой группы мирового уровня на базе месторождений Норильск-1 и Черногорское, расположенных вблизи города Норильска.

Проект в Норильском промышленном районе является третьим в мире по объёму вовлекаемых в разработку запасов металлов платиновой группы.

Переработка руд месторождений Черногорское и Норильск-1 предусмотрена на двух обогатительных фабриках производительностью 9 млн т. и 18 млн т. в год соответственно.

Объём выпуска металлов платиновой группы составит более 70 т., большая часть которых из руды месторождения Норильск-1, а также никеля — более 24 тыс. т., меди — около 60 тыс. т., золота — около 2 т.

На Норильской площадке планируется только добыча руды и получение концентрата, размещение металлургического производства рассматривается в Финляндии, Норвегии, Австралии или ЮАР. Компания готова рассмотреть и вариант с размещением в Красноярском крае (например, в Лесосибирске), при условии создания соответствующей инфраструктуры и использования реки Енисей в качестве связующего звена (300 тыс. концентрата в год). Приоритетным вариантом для аффинажа платины и золота является Красцветмет (Красноярск)¹¹.

Б) Формирование центров развития нефтегазовой промышленности

Можно выделить следующие центры развития нефтегазовой промышленности в северных и арктических районах Красноярского края:

- Ванкорский кластер (разработка Ванкорского, Сузунского, Тагульского и Лодочного месторождений);
- Эвенкийский кластер (разработка Юрубчено-Тохомского и Куюмбинского месторождений);
- Усть-Енисейский кластер (разработка Пайяхского и Северо-Пайяхского месторождений, в дальнейшем — Байкаловского, Озёрного месторождений).

Реализуемые проекты позволят к 2030 г. увеличить годовой объём добычи нефти до 30–40 млн т., газа — более 10 млрд куб. м.

¹¹ Стенограмма пресс-конференции «Русской платины» 21 ноября 2012 г в Красноярске. URL: <http://russian-platinum.ru/press/news/93> (дата обращения: 25.07.2018).

Транспортировка Ванкорской нефти осуществляется по трубопроводу Ванкор — Пурпе (Ямало-Ненецкий округ) и далее в систему Транснефти, газа — Ванкор — Хальмерпаютинское (Ямало-Ненецкий округ) и далее в ЕГС России.

Транспортировка эвенкийской нефти — нефтепровод Куюмба — Тайшет для наполнения ВСТО, попутный газ — закачка в пласт. Возможен вариант транспортировки газа до Богучан с целью получения СПГ для газификации ТЭС Красноярск. Проблемой использования газа Юрубчено-Тохомского и Куюмбинского месторождений является утилизация гелия, которая должна решаться на федеральном уровне с использованием федеральных средств (см. врезку 2).

Врезка 2. Строительство Богучанского ГПЗ и газификация ТЭС центральных и южных районов Енисейской Сибири

План улучшения экологической обстановки в Красноярске рассматривает газификацию города в качестве одного из важнейших мероприятий. Согласно генеральной схеме газоснабжения и газификации региона, разработанной Газпромгазом в конце 2016 г., предполагается поэтапное строительство на территории Красноярского края магистрального газопровода (МГП) Проскоково (Кемеровская область) — Ачинск — Красноярск — Канск — Балаганск (Иркутская область).

Подключение края к действующей газотранспортной системе Газпрома позволит газифицировать 10 городов и 16 районов края.

Стоимость газификации Красноярского края оценивается в 180–250 млрд руб., а переоборудование городских ТЭЦ под газ потребует ещё до 18 млрд руб.

Учитывая, что газопровод Проскоково — Ачинск — Красноярск — Канск — Балаганск (Ковыкта) — с врезкой в магистральный газопровод «Сила Сибири» вряд ли будет построен ранее, чем через 7–10 лет и потребует значительных инвестиций в размере 180–250 млрд руб., в этом варианте плохая экологическая ситуация в Красноярске не изменится до 2025–2030 гг. Другим минусом официального варианта является то, что газификация региона будет производиться с использованием западносибирской нефти, в то время как Красноярский край обладает собственными значительными запасами природного газа.

Более рациональным и привлекательным по времени и затратам является вариант газификации Красноярской агломерации, а также центральных и южных районов макрорегиона «Енисейская Сибирь», предложенный Экологическим Центром Рационального Освоения Природных Ресурсов (ЭЦ РОПР) (Красноярск). Данный вариант предусматривает использование для газификации Красноярска и других территорий Красноярского края местные ресурсы газа (попутный нефтяной газ Куюмбинского и Юрубчено-Тохомского месторождений).

По оценкам Департамента недропользования Центрально-Сибирского округа, промышленные запасы попутного газа Куюмбинского и Юрубчено-Тохомского месторождений составляют около 94 млрд куб. м, то есть способны обеспечить потребность Красноярской агломерации и прилегающих центральных и южных районов «Енисейской Сибири» на 15–25 лет.

В целом в Приангарье и на юге Эвенкии извлекаемые запасы составляют не менее 1 трлн куб. м природного газа.

Вариант предполагает строительство газотрубопровода от месторождений до п. Богуча-

ны (в трассе существующего нефтепровода), газоперерабатывающего и газосжижающего завода в районе п. Богучаны с последующей транспортировкой сжиженного газа (около 2–3 млн т. в год) по ж/д Карабула — Н. Пойма — Красноярск.

В строительстве газопровода ЮТЗ — Куюмба — Богучаны заинтересована ПАО Роснефть, так как законодательство запрещает сжигание попутного нефтяного газа, и компания вынуждена инвестировать значительные средства в технологии его закачки в межсоловые горизонты. При предоставлении со стороны государства соответствующих льгот, ПАО Роснефть способна построить газопровод Куюмба — Богучаны и ГПЗ в районе п. Богучаны (оценка стоимости — 90–100 млрд руб.).

По мере прироста промышленных запасов газа в Приангарье (Агалеевская площадь, Абаканское месторождение и др.) в 2024–2025 гг. экономически обоснованным может стать строительство газопровода Богучаны — Красноярск мощностью до 10 млрд куб. м в год.

Проблема. Богучанский ГПЗ должен обеспечивать извлечение гелия. Учитывая, что гелий — стратегический ресурс государства, затраты на дооборудование Богучанского ГПЗ для сепарации гелия с последующей закачкой в гелиохранилище, должны быть профинансированы из федеральных источников.

Транспортировка Пайяхской и Северо-Пайяхской нефти (а также нефти других месторождений Усть-Енисейского нефтегазового кластера — Байкаловского, Озерного) возможна в двух вариантах:

- северный вариант: путём строительства нефтепровода от нефтепромыслов до нефтяного терминала Таналау (100 км от Дудинки) на правом берегу р. Енисей с дальнейшей транспортировкой танкерами по трассе Северного морского пути;
- южный вариант: путём строительства трубопроводов в южном направлении и подключения их к действующей магистральной сети (нефтепроводу Ванкор-Пурпе).

Северный вариант является более предпочтительным по следующим причинам:

- предоставляет возможность сохранить марку нефти «Siberian Light» (в трубопроводной системе публичной акционерной компании «Транснефть» происходит смешение с тяжелой нефтью Волго-Уральского нефтегазоносного района и на экспорт поступает смесь Urals, которая торгуется с дисконтом от 10 процентов);
- позволяет расширить географию рынков сбыта (при транспортировке через трубопроводную систему «Транснефть» на экспорт поставляется примерно 40 процентов добываемой нефти, что снижает рентабельность освоения месторождений);
- за счёт строительства нефтяного терминала в районе Дудинки позволяет создать базу для освоения смежных территорий Таймыра, на которых располагаются месторождения углеводородов.

Использование добываемого попутного природного газа возможно на основе завода СПГ в Дудинке (2–5 млн т.) и последующей транспортировки сжиженного газа на экспорт по СМП.

В). Туруханско-Лесосибирский энергопромышленный район (комплекс)

Главное и первостепенное условие создания Туруханско-Лесосибирского энергопромышленного района — строительство Туруханской ГЭС и меридиональной железной дороги от Абалакова до Норильска.

Эти объекты являются важнейшими инфраструктурными элементами не только для макрорегиона «Енисейская Сибирь», но и для экономики страны в целом.

Освоение Порожинского марганцевого месторождения

Марганец — стратегическое сырьё РФ. Порожинское марганцевое месторождение одно из крупнейших в России.

Организация на территории Красноярского края комплекса по глубокой переработке марганцевых руд может удовлетворить на 50% потребности российской чёрной металлургии.

Месторождение расположено на 350 км севернее ж/д станции Лесосибирск, на 12 км восточнее р. Енисей. Общий марганцеворудный потенциал месторождения — 267 млн т.

Проект 1-й очереди освоения месторождения предусматривает добычу руды — 2,55 млн т., производство концентрата — 711,4 тыс. т. и марганцевых сплавов (ферромарганец и ферросиликомарганец) — 221 тыс. т.

Начало промышленной добычи руды должно было начаться в 2013–2014 гг. (ЗАО «Туруханский меридиан» (дочернее предприятие компании ОАО «Проминвест»)). Металлургический завод по производству ферросплавов планировалось организовать в Сосновоборске (40 км от Красноярска). Доставка марганцевого концентрата до металлургического завода намечалась речным транспортом, для чего предполагалось строительство Порожинского речного терминала.

Проект отложен на неопределенный срок в связи с финансовыми трудностями.

Создание энергетической базы в регионе и строительство железной дороги до месторождения позволит существенно улучшить финансовые показатели проекта (за счёт переноса площадки металлургического завода в район Лесосибирска и удешевления перевозок) и сократить сроки его реализации.

«Основные технико-экономические показатели подтверждают, что эффективная реализация проекта освоения Порожинского месторождения в условиях неразвитой промышленной инфраструктуры Туруханского района возможна лишь при организации крупного производства и только в случае формирования единого горно-металлургического комплекса, объединяющего весь цикл от добычи сырой руды до металлургической переработки марганцевых концентратов в границах локальной промышленной территории» [10, Природные ресурсы..., с. 146].

Медно-никелевый завод на основе норильских концентратов

Идея строительства в среднем течении Енисея выносных металлургических заводов по переработке норильских руд не является новой. Она была сформулирована ещё в 60-х гг. XX в.

«Анализ фактических и проектных показателей по Норильскому ГМК подтверждает невозможность нормативной окупаемости капитальных вложений в развитие металлургических мощностей, а также рентабельного промышленного использования всех полезных компонентов рудного сырья даже при первоочередном освоении наиболее богатых сплошных сульфидных медистых руд, если весь обогатительно-металлургический передел будет раз-

мещаться в Норильске и на Кольском полуострове. Обусловлено это, главным образом, высокой энергоёмкостью производства никеля и меди и, соответственно, высокими затратами на энергоснабжение района Норильска.

В начале 60-х гг. было рекомендовано вывозить тяжёлую фракцию и фэйнштейн из Норильского района и размещать часть мощностей металлургического производства в районе Лесосибирского промузла. Лесосибирский медно-никелевый завод обеспечивает резкое повышение эффективности производства и решает проблему приведения в санитарные нормы воздушного бассейна Норильска.

При концентрации в Лесосибирске до 40% от общей производственной мощности Норильского ГМК по выпуску товарных металлов можно обеспечить рентабельное функционирование создаваемых металлургических мощностей в Норильске и Лесосибирске на многие десятки лет.

Новый медно-никелевый комбинат в Лесосибирске, помимо основной переработки норильских концентратов и полуфабрикатов, может потреблять медно-никелевые и медные концентраты с новых перспективных рудных районов к югу и северо-востоку от Норильска, в частности из Игарского, Курейского, Приангарского и Маймеча-Котуйского.

Это гарантирует не только длительное поддержание первоначальных мощностей Лесосибирского комбината, необходимость возведения которого в ближайшее десятилетие представляется бесспорной, но и эффективное дальнейшее их расширение до масштабов, требуемых материальным балансом СССР при двухкратно меньших, чем в Норильске, капитальных и эксплуатационных затратах на металлургический передел»¹².

Завод фосфатных удобрений

Предпосылки создания данного предприятия:

- необходимость снижения сверхконцентрации производства апатитового концентрата в пределах Мурманской области и освоение, в целях удешевления и повышения доступности фосфатных туков, новых месторождений фосфоритовых руд, расположенных вблизи сельскохозяйственных регионов страны, в том числе в Сибири;
- наличие достаточной сырьевой базы апатитовых и фосфорных руд в Красноярском крае (Татарское месторождение фосфатно-ниобиевых руд, Сейбинское месторождение фосфатно-железных руд, Телекское месторождение фосфоритов), в республике Хакасия (Обладжанское месторождение фосфоритов), а также в Иркутской области (Белозиминское апатит-редкометальное месторождение);
- возможность создания эффективного серноокислотного производства на основе использования огромных избыточных ресурсов элементарной серы получаемой в результате утилизации промышленных отходов в Норильском районе.

¹² Научно-технический доклад по прогнозу использования природных ресурсов и развития производительных сил Ангаро-Енисейского региона в период до 1990–2000 г. / Академия наук СССР, Комиссия по изучению производительных сил и природных ресурсов при президиуме АН СССР. Москва. 1980. С. 51, 55.

Размещение завода возможно в районе Лесосибирска, предприятие может работать на основе привозимой из Норильска серы и фосфатного сырья, поставляемого из местных месторождений.

Освоение месторождений золота

Приоритетным объектом является освоение Ольгинской золоторудной площади (217 кв. км), расположенной в северной части Енисейского кряжа (оценка ресурсов не менее 388 т. золота, среднее содержание золота в руде 3 грамма на тонну).

Месторождение может разрабатываться открытым способом. Побочным результатом разработки месторождения является возможность заготовки 3 млн куб. м деловой древесины.

Согласно разработанному проекту (ЗАО Прим-Инвест) предполагается создание сырьевой базы, формирование промышленной инфраструктуры и строительство Ольгинского ГОКа с проектной мощностью по добыче коренного золота 9 тонн в год.

Цементный завод в районе строительства Туруханской ГЭС

Предприятие предназначено для обеспечения строительства гидротехнических и промышленных сооружений Туруханско-Лесосибирского энергопромышленного района.

Производственная мощность 600 тыс. т. цемента и ЖБИ в год.

Реализация проекта предполагает создание сырьевой базы цементной промышленности на Енисейском Севере, разработку месторождений известняка, мергеля и гравия в районе строительства ГЭС и низовьях Енисея.

Социальный блок

Реновация жилищно-коммунального хозяйства и экономики арктических городов

Необходимость реновации

Как справедливо отмечается в работах ведущих российских учёных, «в основу государственной региональной политики в Арктике должен быть положен сквозной принцип максимального использования инфраструктурного и кадрового потенциалов уже имеющихся населенных пунктов. Одновременно в дальнейшем хозяйственном освоении арктических территорий должен применяться исключительно вахтово-экспедиционный метод». [11, Фаузер В.В., с. 45–46].

В отношении арктических территорий следует руководствоваться рядом системных принципов.

Во-первых, ввести нормативный запрет на создание новых поселений с постоянным населением в АЗРФ или на перевод поселений из вахтовых в стационарные. При этом следует максимально использовать уникальный трудовой потенциал арктических городов при освоении новых территорий АЗРФ, через применение внутри- и межрегиональной вахты. Кроме всего прочего, это будет способствовать адекватному поведению работников в арктической природной среде, поскольку сами они постоянно в ней проживают.

Во-вторых, в приоритетном порядке направлять бюджетные инвестиции на модернизацию жилищно-коммунального хозяйства арктических поселений. Уже созданные населённые пункты с постоянным населением и элементы инфраструктуры должны рассматриваться как результат ранее произведенных немалых государственных инвестиций и, соответственно, как реальный актив и инструмент участия государства в хозяйственном освоении арктических территорий.

К этому следует добавить, что «населённые пункты зачастую являются единственным элементом государственного присутствия, государственными «форпостами» на обширных территориях восточного и дальневосточного секторов Российской Арктики, там, где только предстоит промышленное освоение» [11, Фаузер В.В., с. 45–46].

Жилищный фонд Норильска в настоящее время находится в критическом состоянии. Строительство жилья в городе практически прекратилось более 20 лет назад, а большинство домов, построенных ранее, пришло в негодность. Сказываются условия Крайнего Севера — суровый климат, вечная мерзлота. Здания в таких условиях не могут служить так долго, как на материке.

Активное жилищное строительство в Норильске развернулось в 60-е годы прошлого века. Во времена «комсомольскихстроек» возводились хрущёвки, которые сегодня и составляют самый большой сектор жилых домов в Норильске. До этого в городе строили сталинки, после хрущёвок стали возводить более современные дома. И поскольку все эти типы домов строились этапами, каждый в своё время, приходит в негодность они также стали единовременно «сериями», отслужив свой срок.

Ситуация сейчас достигла критической точки: либо жилищные условия норильчан будут улучшаться, либо в скором времени придется переселять людей на материк.

Второй вариант бесперспективен. Норильский горно-металлургический комбинат будет осваивать богатства Таймыра ещё долгие годы, и людям нужно создавать достойные условия для проживания.

Проблемы реновации

1. Восстановление (в рациональных масштабах) собственной строительной базы

Во времена СССР в Норильске работали предприятия, выпускающие все строительные материалы, нужные для возведения зданий. Они давно не работают, и всё необходимое приходится возить с материка Северным морским путем. Естественно, при ведении масштабного строительства это создаёт дополнительные трудности и влечёт огромные затраты. Развитие региональной строительной индустрии способно повысить эффективность реновации.

2. Финансирование

Реализовать такой крупный проект как реновация Норильска (минимальная оценка стоимости подобной программы — от 200 до 400 млрд руб., реальная — от 500 до 1 000 млрд руб.) только за счёт средств городского бюджета невозможно. Он должен финансироваться из федерального, краевого и городского бюджетов с участием бизнеса. Необходимы

переговоры и соглашения о возможности совместного финансирования с компанией «Норникель», правительством Красноярского края, федеральным правительством.

3. Научная поддержка и сопровождение

Программа реновации — мультидисциплинарная проблема. Она требует научных обоснований и разработок не только в области строительства и архитектуры и ЖКХ, но и в сфере экономики, инновационного развития, демографии, социологии и др.

На КЭФ-2018 администрация Норильска подписала соглашение с СФУ о сотрудничестве, направленном на участие специалистов университета в разработке градостроительной стратегии города Норильска: проведении общественной экспертизы программ, планов, проектов развития и совершенствования инфраструктуры города.

В чём могут быть заинтересованы участники программы реновации Норильска?

Федеральный центр: в превращении Норильска в центр Таймыро-Туруханской опорной арктической зоны;

Органы власти Красноярского края: в укреплении Норильска как центра арктической и северной зоны макрорегиона Енисейская Сибирь;

Крупный бизнес (Норникель, Русская платина): в снижении затрат на обустройство рабочей силы (по оценкам, на реализацию совместного проекта Норникеля и Русской платины потребуется привлечь до 10 тыс. работников и строителей, создание улучшенных условий жизнеобеспечения в Норильске позволяет промышленным компаниям снизить соответствующие издержки на их обустройство) и в улучшении транспортно-логистических и финансово-экономических связей своих Норильских и Таймырских предприятий.

Развитие арктического и северного туризма: Енисей и арктические моря

В настоящее время из Мурманска организуются регулярные морские круизы (5–7 рейсов в год) на Северный Полюс и обратно с посещением архипелага Земля Франца-Иосифа (Шпицберген). Несмотря на высокую стоимость участия в полярном круизе на атомном ледоколе «50 лет Победы» (от 30 до 50 тыс. долл. / чел.), они пользуются достаточно большой популярностью (табл. 1).

Таблица 1

Круизы из Мурманска на Северный Полюс на атомном ледоколе «50 лет Победы» (вместимость — 120 мест)¹³

	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Кол-во круизов	7	5	6
Кол-во круизных туристов	805	557	702

Включение в программу полярных арктических круизов на атомном ледоколе «50 лет Победы» портов Красноярского края (Диксон и Дудинка), а также территорий Большого арктического природного заповедника и Северной земли (рис. 6) может повысить туристиче-

¹³ Национальный парк Русская Арктика. URL: www.rus-arc.ru (дата обращения: 25.07.2018).

скую привлекательность данных круизов и обеспечить приток туристов в арктические и северные районы края.

Рис. 6. Маршруты полярных круизов Мурманск — Северный Полюс — Мурманск с включением арктических портов и территорий Красноярского края

Проблемой при организации комбинированных круизов Мурманск — Северный Полюс — Дудинка и увеличении связанного с этим туристического потока может стать необходимость приобретения второго атомного ледокола в дополнение к уже используемому «50 лет Победы».

Практика туристических круизов в Арктику на российских атомных ледоколах может быть прекращена, «если транзитный грузопоток будет расти. Туристические рейсы окупаются только в том случае, если их совершается два-три за сезон. Один рейс не окупается. Два-три рейса — это мы уже работаем в плюс. Но если грузопоток потом будет развиваться, лишних ледоколов (для туристов) не будет», — заявил в интервью заместитель директора ФГУП «Атомфлот» А. Смирнов¹⁴.

В состав атомного ледокольного флота в настоящее время входят: два атомных ледокола с двухреакторной ядерной энергетической установкой мощностью 75 тыс. л.с. («Ямал», «50 лет Победы»), два ледокола с однореакторной установкой мощностью около 50 тыс. л.с. («Таймыр», «Вайгач»), атомный лихтеровоз-контейнеровоз «Севморпуть» с реакторной установкой мощностью 40 тыс. л.с. и 5 судов технологического обслуживания. Атомный ледокол «Советский Союз» находится в эксплуатационном резерве. В ближайшие годы в состав Росатомфлота войдут три универсальных атомных ледокола (УАЛ), предназначенных для проводки крупнотоннажных судов, круглогодичного лидерования караванов в Западном

¹⁴ Российские ледоколы прекращают туристические круизы в Арктику, URL: <http://www.ecosever.ru/article/15542.html> (дата обращения: 25.07.2018).

районе Арктики. Двухосадочная конструкция атомоходов позволяет использовать их как в арктических водах, так и в устьях полярных рек. Срок сдачи головного УАЛ «Арктика» — 2019 г., первого серийного атомного ледокола «Сибирь» — ноябрь 2020 г., второго серийного атомного ледокола «Урал» — ноябрь 2021 г.¹⁵

Организация туристических полярных круизов из Дудинки невозможна без возобновления речных круизов по Енисею по маршруту Дудинка — Красноярск — Дудинка для туристов, прибывающих в Дудинку или отправляющихся из неё на Северный полюс и в Мурманск. И с этим связана ещё одна проблема.

Результаты опросов российских и международных туркомпаний, специализирующихся на организации речных круизов в России, показывают высокий неудовлетворённый спрос на речные круизы по Енисею по маршруту Красноярск — Дудинка — Красноярск. Несмотря на отсутствие предложений, данный круиз остаётся известен и, без сомнения, будет востребован российскими и иностранными туристами при условии наличия современного качественного теплохода.

При средней загрузке 120–150 пассажиров, за летнюю навигацию по Енисею могут проплыть 1 100–1 350 туристов (до 2 тысяч человек). Енисейский круиз может быть поддержан организацией чартерных рейсов из Москвы в Красноярск и Норильск, хорошо комбинируется с маршрутом «Саянское кольцо» и в перспективе с другими межрегиональными маршрутами, когда турист придерживается принципа «раз уж оказался в Сибири, то лучше посмотреть как можно больше».

Круизный туризм на Енисее — не самое подготовленное туристское направление (необходимо увеличение сроков навигации, опытные операторы и возможность эксплуатации судна в качестве плавучего отеля в межсезонье). Вместе с тем круизы на Енисее — это не только бизнес-направление, но и важный социальный проект для населения северных территорий, влияющий на такие показатели, как уровень занятости населения в трудоспособном возрасте, уровень жизни населения, уровень социальной напряжённости, объём налоговых поступлений от реализации проекта.

Наиболее целесообразным решением для возобновления речных круизов по Енисею, по-видимому, является покупка европейского судна. По данным ОАО «Пассажиречтранс», стоимость европейского теплохода с 10-летним сроком эксплуатации составляет 8–10 млн евро, а срок службы такого судна — 30 лет. Проектирование и строительство нового теплохода на финской или немецкой судовой верфи будет стоить от 30 млн евро. Срок службы судна — не менее 50 лет.

Покупка теплохода (а лучше — двух теплоходов) для речных круизов по Енисею потребует государственно-частного партнёрства, привлечения частных инвестиций.

Для участников енисейских речных круизов может быть разработан большой пакет разнообразных и интересных экскурсионных программ и туров (эко-туры на плато Путорана;

¹⁵ Атомный ледокольный флот. URL: <http://www.rosatom.ru/production/fleet/> (дата обращения: 25.07.2018).

организация этнических поселений КМНС Эвенкии и Таймыра; восстановление памятников советской истории («Сталинская стройка № 503» — бывший населённый пункт Ермаково; мемориальный комплекс И.В. Сталина в Курейке, Норильлаг); экстремальные таёжные сафари и рыбалка (р. Курейка, районы п. Бор, с. Верхнеимбатское, п. Бахта); паломнический туризм (храмовый ансамбль г. Енисейск, «Туруханский Троицкий монастырь»); объекты археологического наследия (стоянка древнего человека IV–I тыс. до н. э. в устье р. Подкаменная Тунгуска); музей Вечной мерзлоты в г. Игарка и др.), которые сегодня мало востребованы в связи с удалённостью и труднодоступностью мест их выполнения.

Организация круиза предполагает обеспечение экскурсионной программы в местах стоянок (деятельность экскурсоводов, транспорт, общественное питание, реализация сувениров, дикоросов, музеи, другие объекты турпоказа), развитие аэродромной сети, позволяющей обеспечивать доставку туристов к местам проведения экскурсионных туров на вертолётах или небольших самолётах, создание дополняющих коротких маршрутов на скоростных судах на участках Енисейск — Бор, Бор — Туруханск — Игарка и др.

При организации устойчивого туристического потока (на основе морских и речных круизов), востребованность имеющихся и новых туристических предложений может существенно повыситься.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что реализация крупномасштабных проектов освоения богатейших природных ресурсов Севера и Арктики потребует опережающего развития и создания надёжной инфраструктуры: транспортной (системы путей железнодорожного сообщения, включая строительство Енисейской меридиональной железной дороги) и энергетической (строительства крупных ГЭС на Нижней Тунгуске и других притоках Енисея).

Эффективное осуществление такой сложной программы невозможно без использования инновационных методов и применения новейших экологически и социально сбалансированных технологий. В этом сценарии развития сырьевая ориентация экономики может стать мощным стимулом формирования на Севере и в Арктике не только промышленных, но и высокотехнологичных инновационных кластеров. Вместе с тем это потребует новых форм организации промышленного производства на основе локально-интегрированных региональных производственных систем и сетей.

В современных условиях это возможно только на основе системности при подготовке принимаемых решений. Изложенные в статье положения и предложения могут рассматриваться как элементы будущей стратегии развития северных и арктических территорий в составе макрорегиона «Енисейская Сибирь». Результаты исследования могут быть использованы для корректировки и формирования долгосрочных и среднесрочных инвестиционных программ на государственном и муниципальном уровнях управления, а также в стратегиях развития промышленных, транспортных и энергетических корпораций.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России по проекту XI.174. 1.1. (0325-2017-0008) «Экономика Сибири и её регионов в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз: методология, тенденции, прогнозы» № АААА-А17-117022250133-9.

Литература

1. Веселова Э.Ш. «Енисейская Сибирь» — первый макрорегион России // ЭКО. 2018. № 6. С. 20–37. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-20-37
2. Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А., Матвеев А.М. Проблемы и перспективы развития Арктической зоны Красноярского края. ЭКО. 2018. № 4. С. 8–28. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2018-4-8-28
3. Крюков В.А. Арктика — каким приоритетам отдать предпочтение? // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 6. С. 45–66.
4. Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Arctic policy in an era of global instability: Experience and lessons for Russia // *Regional Research of Russia*. 2015. Vol. 5. Is. 1. Pp. 10–22.
5. Пилиасов А.Н. Северная футурология: следующие двадцать лет // Арктика: экология и экономика. 2014. № 3 (15). С. 62–71.
6. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / Под ред. Кулешова В.В. Новосибирск. ИЭ ОПП СО РАН. 2017. 307 с.
7. Siberia and the Far East in XXI Century: Problems and Perspectives of Development : Scientific report / Ed. by V. Efimov; Siberian Federal University, Strategic Research Fund «Siberian Club». Translated from Russian. Krasnoyarsk: SibFU. 2017. 182 p.
8. Moon D.S., Kim D.J., Lee E.K. A Study on Competitive-ness of Sea Transport by Comparing International Transport Routes between Korea and EU // *The Asian Journal of Shipping and Logistics*. 2015. March. Pp. 1–20.
9. Богуш Б.Б., Хазиахметов Р.М., Бушуев В.В., Воропай Н.И., Беллендир Е.Н., Ваксова Е.И., Чемоданов В.И., Подковальников С.В. Основные положения программы развития гидроэнергетики России до 2030 года и на перспективу до 2050 года // Гидроэнергетика XXI века: Россия и мировая интеграция. 2016. Выпуск 1. С. 3–19.
10. Природные ресурсы Красноярского края (энциклопедия). Красноярск. КНИИГиМС. 2007. 471 с.
11. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. 2013. № 10. С. 19–47.

References

1. Veselova E.Sh. «Eniseyskaya Sibir'» — pervyy makroregion Rossii ["Yenisei Siberia" — the First Macroregion of Russia]. *EKO* [ECO journal], 2018, no. 6, pp. 20–37. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-20-37
2. Shishatskiy N.G., Bryukhanova E.A., Matveev A.M. Problemy i perspektivy razvitiya Arkticheskoy zony Krasnoyarskogo kraya [Problems and Prospects of Development of the Arctic Zone of Krasnoyarsk Krai]. *EKO* [ECO journal], 2018, no. 4, pp. 8–28. DOI 10.30680/ESO0131-7652-2018-4-8-28
3. Kryukov V.A. Arktika — kakim prioritetam otdat' predpochtenie? [Arctic — which priorities to give preference?]. *Problemnuyu analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection], 2014, vol. 7, no. 6, pp. 45–66.
4. Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Arctic policy in an era of global instability: Experience and lessons for Russia. *Regional Research of Russia*, 2015, vol. 5, is. 1, pp. 10–22.
5. Pilyasov A.N. Severnaya futurologiya: sleduyushchie dvadtsat' let [Northern futurology: the next twenty years]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [The Arctic: Ecology and Economics], 2014, no. 3 (15), pp. 62–71. (In Russ.)
6. *Resursnye regiony Rossii v «novoy real'nosti»* [Resource regions of Russia in the "new reality"]. Ed. by. Kuleshov V.V. Novosibirsk. IE OPP SO RAN Publ., 2017. 307 p.

7. *Siberia and the Far East in XXI Century: Problems and Perspectives of Development: Scientific report*. Ed. by V. Efimov. Siberian Federal University Publ., Strategic Research Fund «Siberian Club». Translated from Russian. Krasnoyarsk, SibFU Publ., 2017. 182 p.
8. Moon D.S., Kim D.J., Lee E.K. A Study on Competitive-ness of Sea Transport by Comparing International Transport Routes between Korea and EU. *The Asian Journal of Shipping and Logistics*, 2015, march, pp. 1–20.
9. Bogush B.B., Khaziakhmetov R.M., Bushuev V.V., Voropay N.I., Bellendir E.N., Vaksova E.I., Chomodanov V.I., Podkoval'nikov S.V. Osnovnye polozheniya programmy razvitiya gidroenergetiki Rossii do 2030 goda i na perspektivu do 2050 goda [The main provisions of the program of hydropower development of Russia up to 2030 and visions to 2050]. *Gidroenergetika XXI veka: Rossiya i mirovaya integratsiya*, 2016, part 1, pp. 3–19.
10. *Prirodnye resursy Krasnoyarskogo kraya (entsiklopediya)* [Natural resources of the Krasnoyarsk Territory (encyclopedia)], Krasnoyarsk, KNIIGiMS Publ., 2007. 471 p.
11. Fauzer V.V. Demograficheskiy potentsial severnykh regionov Rossii kak faktor ekonomicheskogo osvoeniya Arktiki [The demographic potential of Russia's northern regions as a factor of the economic development of the Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 10, pp. 19–47.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

УДК [316.334.56:711](470.11)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.91

Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области *

© **ДЕМЕНЕВ Алексей Григорьевич**, кандидат философских наук, доцент

E-mail: a.demenev@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ШУБИНА Татьяна Фёдоровна**, кандидат философских наук, доцент

E-mail: t.shubina@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ШУБИНА Полина Владимировна**, кандидат философских наук, доцент

E-mail: p.shubina@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **НЕНАШЕВА Марина Викторовна**, кандидат философских наук, доцент

E-mail: m.nenasheva@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **МАКУЛИН Артём Владимирович**, кандидат философских наук, доцент

E-mail: art-makulin@yandex.ru

Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия

© **ТАРАСОВ Иван Анатольевич**

E-mail: tarasovivanan@gmail.com

Региональная благотворительная общественная организация «Архангельский Центр социальных технологий «Гарант», Архангельск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта общественного участия в планировании комфортной городской среды. На примере Архангельской области рассмотрены формы общественного участия в проекте по формированию комфортной городской среды и их реализация на практике. С использованием метода комплексного анализа теории и практики публичных коммуникаций в статье приведена качественная оценка вовлечения общественности в процесс благоустройства городов. Показано, что существующие способы взаимодействия власти и горожан представляют собой односторонний процесс и зачастую сводятся к формальному исполнению муниципалитетами требований нормативно-правовых актов, регулирующих реализацию проекта по формированию комфортной городской среды. Для повышения эффективности механизмов общественного участия авторы предлагают разработать коммуникативную модель управления городским пространством на основе постоянного взаимодействия муниципальных органов власти и горожан. Такая модель позволит наладить диалог между всеми заинтересованными сторонами, что в конечном итоге приведёт к успешной реализации программы благоустройства и повышению качества жизни граждан.

Ключевые слова: *комфортная городская среда, городское пространство, городское сообщество, коммуникативное управление, гражданское общество, общественное участие.*

* Для цитирования:

Деменев А.Г., Шубина Т.Ф., Шубина П.В., Ненасшева М.В., Макулин А.В., Тарасов И.А. Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 91–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.91

For citation:

Demenev A.G., Shubina T.F., Shubina P.V., Nenasheva M.V., Makulin A.V., Tarasov I.A. Public participation in planning a comfortable urban environment: case of the Arkhangelsk region. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 91–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.91

Public participation in planning a comfortable urban environment on the example of the Arkhangelsk region

© **Alexei G. DEMENEV**, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

E-mail: a.demenev@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Tatiana F. SHUBINA**, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

E-mail: t.shubina@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Polina V. SHUBINA**, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

E-mail: p.shubina@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Marina V. NENASHEVA**, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

E-mail: m.nenasheva@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Artem V. MAKULIN**, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

E-mail: art-makulin@yandex.ru

Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia

© **Ivan A. TARASOV**

E-mail: tarasovivanan@gmail.com

Regional charity public organization «Arkhangelsk center of social technologies «Garant», Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article analyzes the experience of public participation in the planning of a comfortable urban environment. The forms of public involvement in the formation of a comfortable urban environment and their implementation are considered on the example of the Arkhangelsk region. The method of complex analysis of the theory and practice of public communications helps the article to present a qualitative assessment of public involvement in the improvement of the urban environment. It is shown that the existing methods of interaction between the authorities and citizens represent a one-sided process and often they are reduced to the formal fulfillment of legal requirements by municipalities. To improve the efficiency of public participation, the authors propose to develop a communicative model of urban space management based on constant interaction between municipal authorities and citizens. This model will allow establishing a dialogue between all stakeholders, which will ultimately lead to the successful implementation of the urban environmental program and improve the quality of life of citizens.

Keywords: *comfortable urban environment, urban space, urban community, communication management, civil society, public participation.*

Введение

Одним из приоритетов государственной политики России в области социально-экономического развития является повышение качества жизни населения. Качество жизни — это собирательное понятие, которое включает в себя различные характеристики существования человека [1, Сергеева Н.В., с. 5–10].

Сегодня большая часть населения России проживает в городах, поэтому пространство городской среды является одним из главных факторов, определяющих качество жизни российских граждан. Масштабная и стремительная по своему характеру урбанизация России началась ещё в XX в. [2, Пивоваров Ю.Л., с. 101–113]. Многие города создавались под конкретный государственный заказ, имели однотипную архитектуру и инфраструктуру, которая зачастую не учитывала интересы граждан [3, Лагодина Е.В., с. 9–12]. Хозяйственная специа-

лизация была особенно характерна для северных территорий России [4, Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., с. 40–50].

С переходом к рыночной экономике и сокращением государственного финансирования состояние большинства российских городов заметно ухудшилось, что стало одной из причин миграционной убыли населения. Сегодня надежды на экономическое и социальное возрождение северных городов России напрямую связываются с развитием природоресурсного потенциала Арктики, а также проектами, которые будут способствовать повышению комфортности северных и арктических городов.

По мнению многих исследователей, качество городов играет важную роль в социальном и экономическом развитии регионов [3, Лагодина Е.В., с. 9–12; 5, Погудина А.Л., с. 146–148]. В связи с этим в 2017 г. во всех субъектах Российской Федерации началась реализация проекта по формированию комфортной городской среды. Проект направлен на качественное улучшение состояния российских городов и создание комфортных условий для жизни граждан.

Особенностью программы является активное привлечение населения к планированию и реализации мероприятий по созданию и благоустройству общественных пространств. Предполагается, что общественное участие в планировании комфортной городской среды позволит выявить интересы граждан и достичь согласия по целям и планам реализации проекта. Для этого правительством разработаны методические рекомендации по вовлечению граждан в процесс обсуждения проектов по благоустройству городской среды, которые должны обеспечить максимальную открытость и возможность постоянного участия населения в принятии социально значимых решений.

С начала реализации проекта по всей России проведены масштабные мероприятия по формированию комфортной городской среды. Несмотря на это, на сегодняшний день участие граждан является одной из основных проблем реализации проекта [6, Дмитриева Н.Н., Ипатова Т.М., с. 95–98]. В связи с этим целью статьи является анализ практики вовлечения граждан в процесс реализации проекта по формированию комфортного городского пространства.

Материалы и методы исследования

На первом этапе исследования необходимо было проанализировать и дать оценку практике вовлечения общественности в реализацию ПП «ФКГС» в Архангельской области в 2017–2018 гг. Для этого требовалось реализовать следующие задачи: познакомиться с опытом отечественных и зарубежных исследований взаимообусловленности городского пространства и городского сообщества, проанализировать нормативно-правовую базу, организационное и информационное сопровождение проекта, практику использования инструментов общественного участия в городах Архангельской области, сравнить эту практику с федеральной целевой моделью и дать оценку эффективности использованных инструментов. Был

использован метод комплексного анализа теории и практики публичных коммуникаций по вопросам развития городской среды. Источником информации послужили, соответственно, нормативно-правовые акты федеральных, региональных и муниципальных органов власти, отчёты и статистические данные, материалы официальных сайтов органов власти и СМИ, а также социальных сетей, освещавших практику общественного участия в проекте.

Теоретическая значимость полученной информации состоит в том, что она является необходимым условием разработки инструментария для массового выборочного стандартизованного опроса, фокусированного группового интервью и экспертного опроса. Полученные с помощью этих методов данные на третьем этапе предполагается использовать для формирования целостной модели коммуникативного управления развитием городского пространства, учитывающей специфику городов Архангельской области. В этом состоит конечная практическая значимость исследования.

Городское пространство и городское сообщество

Ещё на рубеже XIX и XX вв. Эбенизер Говард предложил новую градостроительную концепцию, которую представил в философском эссе «Будущее: мирный путь к реальным реформам» (1898 г.), в 1902 г. переизданном под названием «Города-сады будущего» [7, Howard E.]. В этой концепции основную роль в планировании городской среды играло сообщество горожан. Принципы, предложенные Говардом, уже более века оказывают влияние на развитие градостроения и менеджмента городской среды. Говоря о положительном эффекте вовлечённости граждан в городской менеджмент, исследователи отмечают, что, участвуя в принятии решений, городские сообщества становятся основой сбалансированного развития территории [8, Insa-Ciriza R.].

Анализируя современную международную практику обустройства городских общественных пространств, Валерий Нефёдов подчёркивает, что для гуманизации существующего и создания нового, комфортного для человека городского пространства нужен, в первую очередь, социальный запрос на другое качество среды [9, Нефёдов В.А.]. Но следует понимать, что сама возможность такого социального запроса требует наличия активного сообщества, способного этот запрос сформулировать.

Здесь мы сталкиваемся с необходимостью определения понятия городского сообщества и понятия «город» вообще, а решение этой задачи в современной ситуации представляется довольно проблематичным. Герд Хельд, рассматривая пространство города [10, Хельд Г.], в первую очередь задаётся вопросом о том, может ли город выступать в качестве самостоятельного объекта исследования для социальных наук, не замещаем ли мы исследование города исследованием социальных связей в городском сообществе и его акторов. Хельд заключает, что городское пространство следует рассматривать не только как порождение социального, но и как предпосылку социальности.

Подчёркивая сходные идеи, Витольд Рыбчинский в своей книге «Городской конструктор: Идеи и города» цитирует мэра Филадельфии, Эдварда Дж. Ренделла, заявившего: «Нельзя позволить городам приходить в упадок. Общества без городов не бывает» [11, Рыбчинский В., с. 170]. Конечно, нужно также заметить, что без обществ (сообществ), вовлечённых в создание и развитие территории, города тоже перестают быть сами собой. Особенно актуальной эта проблема становится в современности: в ситуации отсутствия критериев определения понятия «город» [11, Рыбчинский В., с. 172]. Современный человек существует, по выражению Ирвинга Кристолла, не в городе, но «в пространстве городской цивилизации» [11, Рыбчинский В., с. 173]: города на рубеже XX–XXI вв. постепенно становятся децентрализованными за счёт внедрения новых технологий в сферу услуг и применения новых моделей городской инфраструктуры [11, Рыбчинский В., с. 175].

Говоря о городской инфраструктуре в своей монографии «Город без границ», Вячеслав Глазычев утверждает, что сущность города составляют не инженерные системы, а социальные и управленческие инфраструктуры [12, Глазычев В.Л., с. 284]. При этом он замечает, что социальная инфраструктура современных российских городов, при всей её важности, является наименее изученной [12, Глазычев В.Л., с. 322]. Мир российского города — *terra incognita*. С одной стороны, можно констатировать, что соседского сообщества в российских городах нет: и жилищно-строительные кооперативы (ЖСК) советского времени, и современные товарищества собственников жилья (ТСЖ), и организации территориального общественного самоуправления (ТОСы) в социальном пространстве российских городов или изначально не получают, или постепенно утрачивают функции активных элементов городского сообщества. С другой стороны, с распространением Интернета и мобильной связи постепенно возникают новые — сетевые — социальные инфраструктуры, зачастую не привязанные ни к какой конкретной территории. Глазычев даже задается вопросом о том, может ли в российских условиях сформироваться городское сообщество в его классическом понимании [12, Глазычев В.Л., с. 346–347].

У Бориса Гройса в его «Публичном пространстве» [13, Гройс Б.Е.] это пространство рассматривается как пустое, но потенциально заполненное социальным смыслом: как пустота, которая позволяет что-то проявить, явить, экспонировать. То есть это пространство для коммуникации.

Если вернуться к изучению методов и способов общественного участия в развитии городской среды, то нужно упомянуть работы урбанистов-практиков, в которых как раз освещаются методы обустройства таких пространств для публичной дискуссии.

В «Креативном городе» Чарльза Лэндри рассматриваются практики участия городских сообществ в планировании развития городов: в пример Лэндри приводит смысловую реорганизацию публичных пространств. Городские центры с их площадями, прогулочными бульварами, кафе и барами, клубами, библиотеками и музеями становятся ареной обмена идеями. Дискуссионные клубы, философские кафе и коворкинги создают новый (вернее, воссо-

здают старый, ещё античный) образ города, в котором центр является узлом коммуникации для всех горожан и местом для обсуждения проблем и планов развития общей территории [14, Лэндри Ч., с. 180–185].

Исследователи отмечают, что в начале нового тысячелетия у населения городов проявляется потребность влиять на среду своего обитания, формируя новое жизненное пространство [15, Бойкова М.В., Ильина И.Н., Салазкин М.Г., с. 35].

Григорий Стукалов, говоря о концепции устойчивого развития городов в своём «Градостроительном проектировании мегаполиса», указывает, что в планировании современных западных городов любая крупная агломерация рассматривается только в совокупности с окружающей территорией, встраиваясь в ту систему связей, которая была наработана при использовании территории сообществами жителей этих территорий. В России же градостроительная стратегия не разработана, потому доминирует ещё советский микрорайонный тип градостроительной практики, и в связи с этим во многих городах появляются «депрессивные» зоны, оторванные от центра, не имеющие внутренних стимулов развития [16, Стукалов Г.В., с. 12], следовательно, к развитию таких районов нужно применять новый подход. Зачастую потенциал таких территорий города заключается в необходимости обустройства мест публичного досуга, а к этому можно и нужно привлекать местные сообщества.

В «Соучаствующем проектировании» Генри Саноффа приведены примеры инструментов общественного участия в планировании городской среды. В разных проектах, описанных им, использовались интервью и опросы горожан, семинары и воркшопы жителей районов городов, краеведческо-просветительские программы для студентов и школьников, участие горожан в обсуждении дизайн-проектов, предложенных профессионалами.

Говоря об условиях эффективности городских проектов, Санофф указывает на необходимость участия в них всех групп пользователей, которых коснутся результаты проектной деятельности: «Если жители района или города не в состоянии должным образом принять участие в принятии решений, то результат таких решений... не будет соответствовать интересам общественности и не будет иметь поддержки». Он упоминает об «Индексе гражданственности», который Национальная Гражданская Лига (National Civic League, США) использует для определения социального капитала городских сообществ и их готовности к общественному участию [17, Санофф Г., с. 90]. Он определяется, например, уровнем лидерства в сообществе, способностью к кооперации и гражданским просвещением.

Среди методов информирования и вовлечения горожан Санофф выделяет школьные творческие проекты, сессии обмена идеями, опросы, проводимые местными газетами, анализ коммуникаций, игровые дизайн-проекты для городского или районного сообщества, обучение новым стратегиям охраны окружающей среды, визуализацию альтернативных планов развития территорий.

Таким образом, отечественные и зарубежные исследователи обосновывают, во-первых, безусловную значимость участия городского сообщества в развитии городского про-

странства и предлагают конкретные инструменты такого участия, а во-вторых, раскрывают обусловленность самого городского сообщества тем пространством, в котором оно живёт и удовлетворяет свои потребности. Представляется полезным сопоставить эти теоретические наработки с целевой моделью общественного участия, регламентированной российскими федеральными нормативно-правовыми актами, а также с практикой реализации этой модели в городах Архангельской области.

Нормативно-правовое регулирование общественного участия в реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды»

Задача демократизации социально-политической жизни в России и формирования активного и ответственного гражданского общества всё глубже осознаётся властными элитами и самой общественностью, постулируется в нормативно-правовых актах всех уровней власти. Требования времени и желание соответствовать уровню лучших мировых практик мотивируют властные структуры и институты гражданского общества находить эффективные способы и инструменты коммуникации. И если данная задача воспринимается менее актуальной в вопросах обеспечения безопасности или в определении геополитики, то в вопросах внутривластного развития, создания условий для удовлетворения базовых потребностей человека её актуальность не подвергается сомнению. Одной из базовых является потребность в комфортной среде обитания. В демократическом обществе, в клиентоориентированной экономике единственным рационально обоснованным может быть признан только тот механизм принятия решений, который максимально учитывает потребности людей, чьи интересы они затрагивают.

Осознание актуальности этой задачи отчётливо прослеживается в динамике содержания федеральных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы формирования комфортной городской среды. В рамках реализации проекта в 2017 г. федеральными органами власти принято (или подготовлено к принятию) 30 нормативно-правовых актов. Многие из них, так или иначе, затрагивают вопросы общественного участия в развитии городской среды. Так, федеральным законом внесены изменения в градостроительный кодекс в части совершенствования института общественных слушаний при принятии градостроительных решений¹. Низкий уровень вовлечённости граждан назван одним из возможных рисков в паспорте приоритетного проекта². В паспорте также указано, что проекты благоустройства могут инициироваться общественностью, должны проходить общественное обсуждение, могут софинансироваться гражданами, приветствуется трудовое участие жителей, должен быть обеспечен общественный контроль. Создание инструментов такого контроля отнесено к

¹ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» в ред. Федерального закона от 03.08.2018 № 341-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. 32. Ст. 5134

² Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды». Документ опубликован не был. Доступ с сайта Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/WoyaBZP00CYeyfDQ2Ai2tJ18zZht7HnS.pdf> (дата обращения: 10.10. 2018).

числу первоочередных мероприятий. Предполагается синхронизация действий федеральных, региональных и муниципальных органов власти, граждан и бизнеса.

На официальном сайте Минстроя России размещены критерии рейтинга регионов по выполнению приоритетного проекта. Три из двенадцати критериев касаются общественного участия: количество форм вовлечения граждан и организаций, наличие сайта для обратной связи и наличие софинансирования граждан³.

Важным этапом реализации проекта должно было стать принятие региональных и муниципальных программ благоустройства. В методических рекомендациях Минстроя России подчёркивается, что в каждой такой программе в качестве одной из задач должно быть прописано создание универсального механизма вовлечения граждан. Список территорий для первоочередного благоустройства должен определяться рейтинговым голосованием жителей. В методических рекомендациях сформулированы принципы и подходы к вовлечению граждан и организаций: максимальность вовлечённости заинтересованных сторон, достижение согласия всех субъектов, достоверность выявления интересов и ценностей, открытость обсуждения. Прописаны формы общественного участия: совместное определение целей и задач благоустройства, инвентаризация проблем и потенциалов, определение основных видов функциональных зон, выбор оборудования и малых архитектурных форм, типов покрытия и озеленения, согласование проектов и общественный контроль. Перечислены инструменты вовлечения: интерактивный формат обсуждения, анкетирование, опросы, интервьюирование, картирование, проведение фокус-групп, работа с отдельными группами пользователей, организация проектных семинаров и мастерских, проведение общественных обсуждений и дизайн-игр, проекты со школьниками⁴.

В государственной программе Архангельской области по формированию комфортной городской среды были учтены рекомендации Минстроя России, но ответственность за создание и реализацию универсальных механизмов общественного участия возложена на Министерство топливно-энергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства, а не на власти муниципальных образований⁵. Руководствуясь этим и вопреки методическим рекомендациям Минстроя России, городские власти даже не стали включать в муниципальные программы разделы, описывающие механизмы общественного участия, ограничившись

³ Критерии формирования рейтинга регионов по выполнению приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды». Документ опубликован не был. Доступ с сайта Минстроя России. URL: <http://www.minstroyrf.ru/docs/14328/> (дата обращения: 10.10. 2018).

⁴ Методические рекомендации по подготовке государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды в рамках реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» на 2018 – 2022 годы. Утверждены приказом Минстроя России от 06.04.2017 N 691/пр (ред. от 21.12.2017). Документ опубликован не был. Доступ с сайта Минстроя России. URL: <http://www.minstroyrf.ru/docs/14051/> (дата обращения: 10.10. 2018).

⁵ Государственная программа Архангельской области «Формирование современной городской среды в Архангельской области (2018-2022 годы)», Приложение № 2, п.3.1, п.3.2. Документ опубликован не был. Доступ из электронного фонда правовой и нормативно технической документации «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/462633221> (дата обращения 18.10.2018).

описанием порядка разработки и обсуждения с заинтересованными лицами дизайн-проектов благоустройства дворовых территорий, софинансирования и трудового участия.

Другим важным муниципальным документом, регламентирующим развитие городской среды, должны были стать обновлённые правила благоустройства городских территорий. Методические рекомендации Минстроя для разработки таких правил также обосновывают необходимость общественного участия, которое, по мнению разработчиков документа, повышает субъективное восприятие качества жизни, реализует базовую потребность человека быть услышанным, влиять на происходящее, испытывать сопричастность, ощущать себя частью целого. При этом повышается согласованность и доверие между властью и обществом, развивается социальный капитал⁶. Такое глубокое психологическое и аксиологическое обоснование необходимости общественного участия не было услышано разработчиками правил благоустройства в большинстве муниципальных образований Архангельской области (исключения — города Архангельск, Котлас и Онега). Муниципальные документы были разработаны как технические стандарты благоустройства, которые касаются строителей и специалистов коммунальных служб. Судя по содержанию документов, разработчики не видят смысла подпускать к этому процессу общественность.

11 апреля 2017 г. Проектный комитет утвердил документ, который наиболее развернуто представляет модель коммуникации между властью и гражданским обществом по вопросу развития городской среды — «Целевая модель по организации общественного участия, а также вовлечению бизнеса и граждан в реализацию проектов благоустройства городской среды», разработанная Минстроем России с участием «Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов» и руководства Республики Татарстан⁷. Данный документ был разослан в регионы в качестве рекомендуемой модели, основанной на передовом опыте организации общественного участия в развитии городской среды. Детальнейшим образом представлены все этапы, формы и инструменты коммуникации субъектов, заинтересованных в формировании комфортной городской среды.

Для мониторинга результатов реализации приоритетного проекта приказом Минстроя России утверждена методика оценки степени привлечения граждан и общественных организаций к реализации мероприятий по созданию комфортной городской среды. Эта методика призвана обеспечить прозрачность данных процессов и препятствовать фальсификации отчётов о них. К методике приложена таблица, в которой перечислены 37 индикаторов,

⁶ Методические рекомендации для подготовки правил благоустройства территорий поселений, городских округов, внутригородских районов. Утверждены приказом Минстроя России от 13.04.2017 N 711/пр. Документ опубликован не был. Доступ с сайта Минстроя России. URL: <http://www.minstroyrf.ru/docs/14131/> (дата обращения: 10.10.2018).

⁷ Целевая модель по организации общественного участия, а также вовлечению бизнеса и граждан в реализацию проектов благоустройства городской среды. Документ опубликован не был. Доступ с сайта Минстроя России. URL: <http://www.minstroyrf.ru/docs/14122/> (дата обращения: 10.10.2018).

объединённых в 9 групп⁸. Оценка производится за некоторый период через определение среднего балла по всем проектам этого периода. Результат учитывается в расчёте индекса качества городской среды.

***Информационное обеспечение приоритетного проекта
«Формирование комфортной городской среды» в Архангельской области***

Для вовлечения граждан в реализацию программ формирования комфортной городской среды используются различные каналы: пресса, телевидение, Интернет-сайты администраций МО и Правительства области. Кроме того, все муниципальные образования, являющиеся участниками приоритетного проекта, должны создать сайты (или страницы на уже имеющихся сайтах) для размещения информации о ходе его реализации.

В Архангельской области в 2017 г. в приоритетном проекте приняли участие 44, а в 2018 г. — уже 76 муниципальных образований⁹. В качестве свидетельства успешности проекта в Архангельской области на сайте ПП «ФКГС» представлены четыре примера практик благоустройства городской среды, применявшиеся в различных муниципальных образованиях Архангельской области в 2017 г.: в Архангельске, Новодвинске, Котласе и Вельске¹⁰.

В 2018 г. в Архангельске, Северодвинске, Новодвинске, Коряжме, Котласе, Мирном, Вельске и Няндоме были созданы пункты сбора информации для отбора территорий, подлежащих благоустройству. На этих пунктах можно было узнать о планируемых мероприятиях, проголосовать за территорию, подлежащую благоустройству, узнать предварительные итоги голосования¹¹. В Архангельске, Котласе, Няндоме, Мирном помимо создания пунктов сбора информации на сайте городской администрации было проведено онлайн-анкетирование по вопросам благоустройства территорий¹².

Исследователи отмечают важность использования онлайн-инструментов в информировании и мотивации граждан, а также в организации совместной работы над проектами обустройства общей территории, но указывают, что социальные медиа здесь, скорее, вторичны. Например, в работе, посвящённой изучению вовлечённости населения г. Рейкьявик в локальные сообщества в социальных сетях, определена их вспомогательная роль: сообще-

⁸ Методика оценки степени привлечения граждан и общественных организаций к реализации мероприятий по созданию комфортной городской среды. Утверждена приказом Минстроя России от 1 ноября 2017 г. N 1497/пр. Документ опубликован не был. Доступ с сайта Минстроя России. URL: <http://www.minstroyrf.ru/docs/15793/> (дата обращения: 10.10.2018).

⁹ Города Поморья становятся комфортными для проживания. URL: <http://pravdasevera.ru/-7u9kygrp> (дата обращения: 12.10.2018).

¹⁰ Лучшие практики. URL: <http://gorodsreda.ru/gorodskaya-sreda/luchshie-praktiki/?section=&type=&tag=®ion=%D0%90%D1%80%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 12.10.2018).

¹¹ Няндомы, Вельск и Котлас лидируют в проекте «Формирование комфортной городской среды». URL: <http://pravdasevera.ru/society/-zteeeg7sf> (дата обращения: 12.10.2018).

¹² Анкета – Формирование комфортной городской среды. URL: <http://www.arhcity.ru/?page=2310/0> (дата обращения: 12.10.2018).

ства в сети Интернет могут поддерживать существующие и активно внедряемые изменения, но не создавать активность на пустом месте¹³.

Для информирования горожан об опросе и других мероприятиях программы, а также для ознакомления их с документами программы и дизайн-проектами на сайтах муниципальных образований Архангельской области, принявших участие в программе, следовало создать разделы, посвящённые приоритетному проекту¹⁴.

К сожалению, не все из указанных на странице Правительства области¹⁵ сайтов муниципальных образований со страницами, отведёнными под информацию о приоритетном проекте, эту информацию содержат (например, сайт МО «Холмогорский муниципальный район»). В других МО (например, МО «Онежский муниципальный район») отсутствует стандартная ссылка на проект «ФКГС» с логотипом, и хотя страница проекта существует, найти её трудно. На сайте МО «Каргопольский муниципальный район» нет стандартной ссылки, но есть информация о проекте. На сайте же администрации Новодвинска есть только стандартная ссылка на проект «ФКГС», а у МО «Котласский муниципальный район» даже две страницы посвящены проекту — и одна снабжена логотипом партии «Единая Россия».

Одной из самых подробных и информационно насыщенных является страница проекта на сайте администрации города Архангельска¹⁶. Документы, связанные с реализацией проекта в 2017 и 2018 гг., представлены здесь максимально полно.

Целевая модель, рекомендованная Минстроем России, ориентирует на широкое использование возможностей социальных сетей для организации общественного участия. В социальной сети ВКонтакте для обсуждения проблем формирования комфортной городской среды в Архангельске и области созданы два сообщества: «Формирование комфортной городской среды»¹⁷ и «Комфортная городская среда Архангельской области»¹⁸. Однако в указанных группах состоит на настоящий момент 28 и 73 человека соответственно, потому их, конечно, нельзя считать эффективным инструментом популяризации проекта.

На страницах Администраций МО создавались группы по обсуждению проекта и проводились опросы о том, какие элементы благоустройства граждане хотели бы видеть на территориях этих МО (например, МО «Няндомский муниципальный район»¹⁹). В официальной

¹³ Vojica I., Marrab G., Naydenova V. Online tools for public engagement: case studies from Reykjavik. URL: <https://arxiv.org/abs/1611.08981> (дата обращения: 12.10.2018)

¹⁴ О требованиях к наполнению этих разделов на сайтах МО. URL: <http://pravdasevera.ru/society/-ws9z0ked> (дата обращения: 12.10.2018)

¹⁵ Муниципальные районы и городские округа Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/region> (дата обращения: 12.10.2018)

¹⁶ Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды». URL: <http://www.arhcit.ru/?page=2288/0> (дата обращения: 12.10.2018)

¹⁷ Формирование комфортной городской среды. URL: <https://vk.com/club139146505> (дата обращения: 12.10.2018)

¹⁸ Комфортная городская среда Архангельской области. URL: <https://vk.com/gorodskayasreda29> (дата обращения: 12.10.2018)

¹⁹ Администрация МО «Няндомский муниципальный район». URL: https://vk.com/wall-123385323_2453 (дата обращения: 12.10.2018).

группе Администрации МО «Вельское» можно отслеживать ход реализации проекта на территории городского поселения²⁰. Также информация об участии в рейтинговом голосовании размещались на стендах в учреждениях, в общественном транспорте и на улицах города.

Анализ информационной поддержки проекта «Формирование комфортной городской среды» позволяет сделать вывод, что общественность была вовлечена в программу не на всех этапах её реализации. В Архангельске программу курирует депутат городской думы В. Дудников. В своём интервью газете «Бизнес-класс» он заострил внимание на том, что главной проблемой в благоустройстве дворов остаётся неинформированность жильцов о том, на что они могут рассчитывать в рамках проекта²¹. Можно заключить, что, несмотря на массовое участие в голосовании, посвящённом выбору территорий для первоочередного благоустройства, информация о смысле проекта в целом оказалась доступна не всем заинтересованным.

Мероприятия по обеспечению общественного участия

В социологическом плане управление городом как социальной общностью строится на том, что любой город является не только местом поселения, но и формой организации жизнедеятельности индивидов и социальных групп. Потому успешное развитие комфортной городской среды невозможно без эффективной модели взаимодействия власти и общества, максимально использующей все доступные каналы коммуникации для непосредственного вовлечения горожан в процесс планирования и принятия решений.

Мировая градостроительная практика обнаруживает, что, применяя даже оптимальные архитектурные и градостроительные решения, но отказавшись от учёта мнения жителей и изолировав их от процесса принятия решений, нельзя удовлетворить внутреннюю потребность человека в качественной городской среде [18, Джекобс Д.; 19, Скотт Дж.].

Современный подход к организации комфортных городских территорий предполагает активное участие населения в осуществлении планомерной деятельности — от замысла до контроля исполнения. Для реального воплощения в жизнь региональной программы «ФКГС» на 2018–2022 гг. на территории Архангельской области необходимо было не только разработать и утвердить данную программу и Правила благоустройства, но предварительно обсудить их с общественностью.

Как правило, механизм обсуждений программ благоустройства городов следующий:

1. на сайте и в нескольких СМИ делаются объявления об обсуждении документа,
2. проект документа размещается на сайте администрации,
3. определяются сроки и форма подачи предложений.

²⁰ Администрация МО «Вельское». URL: <https://vk.com/movelsk> (дата обращения: 12.10.2018).

²¹ Место для компромисса: в 2018 году Архангельск получил 118 млн рублей на благоустройство дворов и парков. URL: https://bclass.ru/vlast/deputatskiy_portfel/mesto-dlya-kompromissa-v-2018-godu-arkhangelsk-poluchil-118-mln-rublej-na-blagoustroystvo-dvorov-i-p/?sphrase_id=16871 (дата обращения: 12.10.2018).

В рамках реализации ПП «ФКГС» в Архангельской области данную задачу решали путём формирования муниципальных общественных комиссий. Но как нам представляется, процесс проходил формально. В состав комиссий вошли представители общественно-политических организаций, с которыми у администрации уже налажено постоянное взаимодействие: организации инвалидов, ветеранов, представителей ТОС, партии «Единая Россия» и ОНФ, которые «скорее имитируют публичные коммуникации с властью, чем реально осуществляют их» [20, Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А., с. 9].

Кураторы проекта в своих выступлениях подчёркивают, что проект «Комфортная среда» родился под влиянием общественности. Действительно, граждане устали наблюдать за деградацией среды проживания, вызванной необоснованными градостроительными решениями (павильоны в районе Морского вокзала в Архангельске, строительство торговых центров, наружная реклама), уплотнением застройки, плохими дорогами, разрушением исторических зданий, вырубкой зелёных насаждений, недостаточным освещением дворов, слабо развитой инфраструктурой для активного отдыха жителей (отсутствуют прогулочные дорожки, современные детские площадки, выделенные трассы для велосипедов и роликов и т.д.). «На сегодняшний день на территории Архангельской области насчитывается 284 неблагоустроенные общественные территории общей площадью 381,2 га или 77,2% от общего количества общественных территорий, из них 20 территорий — городские парки»²².

Но декларирование того, что проект является народным²³, не означает воплощения этой идеи в реальность.

Отсутствие всеобщей модерации (массовой компетенции управления сложными коммуникациями)²⁴, отлаженных каналов коммуникации внутри территориального сообщества между активистами, депутатами, предпринимателями, локальными экспертами и властью обернулось проблемой для ответственных за реализацию проекта.

Крайне сжатые сроки, определённые правительством РФ для формирования региональных и муниципальных программ «ФКГС», привели к тому, что в обозначенное время с 30 июня по 17 июля 2017 г. провести полномасштабную кампанию по привлечению населения к участию в её формировании не удалось. Результаты обсуждения и количество поступивших предложений не были обнародованы. Можно предположить, что количество участников было весьма скромным. В августе 2017 г. было проведено дополнительное обсуждение в течение одной недели, с 11 по 18 августа²⁵. Свои предложения для включения в про-

²² Характеристика основных мероприятий программы «Формирование современной городской среды на 2018-2022 годы». URL: <https://dvinaland.ru/-5u43caza> (дата обращения 12.10.2018).

²³ Муниципалитеты готовятся к голосованию по проекту «Формирование комфортной городской среды» // Правда Севера. 2018. 25 января. URL: <http://pravdasevera.ru/-ws9z0ked>, свободный (дата обращения: 09.10.2018).

²⁴ Среда для людей. Центр прикладной урбанистики. URL: <https://sredaforpeople.ru/#> (дата обращения: 12.10.2018).

²⁵ Общественное обсуждение региональной программы благоустройства городской среды продолжается. URL: <http://dvinanews.ru/-s4ehgcyt> (дата обращения: 12.10.2018).

грамму можно было озвучить и на общественных слушаниях 18 августа посредством использования системы «Цифровое кольцо» министерства образования и науки Архангельской области²⁶.

Также в это время все желающие могли принять участие в онлайн-опросе на странице «Опросов и голосований в Архангельской области». Согласно окончательным данным, участие в нём приняли 222 человека. За принятие программы проголосовало — 216, против принятия программы — 6 человек. Предложения в проект программы поступили от 33 граждан²⁷. После обсуждений и общественных слушаний государственная программа «Формирование современной городской среды в Архангельской области на 2018–2022 годы» была утверждена на заседании регионального правительства в установленные сроки²⁸.

В рамках реализации мероприятий по данной программе за предстоящие пять лет на территориях муниципальных образований Архангельской области запланировано благоустройство 11 219 дворовых территорий, 264 общественных территорий и 20 городских парков. Общий объём финансирования мероприятий настоящей государственной программы составляет 17 334 151,2 тыс. рублей²⁹.

Представители власти подчёркивают, что для успешной реализации проекта необходимо соиздательное участие наиболее энергичных граждан, представителей общественности, управляющих компании, с тем чтобы максимально быстро горожане включались в процесс разработки проектов муниципальных программ по благоустройству³⁰.

Мы разделяем мнение П. Иванова, куратора Лаборатории полевых исследований города, Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, о том, что «Изначально классово, статусно, сословно чуждые друг другу городские жители с большим трудом могут выработать общую повестку и консенсус вокруг территории как общей ценности» [21, Иванов П.В., с. 11].

Анализ материалов областных СМИ даёт возможность описать паттерны взаимодействия власти и общества в осуществлении проекта «Формирование комфортной городской среды».

Социологи, чей научный интерес сосредоточен на изучении города, ещё с конца XIX в. отмечали, что для жителей городов характерным типом поведения является обособлен-

²⁶ Общественное обсуждение региональной программы благоустройства городской среды продолжается. URL: <http://dvinanews.ru/-s4ehgcyt> (дата обращения: 12.10.2018).

²⁷ Опросы и голосования в Архангельской области. URL: <https://opros.dvinaland.ru/formirovanie-sovremennoj-gorodskoj-sreda-na-2018-2022-goda/> (дата обращения: 12.10.2018).

²⁸ Постановление Правительства Архангельской области от 22.08.2017 N 330-пп. URL: <https://dvinaland.ru/-5u43caza> (дата обращения: 12.10.2018).

²⁹ Пояснительная записка к проекту постановления Правительства Архангельской области «Об утверждении государственной программы Архангельской области «Формирование современной городской среды на 2018–2022 годы». URL: <https://dvinaland.ru/-xrmdvfmz> (дата обращения: 20.10.2018).

³⁰ «Проект «Формирование комфортной городской среды» позволяет гражданам изменить облик своего города». URL: <http://dvinanews.ru/-ekh195fs> (дата обращения: 12.10.2018); В Архангельске проходит II ежегодный форум управляющих компаний региона // Правда Севера. 2017. 17 марта. URL: <http://pravdasevera.ru/-rszbyzx2> (дата обращения: 09.10.2018).

ность, замкнутость, бесчувственное равнодушие, отчуждение, разрушение межличностных контактов, как указывали Г. Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь» и Л. Вирт в монографии «Урбанизм как образ жизни». Современные исследователи выявили такой феномен как «апатия наблюдающих», проявляющийся в безучастности к чужой проблеме..., групповом игнорировании. Присутствие бесчисленного множества людей расплывает ответственность на всех, а значит, в итоге она не лежит ни на ком» [22, Ильмухин В.Н., с. 96].

Различные группы городских жителей по-разному реагируют на изменения, вызванные реализацией мероприятий ПП «ФКГС». Разнородность расселения мешает жителям в организации уникального пространства с выраженными характеристиками, территории дворов однотипны и внутренне малоразличимы.

Как советует руководитель ассоциации «Уютный город» Ирина Карелина, «Нужно привносить свои элементы, чтобы не получился набор одинаковых на всю страну площадок. У нас можно использовать морской стиль, арктическую тематику, благодаря чему дворы столицы Поморья будут иметь свою особенность и индивидуальность»³¹.

В ряде случаев горожане отказываются даже от обсуждения вопросов на собраниях по благоустройству дворов, уже не говоря об активном включении в сам процесс, рассматривая пространство за пределами своих квартир как общественные территории, ответственность за которые должны нести органы общественного управления. С другой стороны, заинтересованных жителей останавливает отсутствие или недостаток официальной информации. Как отметил Сергей Коптяев, председатель ПЖСК «На Обводном»: «О программе я узнал от своих знакомых из Северодвинска. Попросил их подробно рассказать о своём опыте участия, о том, что удалось, и о том, что они упустили. В итоге, когда мы приступили к разработке дизайн-проекта, мы уже точно знали, что и как мы хотим сделать»³². Сегодня этот проект «по праву можно назвать образцовым и брать в качестве примера для тиражирования опыта»³³, — говорит депутат Облсобрания Надежда Виноградова.

Порой благоустройство провоцирует конфликты между жителями благоустроенных и неблагоустроенных дворов, а жителям многоэтажек бывает сложно прийти к единому мнению относительно проекта. Не могут договориться: «кому-то нужнее детская площадка, кому-то — спортивная или зона отдыха для пожилых людей. Те, у кого есть транспорт, голосовали за парковку, а у кого его нет, отказывались идти навстречу автовладельцам»³⁴. Возникают конфликты по поводу победы той или иной территории в конкурсе или вокруг порядка выбора компаний-подрядчиков. Например, у части общественности появились вопросы к

³¹ Сенчукова Н. Архангельским дворам нужен свой стиль // Архангельск – город воинской славы. 2018. 23 марта.

³² На Обводном проспекте в Архангельске открыли обновленный двор // Правда Севера. 2018. 3 октября. URL: <http://pravdasevera.ru/society/-r3yue82m> (дата обращения: 09.10.2018).

³³ Там же.

³⁴ В рамках партпроекта «Городская среда» народная инициатива становится реальными делами. URL: <http://arhangelsk.bezformata.ru/listnews/zarya-v-ramkah-partprojekta-gorodskaya/68690581/> (дата обращения: 15.10.2018).

честности и открытости процедуры голосования за объекты благоустройства в Северодвинске, а у другой — вопросы в связи с нарушениями установленных сроков сдачи работ.

По словам заместителя министра ТЭК и ЖКХ Архангельской области Т. Лемешевой, «препятствием для участия домов в проекте стала необходимость минимального софинансирования работ, а кого-то останавливает обязанность в дальнейшем содержать объекты благоустройства»³⁵.

Примерами модерации могут служить начинания горожан из Вельска, Архангельска, активистов МО «Котлас». Одними из первых в Архангельской области котлошане организовали работу по вовлечению горожан в участие в ПП «ФКГС». В апреле 2017 г. провели семинар, а в июне — конференцию с экспертами, чтобы «сделать шаг к комфорту городского пространства и своего двора. Чтобы в дальнейшем участвовать ещё и в муниципальной программе «ЖКХ и городская среда», уверенно заявляя свои проекты к финансированию»³⁶. В результате на всероссийском конкурсе муниципальных практик проект города Котласа «Двинопарк» был признан одним из лучших и удостоен награды Министерства строительства и ЖКХ РФ³⁷.

Архангелогородцы выступили зачинателями проведения конкурсов ландшафтных проектов в рамках ПП «ФКГС». Так, например, инициатива о проведении конкурса по благоустройству сквера имени А.В. Грачева (Архангельск, округ Варавино-Фактория) поступила от САФУ имени М.В. Ломоносова совместно с группой компаний «Суприм» и администрацией округа. Заявки на участие поступили не только из России, но и из-за рубежа. Он проходил по трём номинациям. В основном конкурсе — на лучший проект всего сквера — победителем признан проект автора из Израиля, в двух других победили выпускники САФУ. Молодые активисты реализовали проект «Палуба» на набережной Северной Двины в Архангельске. Впервые он был представлен на форуме «Команда 29» молодыми архитекторами А. Ивановой и И. Третьяковым³⁸. Во всероссийском конкурсе молодёжных проектов «Идеи, преобразующие города» в номинации «Благоустройство дворов, в том числе для людей с ограниченными возможностями» второе место заняла жительница Архангельской области Ульяна Кудрявцева с проектом «Благоустройство дворовой территории по улице Октябрьской города Вельска». Каргополь стал победителем всероссийского конкурса проектов комфортной городской среды в категории «Исторические поселения»³⁹.

³⁵ Архангельским дворам нужен свой стиль // Архангельск — город воинской славы. 2018. 23 марта. URL: <http://arvc.pf/archives/12800> (дата обращения: 12.10.2018).

³⁶ Дворы Котласа приведут в порядок. URL: http://kotlas-city.ru/urban_environment/news (дата обращения: 12.10.2018).

³⁷ Комфортный Котлас: проект «Двинопарк» был признан одним из лучших в рамках всероссийского конкурса муниципальных практик. URL: <http://dvinanews.ru/-7sox2o2w> (дата обращения: 12.10.2018).

³⁸ Проект «Палуба» — пример поддержки молодых архитекторов. URL: <http://dvinanews.ru/-8vdzrsub>. (дата обращения 12.10.2018)

³⁹ Каргополь стал победителем всероссийского конкурса проектов комфортной городской среды. URL: <http://dvinanews.ru/-vu1kogyg> (дата обращения: 10.10.2018).

Местная власть, понимая, что необходимы новые каналы коммуникации с обществом, включается в процесс модерации. Депутаты областного Собрания и городской Думы проводят встречи с жильцами-активистами, выезжая на строящиеся объекты, совместно оценивая ход работ. На встрече представителей университета (САФУ) и областного правительства принято решение о создании рабочей группы по организации регионального центра компетенций, объединившей архитекторов, конструкторов, проектировщиков, дизайнеров и строителей, для помощи в подготовке документации для участия в проекте по развитию городской среды.

Как замечают С.Г. Климова и И.В. Щербакова, гражданское участие имеет территориальные особенности, которые «определяются не только размером города, но и его функциональными признаками, а значит, характеристиками населения, в первую очередь — характеристиками элит, способных создавать сообщество вокруг решения общих проблем (например, ... в наукоградах — научные сообщества; в центрах туризма и отдыха — профессионалы, занятые сохранением культурного наследия и развития туристического бизнеса)» [23, Климова С.Г., Щербакова И.В., с. 25.]. Приведённые нами примеры свидетельствуют о том, что местные элиты предлагают свои способы реализации программы благоустройства жилой среды, мобилизуют ресурсы и сторонников. Известный урбанист В. Глазычев в своё время писал, что отсутствие диалога между государством, чиновниками и людьми при устройении города превращает этот процесс в казённое, государственное дело [24, Глазычев В.Л.]. На наш взгляд, одно из позитивных следствий проекта в том, что у людей появилось доверие к власти, включённость в диалог с ней. Горожане видят, что власть «не просто закатывает средства в асфальт, а стремится сделать так, как хотят граждане»⁴⁰. Постоянный общественный контроль за реализацией приоритетного проекта, сроками ввода объектов, расходованием средств и оперативное реагирование в случае бездействия руководителей муниципальных образований рекомендовано обеспечивать «Народной инспекции Архангельской области», коалиции «НАРОДНЫЙ ФРОНТ «ЗА РОССИЮ» и «Общественной палате Архангельской области». «Тотальный контроль со стороны ТСЖ и администрации города»⁴¹ за выполнением проектов отметила депутат Облсобрания Н. Виноградова.

«В современных городах, где активизируется развитие сферы услуг и креативных видов деятельности, общественные пространства легко трансформируются, приспособиваясь под заданные функции (отдых, торговля, соревнования, социальные акции)» [25, Ильина И.Н., с. 74]. Развитие общественных пространств создаёт новое качество жизни, и благоустройство данных территорий должно являться приоритетным направлением. В 2017 г. выбор общественной территории для благоустройства проводился среди населения, которое имело смутную информацию о сути проекта, но в 2018 г. власти, учтя ошибки предыдущего

⁴⁰ Проекты, востребованные жизнью // Правда Севера. 2017. 21 ноября. URL: <http://pravdasevera.ru/politics/-54damjh2> (дата обращения: 10.10.2018).

⁴¹ На Обводном проспекте в Архангельске открыли обновленный двор // Правда Севера. 2018. 3 октября. URL: <http://pravdasevera.ru/society/-r3yue82m> (дата обращения: 09.10.2018).

периода, активизировали информационную и разъяснительную работу с гражданами. Отличался и механизм отбора: общественное обсуждение и Интернет-опросы (через сайты администраций МО) в 2017 г. — и рейтинговое голосование при помощи специального опросного листа, проводившееся в два этапа в 2018 г.

Рейтинговое голосование по выбору общественных территорий для первоочередного благоустройства, в котором участвовало восемь муниципальных образований Поморья: города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Коряжма, Котлас, Мирный, Вельск, Няндама, кураторы проекта оценили как «одно из самых позитивных» и массовых. Несмотря на то, что на предварительном этапе в нём приняло участие 251,8 тысячи северян, что составляет, с учётом того, что в голосовании могли принимать участие жители с 14 лет, 34% от общей численности населения, проживающего в этих МО (734 198 человек). По мнению А. Поташева, министра ТЭК и ЖКХ Архангельской области, «это свидетельствует о высоком интересе граждан к проекту, а также служит залогом выбора именно тех территорий, которые, по мнению большинства населения, нуждаются в первоочередном благоустройстве»⁴².

Голосование проводилось в наиболее посещаемых горожанами местах (культурные и торговые центры, продовольственные магазины, школы и т.д.), где смогли выразить своё мнение более 190 тыс. жителей области, а 61 тыс. человек дополнительно проголосовала путем онлайн-голосования в Архангельске, Коряжме и Мирном.

Горожане хотят, чтобы их слушали⁴³. В практическом плане активное участие населения в обсуждении проектов увеличивает социальный эффект благоустройства за счёт обратной связи с заинтересованными группами населения, что позволяет избежать ошибок при выборе и проектировании объекта благоустройства.

Безучастность к рассмотрению социально значимых программ развития своей территории приводит к исключению жителей из практики созидательного участия, а посему — неприятию спущенных свыше инициатив, которые рассматриваются ими как покушение на свободу выбора.

Информацию о пунктах предварительного отбора можно было найти на сайтах муниципальных образований в разделе «Комфортная городская среда». Ход голосований активно освещался в прессе, ежедневно публиковались материалы о людях, принявших в нём участие, с указанием общественных пространств, за которые они отдали свои голоса. Здесь были и команда по хоккею с мячом «Водник»⁴⁴, и известные деятели культуры Архангельской области⁴⁵, политики⁴⁶, педагоги и школьники⁴⁷.

⁴² «Проект "Формирование комфортной городской среды" позволяет гражданам изменить облик своего города». URL: <http://dvinanews.ru/-ekh195fs> (дата обращения: 12.10.2018).

⁴³ В городах Архангельской области продолжается голосование за комфортную городскую среду // Правда Севера. 2018. 2 февраля. URL: <http://pravdasevera.ru/-5x54oo30> (дата обращения: 09.10.2018).

⁴⁴ Команда «Водник» проголосовала за выбор проекта для благоустройства в Архангельске // Правда Севера. 2018. 29 января. URL: <http://pravdasevera.ru/society/-553zraht>, свободный (дата обращения: 09.10.2018).

⁴⁵ Артисты Северного хора проголосовали за комфортную среду // Правда Севера. 2018. 6 февраля. URL: <http://pravdasevera.ru/-906k4kae> (дата обращения: 09.10.2018); Жители Поморья продолжают выбирать терри-

Чтобы придать голосованию массовый характер, привлечь как можно больше жителей к участию в ПП «ФКГС», Минстрой РФ инициировал проведение различных акций и мероприятий. По задумке авторов проекта, центром проведения праздничных, спортивных и культурных мероприятий в ходе проведения Всероссийского фестиваля городской среды «Выходи гулять»⁴⁸ должны были стать обновлённые общественные пространства. В отремонтированных дворах и на общественных территориях проходили новогодние представления, в выходные дни — игровые программы, гуляния, хороводы, конкурсы, спортивные соревнования по картингу и хоккею в валенках, устраивали праздники, на которых чествовали победителей проектов. Не все мероприятия можно отнести к фестивалю городской среды (открытие праздничной новогодней ёлки, «Товарищеская встреча на льду», городской легкоатлетический пробег, посвящённый Международному женскому Дню 8 Марта и т.п.). Думается, в первую очередь организаторы стремились к массовости и рекламе самого проекта.

Уровень осведомлённости о проекте, несомненно, возрос в ходе проведения в области конкурса «Дети рисуют город» («Мой любимый город», «Город будущего») для ребят от 6 до 14 лет. Благодаря ему родители детей получили информацию о программе, были мотивированы на участие в ней и увидели запрос властей на диалог. Продвижению ПП «ФКГС» и привлечению родителей к участию в рейтинговом голосовании послужили проведённые во всех школах области уроки и классные часы «Формирование комфортной городской среды». И пусть эти каналы коммуникации были недостаточно массовыми по охвату граждан, но для некоторых групп они были наиболее удобными (школьники, молодые родители).

В 2017 г. в реализации проекта приняли участие 7 500 жителей региона. В рейтинге Общероссийского народного фронта по учёту мнений граждан Поморье заняло десятое место⁴⁹. В ежегодном Послании губернатор Архангельской области И. Орлов отметил, что «Накопленную энергию согласия нельзя потерять, её надо трансформировать в процессы развития с ясной долговременной перспективой»⁵⁰. В 2018 г. в программу благоустройства включились и градообразующие предприятия: так, в Новодвинске «половину средств из не-

тории для благоустройства // Правда Севера. 2018. 9 февраля. URL: <http://pravdasevera.ru/society/-sjiomawb> (дата обращения: 09.10.2018).

⁴⁶ Губернатор отдал голос за благоустройство сквера у храма Александра Невского // Правда Севера. 2018. 31 января. URL: <http://pravdasevera.ru/-rc9701uz> (дата обращения: 09.10.2018).

⁴⁷ Городская среда в Северодвинске: выбор делают педагоги и школьники // Правда Севера. 2018. 26 января. URL: <http://pravdasevera.ru/-1g7p5sfh> (дата обращения: 09.10.2018); В Мирном будут благоустроены городские парки // Правда Севера. 2018. 29 января. URL: <http://pravdasevera.ru/-vw17pphe> (дата обращения: 09.10.2018); В городах Архангельской области продолжается голосование за комфортную городскую среду // Правда Севера. 2018. 2 февраля, 2018. URL: <http://pravdasevera.ru/-5x54oo30> (дата обращения: 09.10.2018).

⁴⁸ Фестиваль городской среды «Выходи гулять». URL: <https://dvinaland.ru-tpv0smk> (дата обращения: 12.10.2018).

⁴⁹ Города Поморья становятся комфортными для проживания // Правда Севера. 2018. 7 сентября. URL: <http://pravdasevera.ru/-7u9kygrp> (дата обращения: 09.10.2018).

⁵⁰ Послание Губернатора Архангельской области И. А. Орлова Архангельскому областному Собранию депутатов о социально-экономическом и общественно-политическом положении в Архангельской области, 11 апреля 2018 года. URL: <https://dvinaland.ru/gov/-zamajf99> (дата обращения: 12.10.2018).

обходимых на реализацию программы 3,2 миллионов рублей профинансировал АЦБК»⁵¹. Как заметил директор департамента городского хозяйства г. Архангельска Н. Кривонкин, по сравнению с 2017 г., заявок от горожан поступило в два раза больше. «Многие, наверное, успели увидеть, каким образом можно благоустроить городской двор, и проявили активность»⁵².

Проведя анализ отчётов органов власти и публикаций в СМИ, посвящённых реализации проекта «Формирование комфортной городской среды», можно заключить, что, несмотря на большое количество проведённых мероприятий, общественность ещё слабо вовлечена в программу. Выделенные паттерны взаимодействия власти и общества указывают на наличие поведенческих стратегий устойчивых социальных групп сторонников, противников и не определившихся в своих отношениях жителей. Отношение населения к действиям властей будет зависеть от уровня опасений и ожидания итогов реализации проекта «Формирование комфортной городской среды». Анализ нормативно-правовых актов и наиболее успешных практик позволяет сформировать в обобщенном виде универсальную модель управления коммуникациями по вопросам развития городской среды, реализуемую в регионах России. По распространённой классификации Дж. Грунига и Т. Ханта она может быть охарактеризована как двусторонняя асимметричная модель. Её отличают двусторонний характер движения информации, наличие постоянной обратной связи, но при этом государство определяет условия, в которых протекает коммуникация, и в целом контролирует в большей степени, чем общественность, процесс информационного взаимодействия (рис.1).

⁵¹ Новодвинск — территория комфорта // Правда Севера. 2017. 21 ноября. URL: <http://pravdasevera.ru/-ksc5rt2t> (дата обращения: 09.10.2018).

⁵² Софинансирование комфорту не помеха // Архангельск — город воинской славы. 2017. 30 ноября. URL: www.arhcity.ru/data/455/94_30_11_2017_AGVS.pdf (дата обращения: 09.10.2018).

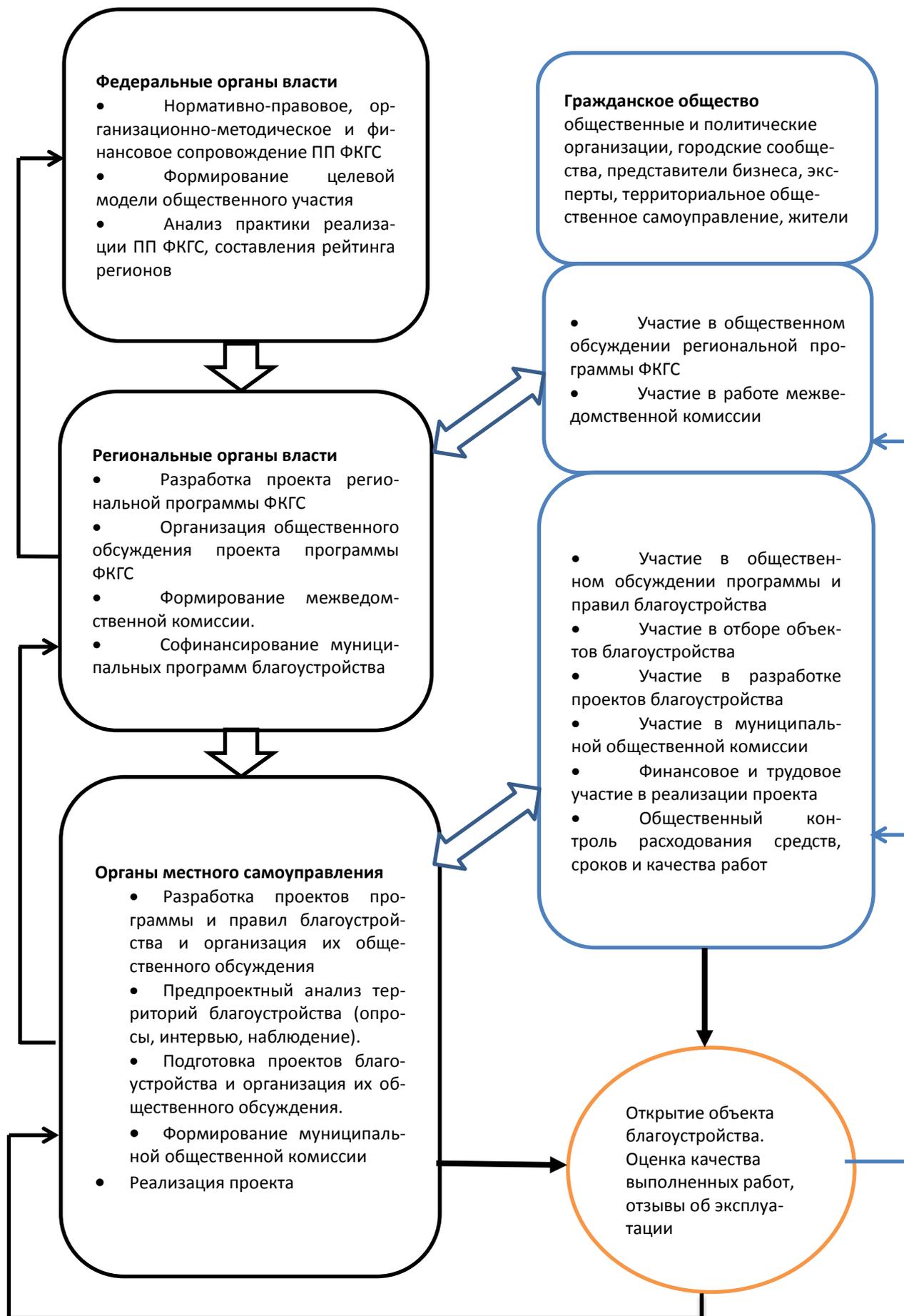

Рис. 1. Модель управления публичными коммуникациями ПП ФКГС

Для определения алгоритма выбора конкретного объекта и реализации его благоустройства данная модель требует декомпозиции (рис. 2).

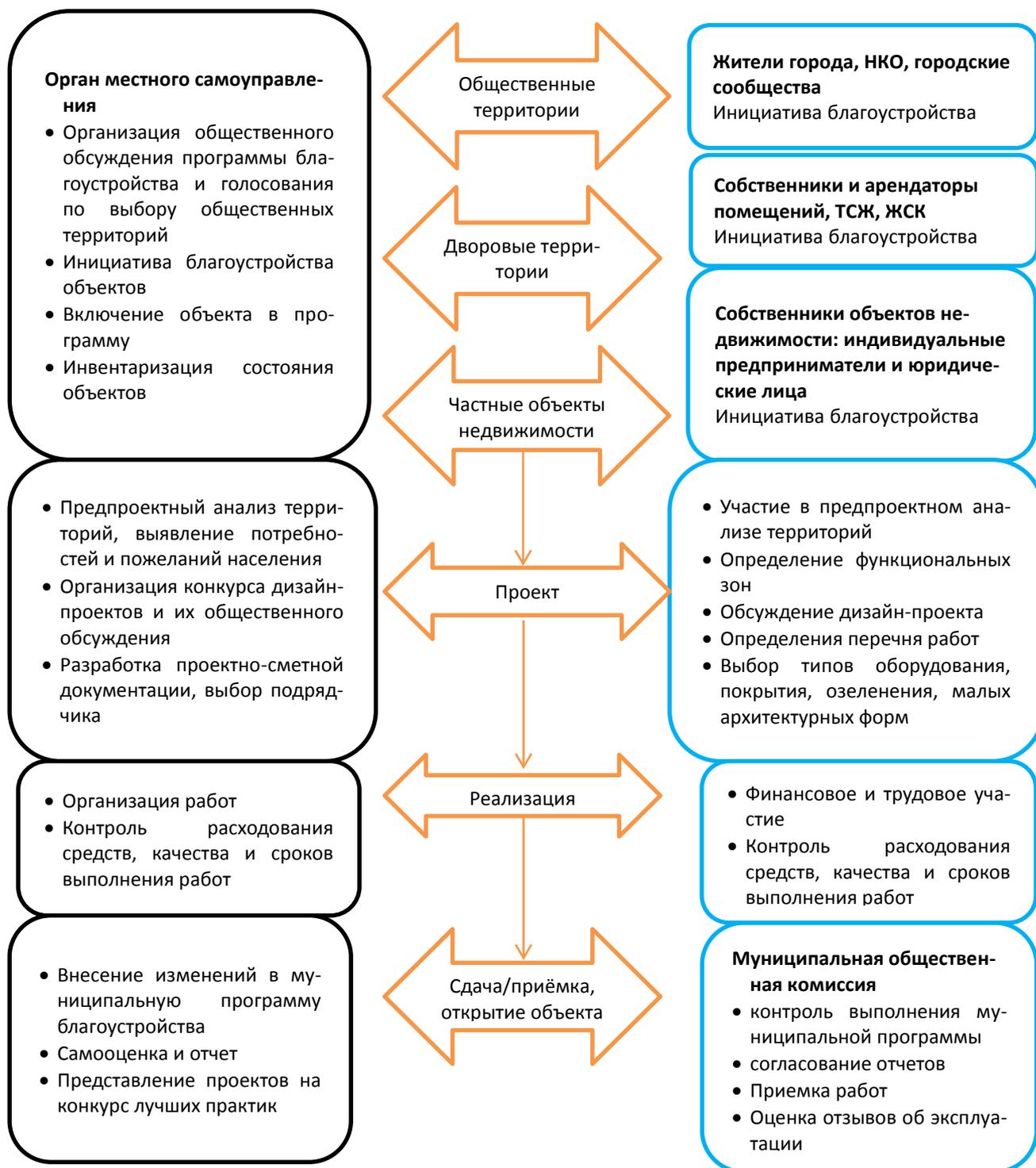

Рис. 2. Алгоритм выбора объекта благоустройства и реализации проекта

Жизненный цикл подобных проектов задаётся методическими рекомендациями Минстроя и муниципальными правилами и программами. На этом уровне более детально раскрываются инструменты общественного участия. В наибольшей степени это участие оказывается эффективным на этапах выбора объекта, когда выявляются наиболее проблемные

территории, предпроектного анализа, когда раскрываются запросы населения, и при обсуждении дизайн-проектов.

Заключение

Реализация масштабных проектов, непосредственно затрагивающих интересы горожан, должна опираться на коммуникативную модель управления. Только при этом условии можно добиться эффективного расходования средств и получить результат, действительно удовлетворяющий потребителя, ощутимо повышающий качество жизни людей. Стремление создать такую модель чётко прослеживается в содержании федеральных нормативно-правовых актов, в организационно-методической поддержке, оказываемой федеральной властью. Но реализация этих механизмов целиком ложится на плечи муниципальных властей, и на этом этапе идеальная модель разбивается о повседневную реальность жизни города, его администрации и жителей.

В каждом крупном муниципальном образовании Архангельской области параллельно реализуется в среднем более 20 муниципальных программ. Такое большое количество проектов девальвирует их, распыляет силы, обуславливает формальное отношение к их выполнению, подталкивает к созданию видимости работы. Это заметно уже на этапе подготовки и обсуждения документов — программ и правил благоустройства. В методических рекомендациях Минстроя России чётко говорится о необходимости формирования новых общественных институтов, нацеленных на расширение участия горожан в благоустройстве городского пространства, а также о том, что данные механизмы должны быть прописаны в программах и правилах благоустройства. Но в большинстве муниципальных образований эти рекомендации были проигнорированы: они не учтены в подготовке программ реализации проекта, а в правилах благоустройства они отражены только в трёх городах: Архангельске, Онеге и Котласе.

Совершенствования требует и информационная поддержка проекта. Очевидно, что без задействования эффективных информационных каналов, невозможно обеспечить широкое общественное участие. Подбор наиболее эффективных инструментов информирования в каждом конкретном случае должен определяться спецификой местных условий и стоящих задач.

Наибольшее внимание жителей вызвало рейтинговое голосование по выбору общественной территории для включения в программу первоочередного благоустройства. Гораздо меньший интерес вызвало обсуждение проектов общегородских документов. Это объяснимо: информационная кампания по проведению общегородских мероприятий была ярче, насыщеннее. Во многих городах она, действительно, прошла неформально и была наполнена праздничными мероприятиями. Кроме того, интерес к благоустройству мест общего пользования объективно выше, чем интерес к обсуждению документов.

Ощущается явная необходимость более широкого вовлечения общественности в механизмы осуществления проекта. А органам муниципальной власти стоит отойти от формализма при планировании и проведении мероприятий. Учитывать запросы жителей, локальную культуру, а не только внедрять готовые шаблонные решения, использовать типовые конструкции при благоустройстве, которые, возможно, хорошо смотрятся, но не отражают самобытность территории.

Формальное отношение муниципальных властей к обеспечению общественного участия заметно в списке проведенных мероприятий. Он почти во всех муниципальных образованиях повторяет тот минимум, который был определён федеральными документами: организация общественных слушаний по принимаемым документам (по результатам которых поступали единичные предложения или вовсе не было отклика), создание общественных комиссий из чиновников и отдельных представителей 2–3 наиболее активных общественных организаций, конкурс детских рисунков, фестиваль «Выходи гулять» (в отчёт муниципальные власти включили все мероприятия, которые проводились в городах начиная с Нового года и до голосования 18 марта, некоторые из них совсем не имели отношения к благоустройству города). Тем не менее, согласно отчёту Минстроя России о реализации приоритетного проекта за 2017 г., Архангельская область попала в первую пятёрку регионов с наибольшим количеством мероприятий по привлечению общественности (1 578 мероприятий)⁵³.

В процессе коммуникации участвуют минимум две стороны, поэтому было бы ошибкой оценивать реализацию проекта только исходя из действий органов власти. Традиционной проблемой, с которой сталкивается администрация муниципалитетов, является пассивность населения. Незрелость гражданского общества проявляется именно в пассивности, в отсутствии инициативы и чувства ответственности за себя, за своих близких, свой город, свою страну.

Морально-психологическим условием активного диалога власти и общества является взаимное доверие. Если власть не уверена в поддержке своих начинаний, не ожидает отклика на свои инициативы, боится критики, заведомо ожидает от населения пассивной реакции, то диалог становится невозможен. Если население не верит в результативность инициированных властью проектов, не верит, что его мнение всерьёз интересует власть, не чувствует, что власть реально представляет его интересы, то взаимодействие также затрудняется.

Факторы риска, спрогнозированные в паспорте приоритетного проекта, проявились в процессе его реализации. Низкий уровень вовлечённости населения затрудняет эффективную реализацию программы благоустройства. Целевая модель оказалась труднодостижимым идеалом. Она была разработана на основе опыта региона, с изначально высоким уровнем благоустройства городов, высоким уровнем финансирования и общественного участия.

⁵³ Отчёт о реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» в 2017 году, п. 4.1. Документ опубликован не был. Доступ с сайта Минстроя России. URL: <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/f66/ITOG-13.04.2018-Godovoy-otchet-po-gorsrede.pdf> (дата обращения: 09.10.2018).

Эта модель должна адаптироваться региональными и муниципальными властями с учётом местных условий. Реальность северных социумов существенно отличается от универсального эталона. Вовлечение общественности может потребовать дополнительных усилий власти. Загруженность муниципальных властей, низкая заинтересованность и отсутствие необходимых компетенций затрудняют поиск наиболее эффективных инструментов коммуникации. Необходимо повышать уровень доверия и не ограничиваться минимальными точечными мерами, а разработать и реализовать целостную модель коммуникативного управления по вопросам развития городского пространства.

Обязательным условием разработки работоспособной модели является проведение полномасштабного социологического исследования, в котором с помощью качественных и количественных методов будут выявлены ожидания различных социальных групп и мнение экспертов. Данная задача будет реализована на следующем этапе нашего исследования.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 18-411-290010 р_а «Модели коммуникативного управления в развитии городского пространства (на примере Архангельской области)».

Литература

1. Сергеева Н.В. Философские основания проблемы качества жизни // Качество жизни: социокультурный аспект: сборник материалов научно-практической конференции с международным участием «Качество жизни населения как приоритетное направление научно-исследовательской и практической деятельности в области социальных наук». Архангельск: КИРА, 2009. С. 5–10.
2. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
3. Лагодина Е.В. Комфортная городская среда глазами простого горожанина // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. Том 11. № 2. С. 9–12.
4. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 40–50.
5. Погудина А.Л. Формирование комфортной городской среды // Научный альманах. 2016. № 5–3 (19). С. 146–148.
6. Дмитриева Н.Н., Ипатов Т.М. Формирование комфортной городской среды как стратегическое направление развития проекта «ЖКХ и городская среда» // Социально-экономическое управление: теория и практика. Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова. 2018. № 1 (32). С. 95–98.
7. Howard E. Garden Cities of Tomorrow. London: S. Sonnenschein & Co., Ltd. 1902.
8. Insa-Ciriza R. Two Ways of New Towns Development: A Tale of Two Cities // Urban Development / Ed. by Dr. Serafeim Polyzos. InTeh Publ., 2012.
9. Нефёдов В.А. Как вернуть город людям. М.: Искусство — XXI век, 2015.
10. Хельд Г. Городское пространство как необходимая предпосылка социальности // Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике / отв. ред. Х. Беркинг, М. Лёв. М.: НЛО, 2017. С. 212–261.
11. Рыбчинский В. Городской конструктор. Идеи и города. М.: Strelka Press, 2014.
12. Глазычев В.Л. Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.
13. Гройс Б.Е. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу. М.: Strelka Press, 2012.
14. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011.

15. Бойкова М.В., Ильина И.Н., Салазкин М.Г. Будущее городов: города как агенты глобализации и инноваций // Форсайт. 2011. Т. 5. № 4. С. 32–48.
16. Стукалов Г.В. Градостроительное проектирование мегаполиса. М.: Издательство «Спорт и Культура — 2000», 2015.
17. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда: Проектная группа 8, 2015. 170 с.
18. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
19. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2011.
20. Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А. Публичные коммуникации власти и общества в регионе: проблемы и возможности конструктивных изменений // Власть. 2018. № 4. С. 7–15.
21. Иванов П.В. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов) // INTER. 2016. № 11. С. 5–15.
22. Ильмухин В.Н. Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 87–98.
23. Климова С.Г., Щербакова И.В. Опыт изучения территориального контекста гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 12–27.
24. Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2005.
25. Ильина И.Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Имущественные отношения в РФ. 2015. № 5 (164). С. 69–82.

References

1. Sergeeva N.V. Filosofskie osnovaniya problemy kachestva zhizni [Philosophical foundations of the quality of life problem]. *Kachestvo zhizni: sotsiokul'turnyy aspekt* [Quality of life: sociocultural aspect]. Arkhangel'sk: KIRA Publ., 2009, pp. 5–10. (In Russ.)
2. Pivovarov Yu.L. Urbanizatsiya Rossii v XX veke: predstavleniya i real'nost' [Urbanization of Russia in the XX century: representations and reality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 2001, no. 6, pp. 101–113.
3. Lagodina E.V. Komfortnaya gorodskaya sreda glazami prostogo gorozhanina [Comfortable urban environment through the eyes of a simple citizen]. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskii vestnik* [North-Caucasian psychological Bulletin], 2013, vol. 11, no. 2, pp. 9–12.
4. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Osobennosti rasseleniya naseleniya v Arkticheskoy zone Rossii [Features of population settlement in the Arctic zone of Russia]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2016, no. 2 (22), pp. 40–50.
5. Pogudina A.L. Formirovanie komfortnoy gorodskoy sredy [Formation of a comfortable urban environment]. *Nauchnyy al'manakh* [Scientific almanac], 2016, no. 5–3 (19), pp. 146–148.
6. Dmitrieva N.N., Ipatova T.M. Formirovanie komfortnoy gorodskoy sredy kak strategicheskoe napravlenie razvitiya proekta «ZhKKh i gorodskaya sreda» [Formation of a comfortable urban environment as a strategic direction of development of the project "Housing and communal services and urban environment"]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika* [Socio-economic management: theory and practice], 2018, no. 1 (32), pp. 95–98.
7. Howard E. *Garden Cities of Tomorrow*. London: S. Sonnenschein & Co., Ltd. 1902.
8. Insa-Ciriza R. *Two Ways of New Towns Development: A Tale of Two Cities*, Urban Development. Ed. by Dr. Serafeim Polyzos. InTeh Publ., 2012.
9. Nefedov V.A. *Kak vernut' gorod lyudyam*. Moscow: Iskusstvo — XXI vek Publ., 2015. (In Russ.)
10. Khel'd G. Gorodskoe prostranstvo kak neobkhodimaya predposylka sotsial'nosti [Urban space as a necessary prerequisite for sociality]. *Sobstvennaya logika gorodov: novye podkhody v urbanistike* [Own logic of cities: new approaches in urban planning]. Ed. by Kh. Berking, M. Lev. Moscow: NLO Publ., 2017, pp. 212–261. (In Russ.)
11. Rybchinskiy V. *Gorodskoy konstruktor. Idei i goroda* [City Designer. Ideas and cities]. Moscow: Strelka Press Publ., 2014. (In Russ.)

12. Glazychev V.L. *Gorod bez granits* [Borderless city]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2011. (In Russ.)
13. Groys B.E. *Publichnoe prostranstvo: ot pustoty k paradoksu* [Public space: from emptiness to paradox]. Moscow: Strelka Press Publ., 2012. (In Russ.)
14. Lendri Ch. *Kreativnyy gorod* [Creative city]. Moscow: Klassika-XXI Publ., 2011. (In Russ.)
15. Boykova M.V., Il'ina I.N., Salazkin M.G. Budushchee gorodov: goroda kak agenty globalizatsii i innovatsiy [The future of cities: cities as agents of globalization and innovation]. *Forsayt*, 2011, vol. 5, no. 4, pp. 32–48.
16. Stukalov G.V. *Gradostroitel'noe proektirovanie megapolisa* [Urban planning of the metropolis]. Moscow: Sport i Kul'tura — 2000 Publ., 2015. (In Russ.)
17. Sanoff G. *Souchastvuyushchee proektirovanie. Praktiki obshchestvennogo uchastiya v formirovanii sredy bol'shikh i mal'nykh gorodov* [Participative design. Practices of public participation in the formation of cities and towns]. Vologda: Proektnaya gruppa 8, 2015, 170 p. (In Russ.)
18. Dzhekobs D. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [Death and life of large American cities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. (In Russ.)
19. Skott Dzh. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya chelovecheskoy zhizni* [Good intentions of the state. Why and how failed projects to improve human life]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ., 2011. (In Russ.)
20. Babintsev V.P., Shapoval Zh.A. *Publichnye kommunikatsii vlasti i obshchestva v regione: problemy i vozmozhnosti konstruktivnykh izmeneniy* [Public communications of authorities and society in the region: problems and opportunities for constructive changes]. *Vlast'*, 2018, no. 4, pp. 7–15.
21. Ivanov P.V. *Gorodskie zhiteli i proizvodstvo prostranstva (na primere rossiyskikh gorodov)* [City dwellers and space production (by the example of Russian cities)]. *INTER*, 2016, no. 11, pp. 5–15.
22. Il'mukhin V.N. *Gorodskaya sreda kak faktor determinatsii povedencheskikh praktik: varianty sotsiologicheskoy kontseptualizatsii* [Urban environment as a determinant of behavioral practices: formats of sociological conceptualization] // *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2014, no. 3, pp. 87–98.
23. Klimova S.G., Shcherbakova I.V. *Opyt izucheniya territorial'nogo konteksta grazhdanskogo uchastiya* [Experience in studying the territorial context of civic participation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2015, no. 3, pp. 12–27.
24. Glazychev V.L. *Glubinnaya Rossiya: 2000–2002* [Deep Russia: 2000–2002]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. (In Russ.)
26. Il'ina I.N. *Kachestvo gorodskoy sredy kak faktor ustoychivogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy* [Quality of urban environment as a factor of sustainable community development]. *Imushchestvennye otnosheniya v RF* [Property Relations in the Russian Federation], 2015, no. 5 (164), pp. 69–82.

УДК [94(470.11+481)(481+470.11)''18|20''](045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.118

Три жизни консульства Норвегии в Архангельске *

© РЕПНЕВСКИЙ Андрей Викторович, доктор исторических наук, профессор

E-mail: a.repnevskiy@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© ЗАРЕЦКАЯ Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: oksana_z@mail.ru

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© РЕУТОВА Анастасия Андреевна, учитель истории и обществознания

E-mail: anastasija.burvikhina@gmail.com

Средняя школа №8, Архангельск, Россия

© ПОДОПЛЁКИН Андрей Олегович, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: podoplekin@mail.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия

© ТОПТУНОВ Андрей Алексеевич, учитель истории и обществознания

E-mail: a.toptunov@yandex.ru

МБОУ «Катунинская СШ», Архангельск, Россия

Аннотация. В статье изучена начавшаяся в 1815 г. и длящаяся с временными интервалами по настоящее время история норвежского консульства в Архангельске. История консульства проанализирована с позиций выявления коренных отличий в деятельности каждого из трёх периодов (жизней) консульств. В этом, в частности, состоит новизна проделанной научной работы. Причём первые две жизни (1815–1920 и 1924–1939 гг.) представлены как предыстория к более подробному рассмотрению оснований создания, приоритетов в работе, успехов и некоторых неудач современного — третьего по счёту консульства, воссозданного в Архангельске в 2010 г. и носящего статус «почётного». В статье уделено внимание и персональному фактору — жизненному пути первого и ныне действующего почётного консула Андрея Александровича Шалева. Его деятельность обсуждалась в основном только в средствах массовой информации областного масштаба и не подвергалась научному анализу. Даже фактический материал о проведённых почётным консульством мероприятиях не собран и не систематизирован, хотя обладает актуальностью, так как касается интересов тысяч жителей области. Авторы полагают, что в данной статье они только наметили те направления в изучении консульств, которые заслуживают внимания.

Ключевые слова: консульства (генеральное, почётное), Баренцев Евроарктический регион, Норвежский Баренцев секретариат, русско-норвежские отношения, трансграничные связи, торговые и экономические отношения, культурные, образовательные, научные программы, санкции, конкуренция.

Three lives of Norwegian consulate in Arkhangelsk

© Andrey V. REPNEVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Professor

E-mail: a.repnevskiy@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Oksana V. ZARETSKAYA, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

* Для цитирования:

Репневский А.В., Зарецкая А.В., Реутова А.А., Подоплёкин А.О., Топтунов А.А. Три жизни консульства Норвегии в Архангельске // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 118–136. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.118

For citation:

Repnevskiy A.V., Zaretskaya O.V., Reutova A.A., Podoplekin A.O., Toptunov A.A. Three lives of the Norwegian Consulate in Arkhangelsk. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 118–136. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.118

E-mail: oksana_za@mail.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Anastasia A. REUTOVA**, teacher of history and social studies

E-mail: anastasjia.burvikhina@gmail.com

School No. 8, Arkhangelsk, Russia

© **Andrey O. PODOPLEKIN**, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-mail: podoplekin@mail.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia

© **Andrei A. TOPTUNOV**, teacher of history and social studies

E-mail: a.toptunov@yandex.ru

Katunino school, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the history of the Norwegian Consulate in Arkhangelsk, which began in 1815 and has continued to the present time. The history of the Consulate is analyzed from the standpoint of identifying the fundamental differences in the activities in each of the three periods (lives) of the Consulate. This, in particular, is the novelty of the research. Moreover, the first two lives (1815–1920 and 1924–1939) are presented as a background to a more detailed study of the prerequisites for creation, priorities in work, successes and some failures of the modern one — the third Consulate reopened in Arkhangelsk in 2010 and has the status of “Honorary”. The authors pay attention to the personal factor — the life path of the first and current honorary consul Andrei Alexandrovich Shalev. His activity was mainly discussed in regional mass media and was not subjected to research analysis. Even the actual material about the events held by the honorary consulate was not collected and not systematized, although it has relevance, as it concerns the interests of thousands of residents of the region. The authors believe that in this article they only outlined those directions in the study of consulates that deserve attention.

Keywords: *consulates (General, honorary), Barents Euro-Arctic region, Norwegian Barents Secretariat, Russian-Norwegian relations, cross-border relations, trade and economic relations, cultural, educational, scientific programs, sanctions, competition.*

Введение

11 января 2018 г. Архангельский Север отметил 25-летие со дня подписания Киркенесской Декларации о создании Баренцева Евроарктического региона (БЕАР) и организации эффективных форм сотрудничества в его территориальных рамках. Пусть сегодня взаимоотношения России с некоторыми странами БЕАР оставляют желать лучшего, за прошедшую четверть века было сделано много полезного для развития человеческих контактов в рамках региона. Одним из существенных достижений Киркенесской Декларации стало открытие 17 сентября 2010 г. почётного консульства Норвегии в Архангельске. В статье будет дана краткая сравнительная характеристика деловой деятельности трёх консульств Норвегии, которые функционировали на территории Архангельского Севера начиная с 1815 г. и по сегодняшний день.

Основное внимание уделено предыстории создания, приоритетам в работе, изучению результатов первых восьми лет деятельности современного — третьего по счёту консульства, которое относится к типу «почётных консульств», а также усилиям человека, который его возглавляет.

*Первая и вторая «жизни» норвежских консульств в Архангельске:
общее и особенное*

Поморы Белого моря были первыми в Московском царстве, кто примерно с XVI в. установил регулярный взаимовыгодный торговый обмен с населением северонорвежских фюльке (областей) и развил на этой основе прочные культурные связи. Однако до начала XIX в. для регулирования торговых отношений, сложившихся на Архангельском Севере между Императорской Россией и Норвегией, находившейся под властью датской короны, оба государства ограничивались созданием таможенных постов. Только по итогам наполеоновских войн, кардинально изменивших лицо Европы, и после передачи власти над Норвегией в руки шведской короны дело дошло до понимания необходимости образования шведско-норвежского консульства в Архангельской губернии.

Такое консульство было основано в Архангельске в 1815 г. Оно не было одиноко. В XIX в. Архангельск принимал у себя 5–6 консульств других стран, например, Великобритании и Голландии. Консульства того времени занимались в основном торговыми делами купцов (частных лиц и компаний), но почти не касались вопросов «поморской торговли». Поморские шкиперы редко обращались за помощью к консулам. В Норвегию как купцы, так и поморские относительно малые суда, везли лес, пеньку, смолы, мягкую рухлядь. Из Норвегии приходили шхуны, гружёные рыбой и так называемыми «колониальными товарами» — промышленными и пищевыми товарами из Европы. К компетенции консульства относилась юридическая защита интересов своих граждан, которые в силу обстоятельств пребывали в губернии. Сами консулы тоже активно занимались коммерцией, это не возбранялось, так как составляло основу их дохода. Работники консульства часто являлись гражданами Российской империи, хотя по происхождению обычно были иностранцами. Они, как и во все последующие времена, имели чётко очерченные территориальные границы своей ответственности. В дипломатические ведомства назначивших их государств более или менее регулярно направлялась информация экономического, политического характера, сообщения о состоянии порта и степени безопасности морских путей Беломорья. В общении с населением Архангельска и жителями губернии дипломатические работники никак не ограничивались. В обществе были весьма уважаемы.

В качестве шведско-норвежского консульство просуществовало до 1905 г. 26 октября 1905 г., как известно, Норвегия разорвала шведско-норвежскую унию и обрела, наконец, полную самостоятельность. Через пять дней, 30 октября, Петербург ранее прочих стран Запада признал Норвегию в качестве независимого государства [1, Ристе У., с. 14]¹. Консульство в Архангельске в ходе всех этих перипетий не прерывало своей деятельности,

¹ Улав Ристе ошибся. Дата признания — 29 октября. См. «Старая» Россия и «новая» Норвегия. Российско-норвежские отношения (1905–1917). Сб. документов / Составители В.А. Карелин, Й.П. Нильсен. М.: ЛЕНАРД. С. 14.

но с конца 1905 г. это было уже консульство одной только Норвегии. В Архангельске оно называлось генеральным, что указывало на его большие права в сравнении с просто консульствами и на значительный торговый интерес к региону. В таком статусе консульство пребывало всю Первую мировую войну и весь период интервенций (август 1918 — январь 1920). До оккупации Архангельска интервентами, которая произошла 2 августа 1918 г., местные большевистские власти признавали консульство и вели с ним торговые переговоры. В период оккупации — во времена фактического властвования англичан, последние препятствовали восстановлению торговли Норвегии и т.н. «Северной области»². Господство интервентов длилось недолго — всего 1,5 навигации. Весь этот сложный период с 1898 по 1920 гг. генеральным консулом в Архангельске довелось быть Генриху Антону Фальсену.

В феврале 1920 г. в Архангельск вернулись отряды Красной Армии. Новая власть отказала норвежской миссии в признании каких-либо прав в связи с разрывом дипломатических отношений сторон. С этого момента члены консульства считались частными лицами иностранного подданства. Дело в том, что еще 13 декабря 1918 г. состав норвежской миссии в Петрограде выехал полностью, хотя в Москве ещё оставалось несколько человек [2, Репневский А.В., с. 31–33, 40, 43]. Причём инициатива разрыва принадлежала самой Кристианин³: большевики разрыва не желали, этого требовала Антанта. Этот разрыв в декабре 1918 г. был объяснён секретарём миссии Норвегии в Москве А.Р. Витфельдом наркому иностранных дел Г.В. Чичерину очень туманно: причиной отъезда был объявлен голод, а не отказ признавать Советскую власть. Советскую Россию несколько раз заверяли, что отъезд носит временный характер, что к весне 1919 г. дипломаты запасутся продовольствием и вернуться⁴. Но этого не произошло. Так завершилась более чем 100-летняя история первой непрерывной «жизни» консульства в Архангельске.

Вторая «жизнь» консульства этой страны в регионе оказалась заметно короче и принципиально отличалась по характеру деятельности. Она продолжалась неполных 15 лет: с 1924 по 1939 гг., но зато в экономическом отношении была чрезвычайно насыщенной. В период навигации (с конца мая и до ноября) сотни судов под норвежским флагом приходили в порты Белого моря, чтобы загрузиться лесом и переправить его в Европу и Америку посредством запродаж в основном через Лондонскую лесную биржу. На Архангельском севере до начала 30-х гг. действовали гигантские лесные концессии норвежцев, в Белом море по соглашению с Москвой до 1939 г. била морского зверя т.н.

² Riksarkivet (Королевский Архив Осло) RA. K. 1261/14. HD. Handelskontoret. Handelsavdelingen 1903. 1972. Hillenummer 3 A 200/ 15. Nummer 206. Gruppe K 2. Sak 4, Handelen med Russland under Krigen. Bind 1 (1918–1920). Выписки Департамента Иностранных дел Департаменту Торговли от 22 августа, 9, 15, 17 и 18 ноября 1918 г. относительно Поморской торговли и трудностей, связанных с оккупационной политикой.

³ С 1924 года столица Норвегии носит старое название Осло.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.116. Оп.2. Д.4, л.22; Д.3.Л.1. См. также Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сборник документов под. ред. А.О. Чубарьяна, Улафа Ристе и др. Москва, 1997. С. 28–30. (док. № 12 и № 14).

«Олезундская концессия». Только её деятельность принесла стране примерно 270 тыс. долларов [2, Репневский А.В., с. 334].

Лес (кругляк, пиловочник и рудные стойки), а также зерно оставались главными экспортными товарами СССР, но в экспортной номенклатуре появились и новые статьи: дорогостоящая ящичная доска, руды и даже сливочное масло. Норвежский торговый флот был первым по численности и объёму тоннажа судов, заходивших в порты Белого моря. СССР оказался крупнейшим фрахтовщиком норвежских судов под свои лесные товары. До революции фрахтовые операции Россией почти не осуществлялись. Импорт СССР из Норвегии тоже изменился коренным образом. Вместо гигантских закупок рыбы, характерных для периода первой «жизни» консульства, в годы первой и второй пятилеток Советский Союз стал одним из крупнейших покупателей норвежского алюминия и ферросплавов, носивших важное оборонное значение. Начиная с 1924 и по 1937 гг. (с апреля по ноябрь) норвежская миссия в Архангельске работала с полным напряжением. В 1925 г. консулу пришлось приобрести паровой катер, чтобы успевать посещать свои суда-лесовозы. СССР и Норвегия были очень серьёзными торговыми партнёрами. Торговле не мешали даже принципиальные различия в идеологии и отношении к частной собственности. Столь высокого уровня экономических связей в первое 20-летие XXI в. так и не достигнуто.

Норвежское консульство в Архангельске 20–30-х гг. уже не считалось Генеральным (Генеральная миссия была открыта в Ленинграде). Располагалось архангельское консульство в прежнем здании, что и в конце XIX в. Как раз тогда его построил выходец из Норвегии, купец и архитектор Адольф Виклюнд — отец одного из консулов советского времени — Арнольда Виклюнда. Арнольд Виклюнд, хотя и являлся норвежским подданным, как и все другие консулы советского времени, но родился (1886 г.), и женился (1911 г.) на русской девушке Вере Ароновой в Архангельске. Здесь родилась и их дочь — Людмила [3, Овсянкин Е.И., с. 201]⁵. И здание, и сама жизнь Арнольда Виклюнда являли собой символы преемственности дореволюционного и советского периодов консульства. Арнольд Адольфович долее других работал в его составе: с 1925 г. в должности секретаря, потом вице-консула, а с 1936 г. и до 11 мая 1938 г. был консулом. Он отлично знал край, его экономический потенциал, культуру и язык страны. Виклюнд, да ещё первый консул советских лет Эйнар Анвик с царских времен имели в Архангельске крепкие личные связи.

Принципиальное отличие в характере работы консульства состояло в том, что торговать в СССР приходилось уже не с частными компаниями, а с государственными органами. Деловое общение шло почти исключительно через специально назначенных Москвой представителей на местах. В 20–30 гг. XX в. других консульств в Архангельске на постоянной основе не существовало, а потому Норвежское консульство представляло торговые и дипломатические интересы Швеции, а иногда и Великобритании. В отличие от

⁵ Шумилов Н.А. Архангельский родословец. Генеалогический справочник. Архангельск. 2009. С. 332.

времен императорской России, никакой личной коммерческой деятельности консулы на территории СССР не вели и жили на жалование, назначенное МИД Норвегии.

Свободные контакты с населением Архангельска и края (области) ограничивались. В 1937–1938 гг. в результате таких контактов большая группа старожилов Архангельска была обвинена в шпионской деятельности в пользу норвежского консульства и репрессирована, а консулу Виклюнду пришлось срочно покинуть СССР⁶. Дальнейшее годичное существование консульства в Архангельске можно считать формальным, так как никакой профильной деятельности оно не вело, а занималось ликвидацией его собственности.

История этих двух «жизней» торговых и дипломатических представительств Норвежского королевства в Архангельске неплохо изучена [4, Пересадило Р.В., с. 19–22; 5, Пересадило Р.В., с. 129–141; 6, Пересадило Р.В., с. 77–85; 7, Orekhova E., Davydov R., Peresadilo R., с. 40–43; 8, Давыдов Р.А., Зарецкая О.В., Репневский А.В.], поэтому сконцентрируем внимание на предыстории и деятельности третьего (современного) почётного консульства этой страны. Его история ещё не написана, не так значительна по числу лет, но интересна непривычным для Архангельска статусом, новым направлением и принципами работы.

Рождение третьего консульства Норвегии в Архангельске

Текст этой части статьи построен на привлечении новой группы научных изданий и публицистических периодических изданий. Так, изучение российско-норвежских отношений конца XX — начала XXI вв. проведено в работе Почётного доктора САФУ (2005 г.), руководителя Учебно-консультационного центра по информатике МИД России, Смирнова А.И. [9, Смирнов А.И.]. Этот автор большое внимание уделил деятельности Торвальда Столтенберга, основанию и работе Совета Баренцева / Евроарктического региона. Для нас этот труд важен в первую очередь тем, что в нём освещён период восстановления дружеских взаимоотношений РФ и Норвегии в конце XX в.

Поскольку в архивах ещё не отложились документы, посвящённые консульской работе наших дней, в статье в качестве источников информации использована периодическая печать: такие газеты и журналы, как: «Аргументы и Факты»⁷, «Правда Севера»⁸, «Известия Русского Севера»⁹, «Невское время в Архангельске»¹⁰, «Настроение»¹¹, «Домашняя Жизнь»¹², «Моряк Севера»¹³ и некоторые другие. Эти материалы повествуют об

⁶ Консул не мог быть арестован, поскольку обладал дипломатическим иммунитетом.

⁷ Аргументы и факты в Архангельске. 1998. № 12.

⁸ Правда Севера. 2008. 25 октября и 2009. 24 января.

⁹ Известия Русского Севера. 2010. № 3. и 2010. № 4.

¹⁰ Невское время в Архангельске. 2010. 14 сентября.

¹¹ Настроение. 2011. № 5.

¹² Домашняя жизнь. 2010. 27 сентября.

¹³ Моряк Севера. 2009. 1 августа.

отдельных этапах деятельности современного консульства и норвежско-российских отношениях.

Большую группу источников составляют Интернет-ресурсы. По истории консульства XXI в. таковыми выступают: официальный сайт почётного консульства Норвегии¹⁴ и его официальная страница «ВКонтакте»¹⁵. Также были просмотрены следующие сайты: «еженедельное издание мэрии областного центра»¹⁶, «международная ассоциация «породнённые города»¹⁷, «информационный портал Красное знамя»¹⁸, журнал «Север промышленный»¹⁹, «Посольство Российской Федерации в Норвегии»²⁰, «вся Норвегия на русском»²¹, «информационный архив Русского географического общества»²², «Вести Поморья»²³, «Министерство культуры Российской Федерации»²⁴, «lenta.ru»²⁵, «REGNUM»²⁶, «Информационное агентство Регион 29»²⁷.

Статья была бы неполной без данных, предоставленных лично Шалевым А.А.,²⁸ с использованием опубликованных интервью с почётным консулом Норвегии.

¹⁴ Почётное консульство в Архангельске. URL: <http://www.norvegia.ru/Embassy/Honorary-Consulate-in-Arkhangelsk/> (дата обращения: 29.11.2016).

¹⁵ Почётное Консульство Норвегии в Архангельске. Официальная страница/ социальная сеть: ВКонтакте. URL: <https://vk.com/honconsulate> (дата обращения: 26.11.2016).

¹⁶ Варде и Архангельск — пример побратимства/ сайт: Еженедельное издание мэрии областного центра. URL: <http://xn--80aaajbekpx2baхru4q.xn--p1ai/articles/lyudi-i-sobytiya/varde-i-arkhangelsk-primer-pobratimstva/> (дата обращения: 25.12.2016).

¹⁷ Архангельск приветствует Вардё (Норвегия). URL: http://goroda-pobratimy.ru/publ/poslednie_novosti/arkhangelsk_privetstvuet_vardjo/1-1-0-79 (дата обращения: 25.12.2016).

¹⁸ Счастливый В. Дни Норвегии стартовали в Архангельской области/ Виталий Счастливый// сайт: Информационный портал Красное знамя. URL: <http://komikz.ru/news/culture/?id=499> (дата обращения: 25.12.2016).

¹⁹ Борисов Д. Российско-норвежское экономическое сотрудничество в Баренцевом/Евроарктическом регионе и его перспективы //журнал «Север промышленный», сайт: издательский дом Гелион. URL: <http://helion-ltd.ru/rus-norw-conomic-ooperation/> (дата обращения: 24.12.16).

²⁰ Российско-норвежские отношения / сайт: Посольство Российской Федерации в Норвегии. Январь 2015. URL: <http://www.norway.mid.ru/ru/rn-politics.html> (дата обращения: 24.12.16).

²¹ Норвежские компании в России / Сайт: Вся Норвегия на русском. URL: http://www.norge.ru/work_norwayburo/ (дата обращения: 24.12.2016).

²² Декларация об основах отношений между Российской Федерацией и Королевством Норвегия/ сайт: Информационный архив Русского географического общества. URL: <http://old.rgo.ru/otkroj-rossiyu/arctic/perechen-normativno-pravovyx-aktov/deklaraciya-ob-osnovax-otnoshenij-mezhdu-rossijskoj-federaciej-i-korolevstvom-norvegiya/> (дата обращения: 23.12.16).

²³ Норвегия упростила визовый режим для жителей Архангельской и Мурманской области. Вести Поморья. 21.09.12. URL: <http://www.pomorie.ru/news/norvegiya-uprostila-vizoviy-regim-dlya-giteley-arh> (дата обращения: 26.12.2016).

²⁴ Российско-норвежский план действий по сотрудничеству в области культуры на Крайнем Севере / Сайт: Министерство культуры Российской Федерации. URL: <http://mkrf.ru/documents/agreements/detail.php?ID=221150> (дата обращения: 01.12.2016).

²⁵ Норвегия усилит армию из-за «российской угрозы» / lenta.ru. URL: <http://funday24.ru/article/65513> (дата обращения: 01.12.16).

²⁶ Слаборазвитая и нефtezависимая: Норвегия о России и о себе / REGNUM. URL: http://regnum.ru/news/polit/2042326.html?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=regnum.ru&utm_term=139914&utm_content=4040345 (дата обращения: 01.12.16).

²⁷ 17 мая Архангельск отмечает День конституции Норвегии /Сайт: Информационное агентство Регион 29. URL: <https://region29.ru/2016/05/17/573b25a52817cac26200834d.html> (дата обращения: 19.12.2016).

²⁸ Беседа А.А. Реутовой с Почетным консулом Норвегии в Архангельске А.А. Шалевым от 23 декабря 2016 года [Аудиозапись] // Частное собрание А.А. Реутовой. Публикуется с согласия А.А. Шалева.

Третья жизнь консульства имеет довольно длительную предысторию своего зарождения. Остановимся на том, как созревала идея воссоздания консульства в Архангельске.

Если в 1905 г. Россия была первой европейской страной, признавшей независимость Норвегии от Швеции, то 16 декабря 1991 г. Норвегия проявила ответную любезность — одной из первых признала новое буржуазную Российскую Федерацию²⁹. В декабре 1991 г. норвежское правительство в рамках акции «Помощь соседу» выделило 15 млн крон для Северо-Запада нашей страны, а также 5 млн крон для провинций Финмарк и Тромс, которые предполагалось потратить на развитие экономического сотрудничества. Этим благотворительным жестом Норвегия показала свою заинтересованность в развитии сотрудничества с Севером России [9, Смирнов А.И., с. 23].

Следующий шаг был сделан 8 марта 1992 г. В этот день министры иностранных дел России и Норвегии Андрей Козырев и Турвальд Столтенберг³⁰ подписали в Осло совместный протокол о рабочей программе контактов и сотрудничества. В данном документе особо акцентировалось внимание на развитии экономического сотрудничества между северными районами обеих стран, а также говорилось о желании восстановить контакты по образцу «поморской торговли» [9, Смирнов А.И., с. 23]. Ясно, что речь шла скорее о духе «поморской торговли», чем об специфических её формах, свойственных XVIII–XIX вв.

24 апреля 1992 г. в Тромсе собрались представители трёх норвежских губерний: Финмарка — Э. Флеттен, Тромс — Я.Х. Ульсен, Нурланда — С. Эрексен, а также глава администрации Мурманской области — Е. Комаров и заместитель главы администрации Архангельской области — А. Ефремов (глава администрации обл. с 1996 г.). Перед рабочей группой была поставлена задача продвигать двухсторонние проекты в области культуры, экономики, науки и экологии. Тогда же, следует отметить, Турвальд Столтенберг впервые употребил понятие «Баренцев регион».

Официальная дата создания БЕАР — 11 января 1993 г. Архангельская область изначально вошла в состав этой организации. Главными задачами создания Баренцева региона являются налаживание и поддержка контактов между людьми, экономическое развитие, создание условий для межрегионального обмена во многих сферах, таких как торговля, образование, наука, культура, коренные народы, молодёжное взаимодействие, информация, окружающая среда и экология, транспорт, здравоохранение.

В рамках деятельности БЕАР и концепции «Мурманский коридор», выработанной в феврале 1996 года в г. Тромсе, для реализации было предложено несколько проектов. Такие

²⁹ Российско-норвежские отношения / сайт: Посольство Российской Федерации в Норвегии. Январь 2015. URL: <http://www.norway.mid.ru/ru/rn-politics.html> (дата обращения: 23.11.16).

³⁰ Турвальд Столтенберг скончался 18 июля 2018 г. в возрасте 87 лет. Не путать его с сыном Йенсом Столтенбергом, который 1 октября 2014 года вступил в должность Генерального секретаря НАТО. 12 декабря 2017 года страны — члены НАТО продлили срок пребывания Йенса Столтенберга на посту генсека Альянса до 30 сентября 2020 г.

проекты, как строительство железной дороги Киркенесс — Никель, автодорога Киркенесс — Никель — Мурманск, единственный на сухопутной части российско-норвежской границы контрольно-пропускной пункт «Борисоглебск» [9, Смирнов А.И., с. 43–45]. Экономическое сотрудничество с Россией было не просто благим пожеланием, оно претворилось в реально действующие проекты, многие из которых уже воплощены в жизнь. Хорошим примером сотрудничества «по типу поморской торговли» является российско-норвежский безвизовый режим для граждан обоих государств, которые могут пересекать границы России и Норвегии на территории Крайнего Севера с пребыванием в срок до 90 дней в пределах территориальной зоны до 30 км с обеих сторон от границы³¹.

В результате развивающегося норвежского участия в сотрудничестве в рамках Баренцева региона, а также заинтересованности Норвегии в северных регионах, в 1993 г. первым было основано Генеральное консульство Королевства Норвегии в Мурманске.

На очереди стоял Архангельск. В октябре 2008 г. город посетил Генеральный Консул Норвегии в Мурманске Йон Фредриксон. В ходе своего однодневного визита он встретился с тогдашним губернатором Архангельской области Ильей Михальчуком и представителями администрации ПГУ. Губернатор и генконсул сошлись на том, что требуется сделать упор на экономическом сотрудничестве между Норвегией и Поморьем³². Вместе с Фредриксоном в Архангельск приехали представители норвежской нефтегазовой компании «СтатойлГидро», поставившей целью установление прочных контактов с Архангельским Севером. К сожалению, позднейшие норвежские санкции не позволили развернуть кооперацию в этой отрасли³³. В ходе встречи губернатор Илья Михальчук предложил открыть в Архангельске консульство Норвегии с целью облегчения визового режима и обеспечения необходимого уровня контактов. На что консул ответил: «Мы открыты для новых идей. Сегодня в вашей стране у нас два генконсульства: в Мурманске и Санкт-Петербурге. Никаких ограничений по числу дипведомств нет. Но этот вопрос должен решаться на уровне МИД России и Норвегии»³⁴. Замечание почётного консула Норвегии в Архангельске А.А. Шалева, о том, что идея открытия консульства впервые прозвучала из уст Элизабет Валаас (заместителя министра иностранных дел Норвегии) в ходе её визита в Архангельск³⁵, представляется ошибочным, так как Э. Валаас посетила Архангельск позже — в январе 2009 г.

Возможно, определённую роль, поспособствовавшую принятию решения о создании Генерального консульства в Архангельске, сыграло ходатайство группы учёных Поморского

³¹ Сирен А. Обзор достижений в области Баренцева сотрудничества / сайт: Barentsinfo.org. URL: <http://www.barentsinfo.org/Barents-region/Cooperation/Review-of-the-Achievements-of-the-Barents-Cooperation/In-Russian> (дата обращения: 03.12.16).

³² Шилова Н. Йон Фредриксен: «Надеюсь, буду ездить к вам без визы» // Правда Севера. 2008. 25 окт. С. 8.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Шалев А.А. Почётное консульство Норвегии в Архангельске: [беседа с Андреем Александровичем Шалевым, который назначен почетным консулом Норвегии в Архангельске] / беседовал А.В. Репневский // Известия Русского Севера. 2010. № 3 (сент.). С. 36.

университета перед Министерствами иностранных дел России и Норвегии³⁶. Изучив «родословную» генконсульства в Архангельске, группа историков во главе с ректором Поморского государственного университета Владимиром Николаевичем Булатовым ещё в начале 2000-х гг. направила письмо, в котором с помощью фактов доказывала, что именно Архангельску принадлежит историческое право размещения консульства Норвегии.

В начале 2009 г. Норвегия официально сообщила о том, что намерена открыть в Архангельске не генеральное, но почётное консульство. Необходимо было подождать реакции МИД РФ³⁷. Отличие между этими двумя видами консульств состоит в том, что почётный консул не имеет права выдавать визы, не обладает дипломатическим статусом, не получает зарплату норвежского МИДа и является гражданином страны пребывания. На такую должность требовался человек, имеющий свой доход, а также наработанные деловые связи с Норвегией. Нечто подобное практиковалось в XIX и начале XX в.

Андрей Александрович Шалев: путь в консулы

Рис. 1. Почётный консул Норвегии в Архангельске
Андрей Александрович Шалев

На место почётного консула Норвегии в Архангельске рассматривалось пять кандидатур, наконец, по согласованию сторон был назначен Андрей Александрович Шалев. Его кандидатура более других соответствовала названным выше условиям, так как к моменту назначения Шалев имел более чем 14-летний опыт работы по проектам с норвежским участием. Консульская карта даётся на пять лет. Это значит, что в 2018 г. идёт

³⁶ Беседа А.А. Реутовой с Почётным консулом Норвегии в Архангельске А.А. Шалевым. Там же.

³⁷ Шилова Н. Норвежское присутствие // Правда Севера. 2009. 24 янв. С. 2.

второй срок пребывания А.А.Шалева на посту. Возрастных ограничений не имеется, а значит, почётным консулом может быть и пенсионер.

Андрей Александрович — коренной северянин. Родился в Яренске 15 января 1960 г., с 10 лет жил и учился в Архангельске. В 1982 г. окончил историко-филологический факультет Архангельского педагогического института. После работал учителем истории в сельской школе, по совместительству был её директором. В 1991 г. А. Шалев создал собственное предприятие — молодёжный информационный исследовательский центр. Так складывался и опыт руководителя.

В середине 90-х гг. в вузах и университетах стали создавать международные отделы. Это самое начало Баренцева сотрудничества, когда Архангельская область только включалась в деятельность такого рода. Международные отделы как раз занимались реализацией проектов международного сотрудничества. Для создания такого отдела Андрея Александровича пригласили на работу в Архангельскую государственную медицинскую академию. С этого момента началась международная деятельность будущего почётного консула. Там с 1994 г. он впервые начал работать с норвежскими проектами. В середине 90-х гг. осуществлялось всего несколько проектов в год, в основном с норвежскими партнёрами в городах в Тромсё, Альта, Киркенесе [10].

С должности руководителя международного отдела А.А. Шалев был приглашён в Норвежский Баренцев секретариат, где возглавил его Информационный офис³⁸. 8 августа 2018 г. в интервью газете САФУ «Арктический вектор» Андрей Александрович так вспоминал об этом важнейшем этапе своего пути в почётные консулы: «В 1996 году был заключён договор между норвежским Баренцевым секретариатом, организацией, призванной помогать деятельности двухсторонних проектов, и Поморским государственным университетом. На должность директора новой организации был приглашён я.... Офис Баренцева Секретариата мы создавали с нуля. У нас получилось создать такую инфраструктуру, по образцу которой открылись центры в Мурманске, в Нарьян-Маре. Наш офис стал головным в России»³⁹. Через архангельский офис, действовавший при Поморском государственном университете, шло всё административное управление и финансирование. Шалев являлся директором представительства норвежского Баренцева Секретариата в Архангельске в период с 1996 по 2010 гг.

И после открытия 17 сентября 2010 года консульства по адресу ул. Поморская, д. 16. он продолжает управлять этим представительством, совмещая должность директора с деятельностью почётного конкурса. Помещение консульства тоже совмещены с офисом Представительства Норвежского Баренцева Секретариата, вместе они образуют уникальный

³⁸ Шалев А.А. Почётное консульство Норвегии в Архангельске: Там же.

³⁹ Шалев А.А. «Первыми каналами международной коммуникации стали университеты Архангельска и Норвегии». URL: <https://narfu.ru/life/news/university/317679/> (дата обращения: 23.10.18).

инструмент международного взаимодействия и возможности для развития в Баренцевом регионе⁴⁰.

Приоритеты деятельности, успехи и причины неудач консульства наших дней

В день официального открытия Почётного консульства столицу Поморья посетили министр иностранных дел Королевства Норвегии Йонас Гар Стёре, посол Норвегии в Москве Кнут Хауге, а также главы северных губерний Норвегии Тромс и Финнмарк. В честь открытия консульства Архангельск со своим выступлением посетила норвежская певица Мари Бойе. В ту же неделю в музее С. Писахова была открыта выставка «Цвета на льду» норвежского фотохудожника Асбьёрна Нильсена, посвящённая различным ипостасям льда. В музее художественного освоения Арктики им. Борисова прошёл концерт норвежской оперной певицы Анне-Лисе Бернтсен.

Важной задачей почётного консульства является представление интересов Норвегии на территории Архангельского севера. Почётный консул оказывает различного рода услуги для граждан Норвегии: предпринимателей, политиков, моряков, студентов, деятелей культуры и т.д. Это может быть правовая, консультативная, организационная помощь. Консульство также выполняет функции распространения информации о делегировавшей его стране, помогает развитию связей, контактов и т.п. Но консульство не выдает виз и паспортов⁴¹. Почётный консул может лишь заверить подлинность какого-либо документа своей подписью или печатью.

С момента создания нового консульства главным его партнером является генконсульство Норвегии в Мурманске. Кроме того, налажены отношения с Генеральным консульством Норвегии в Санкт-Петербурге, Министерством иностранных дел Норвегии и другими министерствами. «Уровень наших отношений приподнялся. Мы теперь занимаемся не только проектами, финансируемыми Баренц-секретариатом, но и теми, которые финансируются на федеральном уровне из Осло или из Санкт-Петербурга, Мурманска»⁴².

В 1996–1997 гг., когда Информационный центр Баренцева Секретариата только начинал работу, в области осуществлялось не более 15–20 совместных российско-норвежских проектов в год. Сейчас в Представительстве Норвежского Баренцева Секретариата в Архангельске в среднем поддерживается больше 50 таких проектов. Это заставляет сотрудников представительства и консульства трудиться не покладая рук. Для сравнения скажем, что на уровне всего Баренц-региона центральным секретариатом поддерживается около 300 проектов в год⁴³. Большинство из мероприятий, которые

⁴⁰ Почётное Консульство Норвегии в Архангельске. Официальная страница/ социальная сеть: ВКонтакте. URL: <https://vk.com/honconsulate> (дата обращения: 26.04.2015).

⁴¹ С 2011 года несколько лет можно было оформить визы через почётное консульство, но с открытием в Архангельске 2016 г. специального визового центра эта практика прекращена.

⁴² Беседа А.А. Реутовой с Почётным консулом Норвегии в Архангельске А.А. Шалевым... Там же.

⁴³ Шалев А.А. Философия народной дипломатии. URL: <http://pravdasevera.ru/-yadcsho> (дата обращения: 23.10.18).

помогает организовать консульство и финансировать представительство, относятся к явлениям культурного порядка. Еще в 2009 г. за подписями министра культуры РФ А.А. Авдеева и министра культуры и по делам церкви королевства Норвегия Т. Гиске был обнародован документ «Российско-норвежский план действий по сотрудничеству в области культуры на Крайнем Севере»⁴⁴. Консульство действует в рамках этого соглашения, поддерживая обмен выставками живописи, музейными экспозициями, концертными и праздничными программами. Архангельская область, например, представила один из самых крупных проектов по музейному сотрудничеству Поморья и Норвегии под названием «Холодные берега — близкие отношения»⁴⁵. Этот проект включал в себя организацию крупной выставки по истории полярных исследований в контексте сотрудничества России и Норвегии. С 90-ых гг. прошлого века в Архангельске ежегодно проходит ставший традиционным фестиваль «Норвежская весна». В его рамках проводятся различные концерты с участием норвежских исполнителей, преимущественно из школы искусств города Тромсё, а также выставки дизайнеров и художников. Дата проведения мероприятий 17 мая. Она выбрана не случайно: это день Конституции Норвегии. С 2011 г. официальным организатором фестиваля «Норвежская весна» стало почётное консульство Норвегии. Консульство помогает проводить в Архангельске «Дни Норвегии» (приходятся на 16—21 сентября), праздник «Норвежская осень» (11 октября). Лично консулу нравится фестиваль «Urban Camp», который, по его словам, «изначально был джазовым, но давно перерос этот формат, теперь там и танцы, и перформанс. Его в Архангельске проводят пятый год подряд, причём большая часть работы делается волонтерами. Тут важна не только культурная составляющая, но и то, что этот проект, как воронка, втягивает в себя множество талантливых и активных молодых людей»⁴⁶.

Уже почти 30 лет побратимом Архангельска является норвежский город Вардё, который назван «поморской столицей» Норвегии. Там открыт и действует в сотрудничестве с консульством «Поморский музей», проходят фестивали — дни поморской культуры⁴⁷. Тем самым в Норвегии пропагандируется культура Русского Севера. Поддержку администраций городов получают молодежные спортивные состязания, такие как снежные баталии «Юкигассен». В 2013 г. столицу Поморья посетил норвежский оркестр г. Вардё⁴⁸. Почётное консульство и архангельский офис Баренц-секретариата тесно сотрудничает с САФУ во многих делах, но, пожалуй, наиболее ярким примером являются ежегодные рейсы

⁴⁴ Российско-норвежский план действий по сотрудничеству в области культуры на Крайнем Севере / Сайт: Министерство культуры Российской Федерации. URL: <http://mkrf.ru/documents/agreements/detail.php?ID=221150> (дата обращения: 01.11.2016).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Шалев А.А. Философия народной дипломатии. Там же.

⁴⁷ Моисеев, И.И. Вардё — культурная витрина Поморья на Западе // Известия Русского Севера. 2009. № 2. С. 47.

⁴⁸ Архангельск приветствует Вардё (Норвегия) / сайт: международная ассоциация «породненные города». URL: http://goroda-pobratimy.ru/publ/poslednie_novosti/arkhangelsk_privetstvuet_vardjo/1-1-0-79 (дата обращения: 25.11.2016).

Арктического плавучего университета. В этих плаваниях постоянно принимают участие студенты и исследователи Скандинавских стран. Так, в августе 2013 г. при помощи консульства и личном участии Консула А.А. Шалева была организована международная исследовательская экспедиция по Северному морскому пути в память подобной же экспедиции Йонаса Лида и Фритьофа Нансена, совершенной в 1913 году. Поддержка как масштабных, так и не очень крупных, но по-настоящему народных инициатив стала постоянной заботой консульства. Перечисленные выше мероприятия консульство считает образцами «народной дипломатии», ради укоренения которой оно трудится.

Именно в культурной сфере деятельность Почётного консульства иногда подвергается критике недоброжелателей. Так, начиная с 2011–2012 гг. году журналист информационного агентства REGNUM Дмитрий Семушин пытался навязать обществу дискуссию о «новоделе» такого понятия как «поморы», о разлагающем влиянии Норвегии на русскую идентичность на Севере⁴⁹. Поводом послужило издание детской книжки «Поморские Сказки». Эти сказки Д. Семушин счёл неправильными и вредными, можно сказать «антирусскими». Содействие консульства культурному обмену полагал чуть ли не «вредительским». Некоторые идеи Семушина были поддержаны каналом Рен-ТВ. Так, в одной из программ «Добров в эфире» было заявлено об изменении идентичности русского на скандинава и показаны институты, через которое идет данное влияние: Северный (Арктический) федеральный университет, Информационный центр норвежского Баренц-секретариата и Почётное консульство Норвегии⁵⁰.

Такие оценки далеки от объективности, так как деятельность Норвежского Баренц-секретариата прозрачна, содержание проектов анализируется специалистами и не противоречит национальным интересам России. Эта организация никогда не финансирует проекты на 100%, а всегда настаивает, чтобы деньги вкладывали и российские партнеры. Кроме того, российское финансирование проектов иногда подавляющее⁵¹. В своей деятельности почётное консульство ориентируется на оценки МИД РФ. Культурное, образовательное и научное сотрудничество — дорога с двусторонним движением, консульство, по мнению Андрея Александровича, посредник на этом пути.

В задачи консульства, которое третий раз в истории появилось в Архангельске, входит помощь развитию бизнес-связей с Норвегией. Как сказала Элизебет Валаас (посещая Архангельск в 2009 г.), «наличие такого консульства в Архангельске будет иметь большое значение для центрального аппарата норвежских властей в Осло. Это должно расширить

⁴⁹ Семушин Д. Поморы против русских — против России. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1457229.html> (дата обращения: 20.12.2016); Семушин Д. Баренц-регион и его апологеты в России. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1495177.html> (дата обращения: 20.12.2016); Семушин Д. «Поморская истерия»: Акт первый. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1463777.html> (дата обращения: 20.12.2016).

⁵⁰ С(А)ФУ под внешним управлением. Программа «Добров в эфире». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HFnm9rlnHlk> (дата обращения: 20.12.2016).

⁵¹ Беседа А.А. Реутовой с Почётным консулом Норвегии в Архангельске А.А. Шалевым... Там же.

наши контакты с администрацией Архангельской области»⁵². Тогда же, в январе 2009 года, Э. Валаас реалистично отозвалась о недостаточном уровне экономического сотрудничества Архангельской области с Северной Норвегией: «Откровенно говоря, экономическое сотрудничество между Архангельской областью и Норвегией не оправдало наших ожиданий. Возможно, между нами встал Мурманск»⁵³. И действительно, незамерзающий порт на Кольском полуострове в силу природных обстоятельств имеет хорошие перспективы в развитии экономических связей с Норвегией. Мурманск более привлекателен для бизнесменов, поэтому в XXI в. он становится конкурентом Архангельска. По словам Президента РФ Владимира Путина, «развитие Мурманского транспортного узла является важной составляющей развития экономики страны, имеет общенациональное значение. Морские и железнодорожные транспортные коридоры очень эффективны и имеют серьёзные перспективы, обеспечивая выход с континента в открытый океан»⁵⁴. Более четырёх лет назад, в апреле 2014 г., постановлением Правительства Российской Федерации была утверждена государственная программа «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», действие которой распространяется на всю Мурманскую область⁵⁵.

Несмотря на эти негативные для Архангельска обстоятельства, основания для разворачивания деятельности консульства в бизнес-сфере были налицо. По данным на ноябрь 2016 г., в Архангельске функционировали шесть крупных и средних компаний, совладельцами которых являлись норвежцы: Bedriftskompetanse (консалдинг), Shipyard Joint Venture (судостроение), Shoina Company (рыбопереработка), TD-Telekom (телекоммуникации), US Trade International (консалтинг), SAS (авиаперевозки). В Мурманске норвежских предприятий было представлено примерно в два раза больше.⁵⁶ В мартовском интервью 2017 г. А.А. Шалев признавал, что существует, «к сожалению, очень мало проектов в области развития экономики и бизнеса. Если норвежский бизнесмен не видит, что он может сделать на нашем рынке, то силой его не затащить. Можно устроить какую-то бизнес-конференцию, организовать поездку делегации бизнесменов, но заставить вести бизнес нельзя... А в целом у нас случился перекоп в сторону гуманитарных проектов, это в основном культурные проекты, образовательные»⁵⁷. Почётное консульство старается расширить информационное поле для бизнеса, чтобы облегчить поиск взаимовыгодных сфер приложения капитала. Пока успехи консульства на этом поприще невелики, но в самое последнее время появились

⁵² Шилова Н. Норвежское присутствие // Правда Севера. 2009. 24 янв. С. 2.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Борисов Д. Российско-норвежское экономическое сотрудничество в Баренцевом \Евроарктическом регионе и его перспективы / журнал «Север промышленный»// сайт: издательский дом Гелион. URL: <http://helion-ltd.ru/rus-norw-conomic-cooperation/> (дата обращения: 24.10.16).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Норвежские компании в России / Сайт: Вся Норвегия на русском. URL:http://www.norge.ru/work_norwayburo/. (дата обращения: 24.10.2016).

⁵⁷ Шалев А.А. Философия народной дипломатии...Там же.

хорошие площадки для поиска прорывных экономических проектов. Это, прежде всего, международные форумы «Арктика — территория диалога». Правительственное решение проводить этот форум один раз в два года в Архангельске даёт области перспективы развития. К его организации весной 2019 г. в Архангельске уже приступили.

Проблема относительно слабого развития экономических и торговых контактов с норвежскими соседями стоит и перед Мурманской областью. Об этом, в частности, говорилось 4–5 октября 2018 г. в г. Никель на восьмом по счёту представительном собрании администраций, бизнесменов и работников культуры двух стран, называемом «Дни российско-норвежского приграничного сотрудничества». На этом деловом форуме при участии консула России в Киркенесе и консула Норвегии в Мурманске специально обсуждались результаты российско-норвежского кооперирования последних 25 лет⁵⁸. (Напомним, что Александровский уезд только в 1921 г. вышел из состава Архангельской губернии, поэтому приграничное экономическое сотрудничество Кольского полуострова является частью нашей общей истории).

Конечно, невысокая интенсивность российско-норвежских политических и экономических контактов кроссграничных связей не вина консульств Мурманска и Архангельска. Деловая активность в регионе снизилась в связи с позицией Норвегии по ситуации на Украине и возвращению Крыма в состав России в 2014 г. Как известно, 10 октября 2014 г. Норвегия присоединилась к секторальным санкциям ЕС против России. В результате были заморожены многомиллиардные технологические проекты, связанные с развитием на шельфе Баренцева моря нефте- и газодобычи.

Культурная составляющая деятельности почётного консульства в Архангельске способствует развенчанию мифа о «русской угрозе» и налаживанию партнёрских отношений между Норвегией и Россией.

Заключение

Охарактеризовав деятельность консульств Норвегии в истории Архангельска за более чем двухвековой период, проанализировав в этом отношении современную ситуацию, можно прийти к следующим выводам:

- В XIX в. общим интересом на севере России и Норвегии была «поморская торговля» и купеческая торговля. Её проводниками были консульства той поры. В 20–30 гг. XX в. преобладал более масштабный, но тоже взаимный экономический интерес двух государств. Торговали между собой уже не норвежский и российский север, а компетентные органы СССР и крупные государственные и частные норвежские фирмы. Экономический приоритет Архангельска для норвежских консульств как в имперское, так и межвоенное советское время был уникален, поэтому норвежское консульство имело статус генерального, а в советское время было консульством с полным набором дипломатических прав.

⁵⁸ VIII Russian-Norwegian days of cross-border cooperation. 4–5 окт. 2018. Никель, Печенгский район, Мурманская область. Программа.

- С 1815 по 1939 г. первые два норвежских консульства в Архангельске, концентрируясь на торгово-экономической сфере, целенаправленно не занимались вопросами культурного обмена, образования, науки. Это даже не было прописано в их обязанностях.
- Со времён перестройки в СССР и почти всё двадцатилетие XXI в. на стороне Архангельска действует приоритет вековых традиции и потенциала в научном, образовательном, культурном пространствах. Именно эти преимущества по линии «наука — образование — культура» почётное консульство в Архангельске успешно эксплуатирует.
- За последние 25 лет и 8 лет работы почётного консульства в Архангельске проблему развития экономического сотрудничества до желаемого уровня в рамках БЕАР решить не удалось. Следует признать, что торговые и промышленные связи двух стран — северных соседей не достигли масштабов и значимости, которые были характерны для имперского и советского (межвоенного) времени. Ответственность консульства за это минимальна.
- В начале XXI в. в финансовом, торговом и промышленном отношениях Поморье оказалось не столь значимым регионом наших взаимосвязей с областями северной Норвегии. В целом подобная ситуация характерна и для наших соседей-мурманчан, хотя территориально они живут непосредственно на границах с Норвегией и имеют законодательные, географические и природные преференции в сравнении с архангелогородцами.
- С конца XX в. в силу обстоятельств в приоритете межгосударственного кооперирования и деятельности консульств в Архангельске и Мурманске находятся культура, образование и наука [11]. В этих областях достигнуты выдающиеся успехи, которым не смогла нанести серьёзный ущерб даже введённая с осени 2014 г. санкционная политика Норвегии в отношении Российской Федерации. Вековые традиции сотрудничества, богатая культура и научные ресурсы Архангельска стали прочной основой взаимоотношений с северными фюльке Норвегии. И следует понимать, что Почётное консульство является необходимым звеном, своеобразным посредником в российско-норвежских отношениях гуманитарной сферы.
- Конкуренцию с Мурманском следует превратить в сотрудничество. Стоит подумать над путями слияния географического потенциала Мурманска с культурным, образовательным и научным потенциалом Архангельска. В таком тандеме можно будет ощутить прогресс.

Тема деятельности третьего консульства в Архангельске и его роли в организации современных российско-норвежских отношений мало изучена, но по-настоящему актуальна, так как прямо затрагивает жизни многих тысяч северян. Продолжить исследование такого рода необходимо, так как это поможет выявить причины успехов и неудач современного этапа сотрудничества в рамках Баренцева региона и выявить перспективы его дальнейшего развития.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00734 А.

Литература

1. Ристе У. История внешней политики Норвегии. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
2. Репневский А.В. СССР — Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия: монография. Архангельск: ПГУ, 1998. 348 с.
3. Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий: монография. Архангельск: Архконсалт, 2000. С. 201.
4. Пересадило Р.В. Российские консульства в Норвегии и новые тенденции в российско-норвежских отношениях конца XIX — начале XX века // Вестник Поморского университета. 2008. № 1. С. 19–22.
5. Пересадило Р.В. Российско-норвежские экономические отношения в консульских донесениях // Скандинавские чтения 2012 года: сборник научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 129–141.
6. Пересадило Р.В. Роль консульской службы в российско-норвежских экономических отношениях в XIX — начале XX века // IX Ушаковские чтения: сборник научных статей. Мурманск: МГГУ, 2013. С. 77–85.
7. Orekhova E., Davydov R., Peresadilo R. «We wanted the best...». Benefits and Privileges for the Colonists of the Murman Coast // Murman — the coast of hope. The history of colonization 1860–1940. Vardø: Varanger museum, 2012. Pp. 40–43.
8. Давыдов Р.А., Зарецкая О.В., Репневский А.В. Шведско-Норвежское консульство в Архангельске и Русский Север в российско-норвежских отношениях XIX — начала XX вв.: сборник научных статей. Архангельск: САФУ, 2011. 116 с.
9. Смирнов А.И. Баренцев-Евроарктический регион: российско-норвежские отношения: монография. М.: Бизнес-пресс, 2002. 100 с.
10. Комаров А.А. Scandinavia in Recent Historical Research in Russia // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 4 (58).
11. Репневский А.В. The Modern History of the Russian-Norwegian Relations We Wrote Together (Joint Scientifically-Historical Projects of the Norwegian and Russian Historians. 1991–2015) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 4 (58).

References

1. Riste O. *Istoriya vneshnej politiki Norvegii* [Norway's Foreign Relations — a History], Moscow: Ves' mir Publ., 2003. 413 p. (In Russ.)
2. Repnevskij A.V. *SSSR — Norvegiya: ehkonomicheskie otnosheniya mezhvoennogo dvadcatiletiya* [The USSR-Norway: economic relations in the interwar period], Arhangel'sk: PGU Publ., 1998, 348 p. (In Russ.)
3. Ovsyanin E.I. *Arhangel'sk kupecheskij* [Arkhangelsk-merchant city], Arhangel'sk: Arhkonsalt Publ., 2000. (In Russ.)
4. Peresadilo R.V. Rossijskie konsul'stva v Norvegii i novye tendencii v rossijsko-norvezhskih otnosheniyah konca XIX — nachale XX veka [Russian consulates in Norway and new tendencies in Russian-Norwegian relations in the end of XIXth — beginning of XXth centuries], *Vestnik Pomorskogo universiteta*, 2008, no. 1, pp. 19–22.
5. Peresadilo R.V. Rossijsko-norvezhskie ehkonomicheskie otnosheniya v konsul'skih doneseniyaх [Russian-Norwegian economic relations in consular reports], *Skandinavskie chteniya 2012 goda: sbornik nauchnyh statej*, SPb.: MAEH RAS Publ., 2014, pp. 129–141. (In Russ.)
6. Peresadilo R.V. Rol' konsul'skoj sluzhby v rossijsko-norvezhskih ehkonomicheskikh otnosheniyah v XIX — nachale XX veka, [The role of consulates in Russian-Norwegian economic relations in the end of XIXth- beginning of XXth centuries], *IX Ushakovskie chteniya: sbornik nauchnyh statej*, Murmansk: MASU, 2013, pp. 77–85. (In Russ.)
7. Orekhova E., Davydov R., Peresadilo R. "We wanted the best...". Benefits and Privileges for the Colonists of the Murman Coast. *Murman — the coast of hope. The history of colonization 1860-1940*, Vardø: Varanger museum Publ., 2012, pp. 40–43.
8. Davydov R.A., Zaretskaya O.V., Repnevskij A.V. *Shvedsko-Norvezhskoe konsul'stvo v Arhangel'ske i Russkij Sever v rossijsko-norvezhskih otnosheniyah XIX — nachala XX vv.: sbornik nauchnyh statej*, [Swedish-Norwegian consulate in Arkhangelsk and Russian North in Russian-Norwegian relations in the XIXth — beginning of XXth centuries], Arhangel'sk: SAFU Publ, 2011, 116 p. (In Russ.)

9. Smirnov A. I. *Barencev-Evroarkticheskij region: rossijsko-norvezhskie otnosheniya* [Barents Euro-Arctic region: Russian-Norwegian relations], Moscow: Biznes-press Publ., 2002, 100 p. (In Russ.)
10. Komarov A.A. Scandinavia in Recent Historical Research in Russia. *Istoriya*, 2017, vol. 8, no. 4 (58)
12. Repnevskiy A.V. The Modern History of the Russian-Norwegian Relations We Wrote Together (Joint Scientifically-Historical Projects of the Norwegian and Russian Historians. 1991—2015). *Istoriya*, 2017, vol. 8, no. 4 (58).

УДК 327(481+470.1(.2)(470.1|.2+481)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.137

Сценарии Крайнего Севера и субнациональные реалии: политика и практика в приграничной зоне Норвегии и России *

© ХАУГСЕТ Петер, кандидат политических наук, доцент

E-mail: peter.haugseth@uit.no

UiT — Арктический университет Норвегии, Киркенес, Норвегия

Аннотация. Мы видим проявления множества региональных изменений в норвежско-российской пограничной зоне, особенно в результате сотрудничества в Баренц-Евроарктическом регионе (БЕАР). Поселения и города этой региональной периферии двух национальных государств являются более открытыми как в социальном отношении, так и в контексте расширения трансграничного сотрудничества (ТС) и сетевого взаимодействия. В настоящей статье автор рассказывает о некоторых пограничных изменениях, следуя за общей тенденцией к росту заинтересованности в северных территориях. Кроме того, он также анализирует точки зрения относительно результатов выработки политических стратегий, взаимодействия на государственном и субгосударственном уровнях, а также пути, которые, в конечном счёте, изменили динамику соотношения «центр — периферия». Подход к оценке взаимодействия внутриполитических и внешнеполитических инструментов выработан под влиянием работ о «субгосударственной дипломатии», в которых подчёркивается развитие взаимодействия государства и субгосударства в качестве эффективных инструментов сотрудничества, выходящего за пределы национальных границ. Эффективность этого частично регионального взаимодействия анализируется эмпирически, что приближает к различным контекстам и дискуссиям о развитии Крайнего Севера, которые существуют с 2008 г. в арктических окраинах Норвегии и России. Новые политические обязательства, представленные в официальных документах (брендинг Крайнего Севера) на государственном уровне, предусматривают перенос новых индустриально-экономических High-Tech сценариев с государственного на местный уровень. Среди них: новые пограничные визовые режимы, пограничные форумы, а также инвестиции в улучшение дорог, инфраструктуру и транспортную рационализацию. Оценивая эти политические моменты и их результаты, можно увидеть ряд индикаторов современного геополитического и экономического потенциала региона и местных и региональных реалий. На основе представленного эмпирического материала автор делает вывод о том, что субгосударственные правительства зависят от государственного уровня в ходе текущих дискуссий о трансграничном сотрудничестве.

Ключевые слова: политика на Крайнем Севере, Баренцев-Евроарктический регион, норвежско-российские двусторонние отношения, государственная — субгосударственная дипломатия, трансграничное сотрудничество, местный приграничный трафик, приграничный туризм.

High North scenarios and subnational realities: policies and practices in the Norwegian/Russian border zone

© Peter HAUGSETH, Cand. Sci. (Pol.), Assistant Professor

E-mail: peter.haugseth@uit.no

UiT — The Arctic University of Norway, Kirkenes, Norway

Abstract. As the world was becoming more interdependent, with increased global awareness of the northernmost parts of the world, both the Norwegian and Russian governments showed more political commit-

* Для цитирования:

Хаугсет П. Сценарии Крайнего Севера и субнациональные реалии: политика и практика в приграничной зоне Норвегии и России // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 137–156. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.137

For citation:

Haugseth P. High North scenarios and subnational realities: policies and practices in the Norwegian/Russian border zone. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 137–156. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.137

ment to and interest in new forms of region-building and development in the High North from 2006 and onwards. Today, more than ten years later, many regional changes are evident in the Norwegian-Russian border zone, as a consequence of expanded people-to-people contacts in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR). In this peripheral border area between two national states, villages and cities have become more open, both sociologically and legally for increased cross border cooperation (CBC) and networking. In this article I will take stock of some of these borderland openings following on from the consequence of the two nations' rising levels of interest in the High North. It explores the ways in which (inter-)national policy-making and state-substate interactions ultimately altered centre-periphery dynamics. This article has based its approach to understanding the interplay of domestic and foreign policy instruments on the 'substate diplomacy' literature, which argues that increased state-substate interactions constitute an efficient instrument for extending cooperation beyond national state borders. The efficiency of regionally driven substate interactions is discussed from an empirical perspective. The present study analyses various High North development contexts and discourses (effective from 2008) in the Arctic borderland between Norway and Russia. The new political commitments presented in state-level official documents (the branding of the High North) envisioned a transference of new industrial-economic high tech scenarios from state to local level. These scenarios included new borderland visa regimes, co-existing with cross-border forums investments in improvements of roads, infrastructure, and transport rationalisations. The present article briefly assesses these policy rationales and their outcomes, revealing the region's contemporary geopolitical and economical potential, as well as local and regional realities. The findings show that substate governments and stakeholders are able to operate in demanding trans-border contexts, contribute to ongoing contemporary CBC discussions, and complement national and state-level efforts by using their regional expertise to solve problems.

Keywords: *High North politics, Barents Euro-Arctic Region, Norwegian-Russian bilateral relations, state-substate diplomacy, cross-border cooperation, local border traffic, borderland tourism.*

Региональная государственная дипломатия: некоторые теоретические соображения

Эта работа следует за обширной литературой по теории «парадипломатии», впервые разработанной Панайотисом Солдатосом [1, Soldatos P.], а позднее — концептуально и теоретически переработанной и дополненной Иво Дучачеком [2, Duchacek I.]. В последние десятилетия появились работы, которые внесли огромный вклад в понимание того, как внешняя политика и современная дипломатия во всё более взаимозависимом глобальном мире затрагивают региональные реалии, а также субгосударственные и негосударственные субъекты во внешнеполитических вопросах. Более того, многие субъекты субгосударства сегодня формируют собственную внешнюю политику параллельно с общегосударственной [3, Duchacek I., Latouche D. and Stevenson G.; 4, Michelmann H.J., Soldatos P.; 5, Aldecoa F., Keating M.; 6, Majeed A., Watts R.L., Brown D.M.; 7, Joenniemi P., Sergunin A.; 8, Jackson T.].

С самого начала разработки избранной нами темы утверждалось, что сейчас мы наблюдаем всё более сложную и усовершенствованную работу по этому вопросу. Кроме того, утверждалось, что «спектр дипломатических инструментов и стратегий, которые их сопровождают, стал более разнообразным и сложным» [9, Criekemans D., с. 1]. Был также рассмотрен вопрос о том, что субгосударственная дипломатия действительно создает новую парадигму для международных отношений. В эмпирических исследованиях доминировал ряд анализов дезинтеграции традиционного внутривнутриполитического и внешнеполитического центра и периферии, а также теоретические рассуждения на тему, почему региональные государственные субъекты должны «выходить за границу», каковы последствия участия

субгосударств в международных отношениях для традиционной дипломатии и каким образом субгосударственные субъекты могут быть вовлечены в международные отношения. Были также проведены сравнительные исследования по вышеупомянутым вопросам. Также в литературе обсуждалось, какие компетенции требуются субгосударственным, государственным субъектам и какие правовые рамки существуют для субгосударственных субъектов, когда они «выходят за границу». Обсуждался и вопрос о названии данной отрасли исследования («парадипломатия», «многоуровневая дипломатия», «учредительная дипломатия» или «региональная субгосударственная дипломатия» и пр.). Когда речь заходит о теоретических подходах к парадипломатии, дискуссия о соответствующей литературе вызывает меньше энтузиазма. После анализа нескольких книжных изданий М. Бойер [10, с. 99] заключает, что «нам остались не только сложности, но и небольшое количество простых ответов». Другие исследователи предлагают применять структуру отношений как на местном, так и на внешнеполитическом уровне [11, Lecours A., с. 92]. Однако это считается довольно сложной задачей, потому что «данное явление настолько разнообразно и имеет огромное количество различных граней, что с теоретической точки зрения с ним довольно трудно примириться» [9, Criechemans D., с. 5].

Кажется, что всеобъемлющих теоретических подходов к парадипломатии не существует. Более новые исследования предлагают рассматривать её в рамках политической географии, включая её в широкую методологическую традицию критической геополитики, и изучать парадипломатию в пространствах различных масштабов [8, Jackson T., с. 3]. Парадипломатию называли «современной головоломкой» или «беспорядочным» явлением в контексте международных отношений. Она требует многообразия подходов к методу анализа и исследования [10, Boyer M., с. 98; 9, Jackson T., с. 3]. До сих пор это явление часто рассматривается в рамках «глобализации», как и в настоящей статье.

Замечания эмпирического свойства в тексте данной статьи утверждают, что региональная субгосударственная дипломатия «ведёт переговоры» и находит политическое пространство внутри национальной внешней политики и внутрирегионального контекста, что влияет на субнациональный подход к международной деятельности. С этой точки зрения статья способствует расширению знаний о практической стороне субгосударственной дипломатии [9, Criechemans D., с. 5]. Регионы, города, компании, неправительственные организации и т.д. способствуют сотрудничеству с целью решения местных проблем в области торговли, инвестиций, партнёрства и последующего долгосрочного и устойчивого развития. Более того, они могут попытаться поднять некоторые вопросы, касающиеся государственно-ориентированной системы и международных правил, а также ограничений, которые они налагают на стремления и текущую работу. Примеры, подтверждающие это, можно найти в местных дискуссиях о событиях на норвежско-русской границе в Баренцевом регионе и через 25 лет после его появления. В течение последних десяти лет основное внимание уделялось Крайнему Северу Норвегии и России. С обеих сторон границы наблюдается активизация

сотрудничества, а также наличие комплексного управления, что облегчает совместную деятельность по совершенно новым направлениям. Говоря языком финского исследователя Анси Пааси [12, с. 20], это показывает, что «крупномасштабный территориальный процесс» в международном и региональном управлении может трансформировать «местный контекст повседневной жизни и присущий ему опыт и значения».

Политическая практика, которая изменила региональную реальность на Крайнем Северо-Востоке, частично исходит из норвежской стратегии «Крайний Север» («High North») 2006 г., которая обратила пристальное внимание на Арктику. Также это было частично обусловлено новой глобальной дискуссией об Арктике, а норвежские власти отметили, что стратегия «Крайний Север» является центральной во внешней политике страны. Заключённые в ней концепции севера несут в себе новые инструменты и планы, взаимодействие между иностранными и отечественными подходами, объединяющими как государственные, так и национальные и субнациональные интересы в общественной и частной сферах. Избранный способ приближения к двусторонним или многосторонним вопросам, похоже, ставит под сомнение традиционную иерархию дипломатических отношений, поскольку предполагает интеграцию целей государств и национальных правительств в повестку дня субнациональных и негосударственных субъектов. Общая идея, как показывает норвежская стратегия для севера, состояла в том, что все государства Арктического бассейна смогли бы выступать в качестве ответственных арктических управляющих, отвечающих ряду ожиданий мирового сообщества в отношении обеспечения устойчивого развития на Крайнем Севере, например, в отношении добычи ресурсов, производства энергии и топлива, устойчивого развития в условиях изменения климата в условиях хрупкой северной природы. Всё это имело практическое значение для двустороннего взаимодействия между норвежскими и российскими властями на периферийной границе двух стран. В последующих и современных версиях российской арктической стратегии мы также прослеживаем некоторые похожие взгляды на «новый север». Каким образом это отражено в документах и планах, а также в действиях центральной власти? Как это определило рамки для последовательной реализации национальной политики в Арктике, а также некоторые возможности для «многоуровневого регионального и пограничного управления» между национальными и субнациональными подразделениями, занимающимися своими повседневными обязанностями на небольших периферийных участках? Каким образом периферийные норвежско-российские границы выиграли от этого, и как это повлияло на взаимодействие в рамках трансграничного сотрудничества, БЕАР и межличностного взаимодействия? Стало ли это причиной появления новых форм приграничного развития, то есть развития с российской стороны?

Методы: полевая работа, наблюдения, интервью

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим взаимодействие множественных факторов на местном и национальном уровнях и их влияние на трансграничные цели, например,

развитие новых пограничных сетей (пограничные конференции), изменение визовых режимов и его последствия (Норвегия (ЕС) — Россия), соседствующие с потребностями улучшения дорог и инфраструктуры (Баренц-сотрудничество в области транспорта и инфраструктуры).

Настоящая работа стала результатом моего обучения в качестве социального антрополога и многолетнего проживания в норвежском приграничном городе Киркенес, расположенном в 12 км от российской границы и Мурманской области. Как антрополог, вдохновлённый результатами полевых работ, я смог погрузиться в местную жизнь и принять участие во многих важных событиях последних 10–12 лет в норвежско-российском приграничном сотрудничестве, а также я участвовал в выработке различных подходов к региональному строительству. Именно в это время трансграничное сотрудничество значительно расширилось после появления норвежской стратегии «Крайний Север». Исходя из общегосударственного значения, проводились различные мероприятия: визиты делегаций центральных политических органов пограничных районов, двусторонние встречи между центральными органами Норвегии и России, международные политические встречи и новые местные и региональные форумы, а также региональные промышленно-экономические конференции, многочисленные семинары и т.д.

В дополнение к наблюдению за участниками на большом количестве общественных мероприятий, которые мне довелось посетить, я также провёл множество открытых интервью с местными политиками и региональными властями, населением и др. заинтересованными сторонами, проживающими в Печенгском районе и Мурманске в 2009–2018 гг.¹ Речь идёт о многих вопросах одновременно [13, Berkaak O.A., Frønes I., с. 92–93], и дальнейшие события познакомили меня с конкретными ситуациями. Всё это сложилось в комплексный блок информации, в «толстое повествование» [14, Geertz C.].

Настоящий текст представляет собой генеалогию более или менее интегрированных подходов и комментариев к общему развитию Крайнего Севера, наблюдаемому норвежско-российской пограничной зоны. Использование исследований, проводившихся более десяти лет назад, позволило создать обратную связь между сравнительными вопросами и ответами, которая облегчает понимание региональной и местной повседневной практики. Всё это отражает многослойную реальность глобального и регионального управления, которая характерна для норвежской и российской арктической шенгенской пограничной зоны, а также в различной степени и для других частей Баренцева Евроарктического региона.

Новый Север: децентрализация и глобальное управление

С 2003 г. правительство Норвегии, казалось бы, было готово изменить своё мышление в области международных отношений и дипломатии на Крайнем Севере. Норвежское государство давно позиционирует себя в более широком глобальном контексте, и это нашло

¹ Групповые и индивидуальные интервью с населением пограничья России (Печенгского района) проводились мной в 2009, 2012, 2014, 2015 и 2018 гг., в Мурманске — в 2014 г.

своё отражение в стратегии правительства Норвегии для Севера 2006 г.² Она официально рассматривалась в качестве документа, позиционирующего приоритетное направление внешней политики страны на ближайшие годы. Крайний Север рассматривался во всеобъемлющем «целостном» контексте. До 2003 г., по мнению Хеннеланда и Йенсена, было принято считать Крайний Север множеством различных (гео)политических слоёв, которые были связаны с соседом на востоке, т.е. с Россией [15, Hønneland G., Jensen L.F.; 16, Hønneland G., Rowe L.; 17, Hønneland G.]. В то время северные территории рассматривались в первую очередь как имеющие отношение к соседним с Норвегией странам по морю на Западе (Фарерские острова, Гренландия или Исландия) или к взаимодействию Арктической восьмёрки на совещаниях Арктического Совета, включая северные страны, Россию, Канаду и США. Географически (в 2006 г.) норвежская политика для Крайнего Севера распространялась на сушу и море всего «Европейского Севера». Таким образом, острова и группы островов Сёр-Хелгеланд (Sør-Helgeland) на юге, Гренландское море на Западе и Печорское море на востоке попали под её воздействие.

В политическом плане отношение Норвегии к Крайнему Северу касалось не только административных единиц, связанных со странами БЕАР: северными странами и Россией, но и ЕС и его политики Северного измерения в области трансграничных отношений и выработки политической стратегии взаимодействия между Востоком и Западом. Оглядываясь назад, мы должны также подчеркнуть зависимость политики севера Норвегии от «южных» центрально-европейских и региональных интеграционных практик ЕС, связанных с европейской политикой добрососедства (ЕПД). Сотрудничество с Северной Америкой (Канадой и США) часто рассматривается через призму Арктического Совета. В норвежских интересах (политика на Крайнем Севере) создание ситуации, при которой международное сообщество двигалось бы в одном направлении, т.е. на благо развития всех арктических территорий мира. Наличие подобных стремлений позволяет нам согласиться с Хэлдом [18] и заключить, что сложные управленческие и коммуникационные сети были полезными в реализации политического сценария на основе гибких и динамичных институционализированных систем многоуровневого глобального и регионального управления. Об этом свидетельствует всё большее число межправительственных организаций, участвующих в этих процессах. Такой подход к глобальному управлению предполагает довольно «космополитическое» понимание его, а также международных законов, выходящих за рамки процесса принятия решений, связанного с традиционным национальным государством. Согласно Аппадурраи [7, с. 296], появилась новая форма глобальной культурной экономики, а упомянутые нами концепции, по-видимому, «понимаются как сложный, дублирующий друг друга дизъюнктивный порядок, который уже не может быть понят с точки зрения существующих моделей «центр — периферия». Центрально-периферийные вертикали власти ставятся под сомнение, когда стираются политические различия между «внутренней» и «внешней» политикой. Глобальная

² The Norwegian Government's High North Strategy, 2006. Norwegian Ministry of Foreign Affairs, Oslo.

взаимозависимость по проблемам Крайнего Севера действительно задавала вектор тому, как правительство понимает международные отношения на севере и как практически реализует свои дипломатические стратегии [19, Talbot S., с. 72].

Больше, чем внешняя политика

Среди приоритетных направлений норвежской стратегии для Крайнего Севера — поддержание хороших отношений с Россией, устойчивое управление природными ресурсами, возможности добычи энергоресурсов в Баренцевом море, противодействие изменению климата, охрана окружающей среды, улучшение условий жизни народов Севера, в частности, коренных народов. Методы решения этих вопросов — это действительно «больше, чем просто внешняя политика и просто внутренняя политика»³. Более того, эти методы, как было сказано, «принадлежат» не только центральным властям; «дорожная карта» и особенно политическая практика в условиях Крайнего Севера была частично «децентрализована» в регионах. Новый подход, а также интерес национальных государств к Арктике и Субарктике стали профильными элементами на повестке дня видных политиков при посещении северных территорий. Во время визита на север тогдашний министр иностранных дел Норвегии Йонас Гахр Стёре объявил, что «стратегия для Крайнего Севера должна принадлежать северу и быть на севере», а также что «большая её часть — север».⁴

Новая динамика соотношения «центр — периферия» в норвежской политике на Крайнем Севере предполагает передачу обязанностей и прав с юга на север. Такая практика бросила вызов обычным представлениям о централизме в отношениях между локальным и центральным измерениями. Важность севера и его развития социал-демократические политики усматривали в том, чтобы «затмевать» его «южный» аналог. Наиболее важные вопросы для будущего национального развития рассматривались применительно к северу [20, Angell et al.]. При подписании документа «Nordområdene: Visjoner og Virkemidler» в 2011 г., как указано в предисловии к документу («Крайний Север: представления и средства»), Й.Г. Стёре предложил Будё — северо-западный норвежский город с недавно созданным университетом в качестве северной столицы Норвегии, наряду с Осло. Реализация внешней политики на Крайнем Севере была перенесена с традиционных национального и государственного уровней и децентрализована в региональные центры на «периферии» Северной Норвегии. Регионы также внезапно стали активно включаться в политический дискурс по Субарктике, представляя себя в роли ответственных субъектов, способных к обмену и практике национальной политики. Нельзя отрицать, что вопросы безопасности Баренцева моря, внешней политики в Арктике, важных переговоров с Россией и другими странами по делимитации норвежской исключительной экономической зоны — всё это оставалось в рамках внешней политики и

³ The Norwegian Government's High North Strategy, 2006. Norwegian Ministry of Foreign Affairs, Oslo. p. 5.

⁴ Støre J.G. Det meste er nord- Nordområdene og veien videre-et internasjonalt perspektiv. Presentation at UiT, April 29, 2010. URL: [www.regjeringen.no/nb/dep/ud\(aktuelt/taler_artikler/jgs_taler_artikler/2012/nord_mest.html?id=602113](http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud(aktuelt/taler_artikler/jgs_taler_artikler/2012/nord_mest.html?id=602113) (дата обращения: 15.05.2016).

дипломатии, контролируемой из Осло. Северные региональные аспекты трансграничного сотрудничества обсуждались на различных форумах, конференциях, семинарах и совещаниях, а также в обществе. Произошло активное клеймение концепции Крайнего Севера и новых гражданских отношений между документами национальной стратегии, перформативным языком и операционализацией политики как среди политиков, так и общественности [21, Larsen T.].

Новые подходы к внешней политике в российском арктическом пограничье Шенгенской зоны

По мере того как норвежское правительство проводило политическую децентрализацию на Крайнем Севере в своих северных общинах и северо-восточном приграничном муниципалитете, аналогичный процесс в определённой степени происходил и в России. Арктическая стратегия России, или *Основы Государственной Политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу* (2009 г.), акцентировала внимание на энергетике, безопасности, промышленно-экономической деятельности и устойчивых подходах к развитию Севера (аналогичные ключевые темы встречаются и в норвежской стратегии). Все эти аспекты связаны в российской стратегии с вопросами безопасности / экономического благополучия и с оценкой самоуверенности нации, являющейся сувереном собственных национальных ресурсов [22, Jensen L.C., Skedsmo P.A.]. Согласно Ларуелле [23, с. 3–19], Конышеву, Сергунину и Субботину [24], арктическая политика России всё ещё продолжается после событий в Крыму и нескольких лет санкций, опираясь на региональное сотрудничество и стремление к укреплению многостороннего сотрудничества на севере. До 2014 г. решимость Минрегиона России продолжить такую работу на северо-западе России усиливалась благодаря экономической и организационной поддержке горного гиганта «Норильский никель» / «Кольский ГКМ». Благодаря такой поддержке российскому приграничному сообществу политиков и местных стейкхолдеров в 2011 г. удалось организовать Дни российско-норвежского приграничного сотрудничества. Российские региональные власти активно содействовали развитию сотрудничества в приграничной зоне. Норвежские (Шенген / ЕС) и российские власти в 2010 г. заключили соглашение о создании совместной зоны местного пограничного движения (МПД), открытой для российско-норвежского сотрудничества, регионального строительства и интеграции. Обсуждение создания такой зоны было официально инициировано министрами иностранных дел Й.Г. Стёре и С. Лавровым в 2008 г. в Киркенесе и стало политическим стимулом для экономически неблагополучных шахтёрских городов Никель и Киркенес, часто связанных с постсоветским промышленным упадком и военно-политическим наблюдением в местах, также связанных трансграничным сотрудничеством, глобализацией и интернационализацией.

Хорошо контролируемое локальное открытие российских северо-западных приграничных территорий для Запада было новым явлением в 2011 г. и рассматривалось как нечто неожиданное по обе стороны границы. Оно установило региональные взаимоотношения в

духе интернационализации, что было довольно новым, учитывая тот факт, что взаимодействие между интернационализацией и региональным строительством не было значительной частью Российской национальной арктической стратегии [см. 25, Bassin M., Ely C., Stockdale M.K.; 26, Kinossian N.].

В последующие годы российские арктические пограничные власти действовали согласованно в отношении сотрудничества в Баренцевом Евроарктическом регионе. Региональные органы в лице губернаторов Мурманской области (Дмитрий Дмитренко в 2011 г. и Марина Ковтун в последующие годы) были положительно настроены в отношении такого сценария развития в Мурманской области и пограничья, говоря также и о линии разграничения в 2010 г. в Баренцевом море, о позитивном влиянии и экономической синергии трансграничного сотрудничества. Построение региона через трансграничное сотрудничество стало элементом самопрезентации Мурманской области и образа её будущего.

Юридически действие режима приграничной визы началось с 29 мая 2012 г. и длится до сих пор⁵. Мурманские региональные власти оказали содействие российским дипломатам и пограничникам в разработке и подготовке этого нового компонента режима МПД [7, Joenniemi P., Sergunin A.]. Новый режим МПД и диалог между местными и региональными властями в первые дни российско-норвежского пограничного сотрудничества в 2011 г.⁶ в России были удивительно открытыми и честными. Аналогичное государственное и субгосударственное взаимодействие наблюдалось и с норвежской стороны, поскольку мэр муниципалитета Сёр-Варангер (*Sør-Varanger*) являлся членом комитета по подготовке визового режима для обновлённого МПД [26, Haugseth P.].

Стоит также отметить, что двусторонние норвежско-российские интересы и МПД были частью более широкого многостороннего диалога между государствами-членами Шенгенского соглашения и Россией. Власти Норвегии и России продолжают знакомить общественность в Киркенесе и Никеле с более широким спектром внешнеполитических вопросов на различных форумах и семинарах. Наиболее важные моменты в отношениях между ЕС / Норвегией и Россией касались пограничных вопросов и установления визовых режимов. Более тесное сближение Шенгенского соединения и режима МПД стало заметным в ходе 4-ых российско-норвежских дней пограничного сотрудничества, проходивших осенью 2014 г. в связи с 5-м форумом по трансграничному сотрудничеству в Европе — «Пограничные диалоги 2014». Кроме субъектов различных уровней (местного, регионального, национальных органов власти и НПО) из Норвегии и России в округе Финнмарк и Мурманской области в мероприятии приняли участие представители государств-членов ЕС, а также ряда других. Пред-

⁵ Nordområdene. Visjon og virkemidler. St.melding 7. Melding til stortinget (2011–2012), and Utenriksdepartementet (2014) Nordkloden. Verdiskapning og ressurser. Klimaendringer og kunnskap. Utviklingen i nord angår oss alle. Nordområdene. Statusrapport 2014. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/23843eabac77454283b0769876148950/nordkloden_report-red.pdf (дата обращения: 21.06.2017).

⁶ CBC seminar, day two of the first Russian-Norwegian Border cooperation days in Borisoglebsk, Pechenga District, 2011.

ставители периферийных и ранее закрытых регионов России (Калининград) также приняли участие в конференции в Печенгском районе и обменялись мнениями по опыту МПД в условиях трансграничного сотрудничества с Польшей.

Общий политический настрой по этому вопросу как в Норвегии, так и России был оптимистичным. На северо-востоке Норвегии (на местных семинарах) новый МПД рассматривался даже в качестве способа полной отмены виз между Норвегией и Россией (возможно, и остальной Европой, поскольку мы говорим о границе Шенгенской зоны, конечно)⁷. Некоторые норвежские дипломаты использовали норвежско-шведский пограничный режим в качестве примера того, как могло бы складываться благоприятное развитие отношений между Норвегией и Россией. Российские дипломаты обратили внимание на границу Калининградской области России и Польши, так как эта модель МПД была не менее интересна, а географическое расширение исходной зоны МПД в данном случае удалось согласовать. Тем не менее ситуация с Калининградской областью и прилегающими к ней странами Польши является довольно сложной из-за истории развития этого региона до и после расширения ЕС в 2004 г. и последующего вступления в 2007 г. нескольких новых государств-членов ЕС в Шенгенскую зону [27, Browning C.S.; 28, Allison R., Light M., White S.]. Выводы о взаимоотношениях России и ЕС «между интеграцией и конфронтацией» стали результатом нескольких локальных семинаров, проходивших в то время с участием представителей Генерального Консульства Российской Федерации в Киркенесе [29, Prozorov S.].

Некоторые в России рассматривали расширение ЕС / Шенгенской зоны как «часть процесса восстановления политики сдерживания России» [30, Mankoff J., с. 143]. По мере расширения Шенгенской зоны на восток оптимистические рассуждения, связанные с европейской политикой соседства (ЕПС) ЕС и видением «Европы, свободной от разделительных линий», довольно сильно контрастировали с удушающей таможенной практикой на новых шенгенских границах, заставляя критиков говорить о создании нового «железного занавеса» или «золотого занавеса». Калининградцы, например, вынуждены были обращаться за визой, чтобы посетить другие регионы России, внезапно оказавшись в окружении стран-членов ЕС. На практике расширение привело к резкому сокращению количества виз, выдаваемых не только в Калининграде, но и на Украине и в Белоруссии⁸. На этом фоне режим МПД (МПДР) был полезен, особенно в тех случаях, когда визы в местные пограничные зоны предлагались за разумную плату жителям приграничных районов. Россия в дополнение к МПДР с Норвегией и Польшей имеет аналогичные соглашения с Латвией. По разным причинам, однако, нет МПДР между Россией и Финляндией, Россией и Литвой, а также между Россией и Эсто-

⁷ Grenseseminar «Grenseborgere eller begrensede borgere? February 9, 2012, Kirkenes. Arr. Finnmark University College, UiT-Barents institute, Sør-Varanger municipality/Kirkenes kompetansesenter and the «Living in the Centre-Periphery» September 25-26, 2012. Kirkenes- Nikel. Research Days 2012, Arr. Finnmark University College, Murmansk State Humanities University, Sør-Varanger Municipality and Pechenga Municipality District Administration.

⁸ Yliseyeu A. Keeping the Door Ajar: Local Border Traffic Regimes on the EU's Eastern Borders. The Finnish Institute of International Affairs, Helsinki, 2014.

нией. Норвежско-русский МПДР отличается от остальных в положительном смысле. Он оказался устойчивым и в кризисных условиях, например, в ситуации с беженцами в 2015 г. Справедливости ради стоит отметить, что это придало новый импульс сотрудничеству между странами Севера. Регулирование МПД значительно облегчило жителям Сёр-Варангера (Sør-Varanger) доступ к отдыху и покупкам в приграничных российских территориях Печенгского района. Норвежские «пограничные жители» сегодня всё больше осознают многочисленные возможности Мурманской области, в том числе Мурманска — крупнейшего города Арктики.

Разрыв между областной и губернской политикой в Норвегии и России и периферией их регионов сократился, когда промышленные моногорода на границе — Никель, Заполярный и Киркенес — получили новые роли исполнителей транснационального сотрудничества. В экономическом плане, однако, периферии досталось немного, но вот политически произошли определённые изменения. Практическая польза от этого была очевидна на 5-ых российско-норвежских днях приграничного сотрудничества в ноябре 2015 г. Ни один из участвующих местных и региональных политиков не мог утверждать, что не знал о растущей волне беженцев, которые хлынули в Норвегию через Мурманск, Никель и Киркенес. Этот неожиданный поток людей лёг тяжёлым бременем на небольшие местные подразделения полиции в Киркенесе, занимающиеся приёмом и оформлением индивидуального статуса беженцев. Тем не менее, эти трудные времена в приграничье были пережиты обеими странами, что свидетельствует о ценности хорошо налаженного диалога между региональными и национальными властями стран в моменты, когда трудно найти решения эскалации кризиса.

В последнее время высокопоставленные представители норвежских и российских властей говорят о Крайнем Севере и Баренцевом регионе как о мирной территории, характеризующейся возможностью диалога и сотрудничества. Последнее было подчёркнуто на региональных конференциях в Норвегии в 2015–2017 гг. бывшим министром иностранных дел Норвегии Бёрге Бренде (Børge Brende) (за исключением 2015 г., когда во вступительном слове доминировали международный кризис, реакция на ситуацию в Крыму и участие России),⁹ и его преемником Ине Эриксен Сёрейде (Ine Eriksen Søreide) в 2018 г.¹⁰ Они выражали поддержку БЕАР и региональному сотрудничеству на севере во времена европейских и глобальных вызовов. Диалог между Норвегией и Россией продолжается на субнациональном уровне на севере и полностью соответствует нынешним норвежским либерально-консервативным правительственным инициативам относительно Крайнего Севера 2014¹¹ и

⁹ Brende B. Opening Address. Presentation at The Kirkenes Conference, February 4, 2015, February 10-11, 2016, and February 8-9, 2017, Kirkenes. Arr. Kirkenes Business Park.

¹⁰ Søreide Ine Eriksen. Opening Address. Presentation at The Kirkenes Conference, February 21, 2018, Kirkenes.

¹¹ Utenriksdepartementet (2014) Nordkloden. Verdiskapning og ressurser. Klimaendringer og kunnskap. Utviklingen i nord angår oss alle. Nordområdene. Statusrapport 2014. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/23843eabac77454283b0769876148950/nordkloden_rapport-red.pdf (дата обращения: 21.06.2017).

2017 гг.¹² Крайний Север остаётся в центре внешней политики и, согласно Стратегии 2017 г., зависит от взаимодействия внешней и внутренней политики, а также диалога между центром и периферией. Всё это контрастирует с общей политикой норвежских властей в отношении России, на которую сильно влияет ситуация на востоке Украины и осуждение её международным сообществом. Северные жители, знакомые с первым политическим «энтузиазмом» на Крайнем Севере, оценивая нынешнюю ситуацию, говорят об отсутствии интереса к северу Фенноскандии у центральных властей в Осло. Тем не менее, как указывалось выше, официальные политические декларации относительно Севера остаются позитивными.

Официальные российские источники в северных приграничных территориях также указывают на то, что основные принципы России по арктическим вопросам, утверждённые Кремлём в 2009 г., все ещё преобладают. Возможно, можно было бы сделать больше путём развития сотрудничества на Севере и в БЕАР, но интерпретация Москвой потенциальных угроз в этом районе немного изменилась после украинского кризиса и последующего введения санкций со стороны западных сообществ¹³. Нынешний представитель Российской Федерации в Киркенесе, Генеральный Консул С.В. Шатуновский-Бюрно¹⁴ и председатель Совета Баренцева Евро-Арктического региона Сергей Петрович неоднократно указывали на важность регионального сотрудничества¹⁵. С. Петрович заявил, что оно «остаётся устойчивым мирным проектом, который предоставляет нам значительные возможности». Подобное заявление подтверждает прозрачность и согласованность между российской официальной Арктической стратегией и тем, что сообщается на межрегиональных форумах с участием стран Северной Европы и России. Всё это способствует достижению консенсуса в отношении адекватности и стабильности на севере перед лицом «взлетов» и «падений» международных отношений. Баренцево-Евроарктический регион воспринимается не как статичная идея, а скорее как способная к развитию и переходу в другие географические условия, как динамичное «воображаемое сообщество» для укрепления доверия и содействия трансгранично-

¹² Utenriksdepartementet og kommunal- og moderniseringsdepartementet (2017). Nordområdemeldingen: Mellom geopolitikk og samfunnsutvikling. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/strategi_nord_2017_d.pdf (дата обращения: 27.06.2017).

¹³ Basics of the Russian Federation's State Policy in the Arctic for the Period until 2020 and for a Further Perspective. (Published on the Internet as appendix to:) Rossiyskaya Gazeta: Capital Release no. 4877, March 27 2009. URL: www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html (дата обращения: 15.10.2015) and Russian federation [2013] "Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian federation." URL: <http://iecca.ru/en/legislation/strategies/item/99-the-development-strategy-of-the-arctic-zone-of-the-russian-federation> (дата обращения: 01.09.2018).

¹⁴ Shatunovskiy-Byurno S. Russian Attitudes to Border Cooperation and Local Border Traffic Regime. Presentation given at Comparing Schengen Borderlands: Experiences from Slovakia-Ukraine and Norway – Russia. April 4th-6th 2017 in Kirkenes. Arr. UiT-The Arctic University of Norway, Campus Kirkenes and Slovak Foreign Policy Association. (2018) New Visa Regimes in the Barents Euro-Arctic Region and Beyond: Russian Views on Local Border Traffic (LBT). Presentation given at Grenseseminaret 2018, Barents Bygger Bro. Arr. UiT- Norges arktiske universitet, Kirkenes, Barentsinstituttet og institutt for reiseliv og nordlige studier 22. februar 2018.

¹⁵ Petrovich S. The Barents Region as a Model for International Cooperation. Presentation at *The Kirkenes Conference*, February 8-9, 2017. Kirkenes.

му сотрудничеству на севере и в других регионах мира [31, Hønneland G.; 32, Hønneland G.; 33, Anderson B.].

Увеличение трансграничного трафика через реорганизованное пограничное пространство: транспорт, инфраструктура и новые эффекты изменения визовых режимов

В результате сотрудничества в рамках БЕАР была задумана так называемая Баренцево-Евроарктическая транспортная зона (BEATA). Благодаря многосторонней работе был запущен план Баренцева транспорта, который привёл к солидным результатам, а общий энтузиазм проявился в координации строительства улучшенной трансграничной транспортной сети БЕАР¹⁶. Её главным приоритетом какое-то время было европейское шоссе E105 — дорога, соединяющая Россию и Норвегию в Субарктике. В ходе сотрудничества была улучшена слабо развитая инфраструктура пограничной станции E105. Новый мост Бёкфьорд (Bøkfjord Bridge) (268 м) через приграничную реку Пасвик и прилегающий к нему Трифонский тоннель (названный в честь русского православного монаха и миссионера XVI в. Святого Трифона Печенгского) был завершён на норвежской стороне E105 осенью 2017 г. Данный проект был назван самым заметным в дорожном строительстве в 2018 г. в Норвегии. Усовершенствованная часть E105 обошлась примерно в 875 млн норвежских крон (93 млн евро). Министр транспорта и коммуникаций Норвегии Кетиль Сольвик-Олсен (Ketil Solvik-Olsen) на открытии моста заявил, что «этот мост послужит взаимной выгоде бизнеса как в Норвегии, так и в России»¹⁷. Строительство моста Бёкфьорд (Bøkfjord Bridge) рассматривается как самый значительный результат трансграничного сотрудничества в БЕАР. После масштабных улучшений автодороги с российской стороны, новая трасса сократила расстояние между Киркенесом и Мурманском на 25 км. Несмотря на то что расходы с норвежской стороны были значительными, российский бюджет, вероятно, был ещё больше. Только 12 из 210 км трассы между Киркенесом и Мурманском находятся на норвежской стороне. Транспортное сообщение от пограничной станции до г. Заполярный в России было открыто уже осенью 2014 г. Несмотря на то, что новая трасса обошла г. Никель и соединила границу с Мурманском напрямую, вспомогательные дороги вокруг г. Никель были также недавно модернизированы.

Кроме того, BEATA привела в действие высокотехнологичную «умную» систему мониторинга дорог, которая в настоящее время тестируется на норвежской Баренц-территории между местечком Шиботтен (Skibotten) в Норвегии и Колари (Kolari) в Финляндии. Также примером «умных» транспортных маршрутов является трасса между г. Тромсё в Норвегии и Оулу в Финляндии. Система отслеживает транспорт и состояние дорог с помощью датчиков.

¹⁶ Naimak T. Fremtidig trafikkutvikling i nord. Paper presented at The Kirkenes conference, February 21, 2018. Kirkenes.

¹⁷ Nilsen T. Norway builds new bridge to Russia. *Independent Barents Observer*, May 19, 2017. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2017/05/norway-builds-new-bridge-russia> (дата обращения: 23.05.2017) and Bridge and new highway linking Norway and Russia officially opens. *Independent Barents Observer*, September 29, 2017. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2017/09/norway-opens-new-bridge-road-russia> (дата обращения: 01.08.2018).

Она обеспечивает безопасность транспорта и может способствовать более экологичным операциям за счёт сокращения использования энергии и снижения рисков дорожно-транспортных происшествий.

Большим препятствием для пересечения границы между Норвегией и Россией на индивидуальном уровне по-прежнему является визовый режим. Начиная с весны 2012 г. соглашение между двумя странами о МПД через шенгенскую границу Норвегии и России было основано на визовом регулировании, соглашение о котором было подписано норвежскими и российскими властями 2 ноября 2010 г.¹⁸ Учитывая, что на норвежской стороне только 9 тыс. жителей имеют право на получение МПД-визы, т. е. визы в пограничную зону, а 45 тыс. — на российской стороне, норвежцы чаще пользуются возможностью посетить своего соседа. На практике меньше людей может получить МПД визу на приграничной территории России, так как многие из-за своей принадлежности к военному сектору имеют только национальный паспорт.

Однако поскольку МПД-виза не является разрешением на работу или видом на жительство, получатели имеют доступ к довольно ограниченному набору мероприятий в ограниченном географическом районе. С другой стороны, приглашение не требуется, а процедура подачи документов на визу и при пересечении границы менее затратна и требовательна по сравнению со стандартной визовой процедурой. Российские гости могут въехать на соседнюю норвежскую территорию в 30 км от границы. Норвежцы могут посетить определённые места в пределах 30–50 км от границы, в том числе города Никель и Заполярный. МПД-виза действительна в течение трёх лет, а её потенциальные владельцы должны проживать в пограничной зоне более трёх лет. Жители третьих стран также могут подать заявку на МПД-визу.

С момента открытия визового режима МПД в 2012 г. и до апреля 2017 г. около 6 300 норвежцев получили подобную визу в Генеральном консульстве России в Киркенесе. А это составляет 70% всего населения, которому разрешено подавать заявки. Около 2 000–3 000 (40% всех держателей МПД-визы) норвежцев пользуются ей регулярно. Согласно опросу, проведённому автором в 2018 г., из более чем 60 подростков в возрасте от 14 до 15 лет в Киркенесе 70% посетили Россию, а 40% получали МПД-визу. 60% опрошенных посещали Россию ежегодно и неоднократно. 18,3% — пересекали российскую границу чаще 6 раз в год. 58 % участвовали в спортивных, культурных или муниципальных мероприятиях.

Однако лишь немногие из 50 человек, опрошенных в Печенгском районе в 2014 г., были обладателями МПД-визы с российской стороны¹⁹. Чаще всего потому, что поездка в ближайший визовый центр, расположенный в Генеральном Консульстве Норвегии в Мурманске, была слишком трудоёмкой и дорогостоящей. Проводя исследование, мы опрашивали школьников. Многие отдали приоритет домашним заданиям, но были бы не против

¹⁸ Det kongelige utenriksdepartement. Nordområdene. Visjon og virkemidler. St.melding 7. Melding til stortinget (2011–2012).

¹⁹ Интервью проведены в сентябре 2018г.; в них приняли участие учащиеся средних школ муниципалитета Сёр-Варангер (Норвегия) и Печенгского района (Россия).

трансграничных школьных обменов и проектов с норвежскими партнёрами. Только у одного учащегося из 21 опрошенного в Заполярном была МПД-виза, а ещё двое имели шенгенскую визу. Почти 30% опрошенных были в Норвегии. Россияне в целом предпочитают шенгенскую визу, а не МПД, потому что это даёт им больше свободы в путешествиях и посещении других европейских стран. К 2014 г. благодаря норвежским получателям МПД визы было насчитано более 45 тыс. пересечений границы, немного меньше в 2015 г., а затем снова увеличение в 2016 г., но всё ещё ниже уровня 2014 г.

Как в Норвегии, так и в России визовый режим МПД считается успешным, учитывая современные международные потрясения. В период, предшествующий обновлённому МПД-режиму, местные жители и владельцы магазинов в Киркенесе, а также некоторые сотрудники полиции выражали озабоченность по поводу возможного увеличения числа уголовных преступлений после него. Однако этого не произошло. Субарктический визовый режим МПД остаётся неизменным и успешным до сих пор, несмотря на напряжённость, вызванную в других странах событиями в Крыму и на Украине, последовавшие экономические санкции, взлёты и падения стоимости рубля, негативно сказывающиеся на пограничном бизнесе, драматическую ситуацию с беженцами на границе осенью 2015 г., а затем строительство пограничного заграждения на норвежской стороне в 2016 г. Однако случаи разведки и шпионажа и теперь мешают норвежско-российским отношениям на национальном уровне. Северное трансграничное сотрудничество, обмен в рамках БЕАР и визовый режим Сёр-Варангер (Sør-Varanger) — Печенга остаются действующими, несмотря на все сложности.

Дальнейшее расширение трансграничного сотрудничества и развитие туризма: российские власти в поисках новых возможностей в пограничье

Политические и административные инновации в Баренцевом приграничье, начиная с 2008 г., стимулировали дискуссию о необходимости дальнейшего улучшения инфраструктуры, облегчения таможенной практики, оптимизации пограничного регулирования, совместного использования расширенных возможностей пограничных станций для удовлетворения возросшего трансграничного движения более экономичными способами. К этому пограничному дискурсу вскоре присоединились местные и региональные власти Печенги, а также желание увеличить трансграничный туризм, соседствующее со страхом перед физическими опасностями, деградацией окружающей среды и социальными потрясениями, предусмотренными сценариями так называемого «общества риска» [34, Beck U.]. Печенгский район на границе России и Норвегии является интересным примером в западноевропейской перспективе. Изначально эта территория была «закрытой», затем постсоветской, напоминающей о «холодной войне», в промышленном отношении имеющей геополитические и военно-стратегические исторические корни. Первоначально эта территория использовалась для так называемого «тёмного» туризма, затем там стали проводить экскурсии, которые превратились в практику преподавания истории советского коллективного опыта с целью создания достойной жизни для удалённого сообщества в суровых природных условиях, «проекта»,

неизвестного для западного капитализма. По общему признанию, такие глубокие туристические впечатления от поездки в приграничье требуют от туриста непредвзятости и умения не только осматривать пейзажи, но и задавать вопросы, слушать гида и узнавать что-то новое. Пограничье также может предложить катание на лыжах по склонам, спа и рыбалку на отдалённых реках и протоках в тундре [35, Haugseth P., Wråkberg U.; 36, Ilkevich S., Stroemberg P.].

В целом российская Арктика ассоциируется с суровым климатом, открытыми пространствами для активного отдыха, приключениями, дикой природой, богатым культурным наследием и постсоветскими воспоминаниями, окружающими ветхие сооружения списанных военных форпостов [37, Wråkberg U.]. Несколько раз с момента пересечения российско-норвежской границы в 2011 г. в Печенгском районе прошла экскурсия с гидом по потенциальным региональным туристическим объектам. В сотрудничестве с местными российскими гидами было выявлено много потенциальных качественных достопримечательностей норвежско-российской границы. История коренных народов, восточных Саами в частности, богатое культурное наследие и советские памятники символизируют гораздо больше, чем просто деградацию окружающей среды, за которой некоторые современные посетители не могут ничего увидеть. Здесь, как и во многих других местах, посещение мемориалов Второй мировой войны занимает центральное место. Большое значение для паломничества имеет восстановленный монастырь Святого Трифона Печенгского в Луостари. Настоящее исследование выявило несколько интересных и доступных достопримечательностей, на которых может основываться развитие туризма с акцентом на северную культуру [35, Haugseth P., Wråkberg U.; 38, MacCannel D.].

Печенгский монастырь — это не только религиозный символ, являющийся очевидно привлекательным для туристов благодаря своей впечатляющей архитектуре, он также свидетельствует о том, что российские власти в рамках процесса регулирования МПД смогли открыть многие объекты, ранее недоступные в пределах ограниченного военного сектора, для посещения иностранцами и россиянами, не являющимися жителями Печенгского района. Тем не менее Печенгский монастырь расположен в конце этой модифицированной МПД-зоны, и ни один норвежский посетитель не может продолжить движение на восток в сторону Мурманска после Луостари / Корсуново, потому что как только вы прошли дорогу к этому поселению (которая была закрыта для всех иностранцев до мая 2012 г.), вы пересекли линию зоны МПД.

С 2012 г. администрация Печенги и местные предприниматели продвигают идею перемещения тысяч краткосрочных пассажиров круизных судов и других туристов через границу с Норвегией на туристические направления в пределах своего района. Но затраты на выдачу туристических виз и сроки, обычно устанавливаемые на них, все ещё делают это невыполнимым. Но всё может измениться. 22 июля 2016 г. российские власти открыли 72-часовой безвизовый режим для посещения Мурманска и Архангельска. Пользоваться этим режимом могут в будущем смогут туристы, останавливающиеся в Киркенесе во время круиза

с норвежской компанией «Hurtigruta». Пока не ясно, предложат ли такой режим тем, кто посещает Киркенес всего на 3 часа, что позволяет совершить очень короткую дневную поездку в близлежащий район Русской Печенги. Азиатские туристы уже находят пути как в Северную Норвегию, в Киркенес, так и в российскую Северо-Западную Арктику через Мурманский аэропорт; никогда ещё в истории Русский Север не был настолько доступен для международного туризма [39, Ashutova T., Belevskikh T., Shestova Y.].

Постепенно воплощаются планы по расширению маршрута компании «Hurtigruta», которая традиционно соединяет Берген на юго-западе Норвегии с Киркенесом и проходит вдоль норвежского побережья, за счёт пунктов назначения в российском Баренцевом регионе. С осени 2019 г. круизные линии будут отправляться из Тромсё, идти на восток через Киркенес, включать в себя территории арктического архипелага Земля Франца-Иосифа и заходить в гавань г. Мурманска²⁰.

Заключение

Развитие приграничных районов Норвегии и России в условиях Крайнего Севера зависит от межгосударственных отношений и растущего интереса современного мира к Северу. Норвежские и российские власти в конечном итоге стали относиться к своим районам Крайнего Севера по-новому, обнаружив свои политические амбиции, интерес и обязательства по развитию этих территорий.

Изучению того, как процесс государственного и субгосударственного взаимодействия способствует эффективной выработке инструментов трансграничного сотрудничества на Крайнем Севере, способствует понятие «парадипломатия» или «регионально-государственная дипломатия». Данная концепция пролила свет на взаимодействие внутренних и внешнеполитических инструментов, применяемых в рамках межгосударственного взаимодействия, что в конечном итоге открыло путь к более эффективному сотрудничеству через национальные государственные границы. Автор утверждает, что спустя 10 лет после того, как норвежское и российское правительства изменили свои подходы к северным районам посредством инновационных мер, улучшилось, в частности, взаимодействие в Баренцевом Евроарктическом регионе (БЕАР). Города, муниципалитеты и их население сегодня более открыты и имеют в своём распоряжении больше инструментов трансграничного сотрудничества на законных основаниях и могут активнее в нём участвовать. Ранее закрытые места в приграничных районах России стали открыты и доступны для норвежских посетителей. Для иллюстрации важности регионального взаимодействия между государствами и субгосударственными образованиями были представлены тематические исследования и соответствующие дискурсы. Особенно это касается новых возможностей, которые оказались успешными в плане изменения баланса традиционных отношений между центром и периферией в

²⁰ Hurtigruta. Norge, Murmansk, Frans Josefs land — Seil nord for 80° til det russiske Arktis. URL: <https://www.hurtigruten.com/destinations/russia/> (дата обращения: 26.05.2018).

пользу региональных инициатив, и которые хорошо вписываются в основные национальные интересы. В статье сделан максимально возможный обзор некоторых небольших шагов в практике региональной субгосударственной дипломатии, шагов, которые слишком часто игнорируются в большинстве геополитических обобщений. В связи с этим были проведены эксперименты в области новых политических коммуникаций на севере, брендинга Крайнего Севера через официальные документы и переноса видения новых индустриально-экономических Hi-Tech-сценариев с государственного на региональный уровень. Кроме того, масштабные видения малого, материализующиеся в виде МПД-режима, частично сформировали новые трансграничные форумы, которые в конечном итоге сосуществуют с дискурсами по содействию транспорту, развитию дорожной сети и инфраструктуре пограничья. Всё это также изменило наше географическое воображение и превратилось в новые формы туризма и развития туристических направлений.

Было установлено, что двусторонние обсуждения как масштабных, так и менее крупных планов трансграничного сотрудничества имеют большое значение, поскольку они разрабатываются в рамках регулирования центром национальной стратегии и осуществляются региональными и местными политиками и заинтересованными сторонами. Недавние инициативы по трансграничному сотрудничеству позволяют вспомнить о важности неформальных, личных способов сотрудничества. Это способствует отношениям Норвегии и России и может дополнительно укрепить их стабильность.

Нам удалось получить представление о том, каким образом «Новый Север» и его «многоуровневое глобальное управление» осуществлялись в малом масштабе, на местных периферийных участках. Преимущества и надёжность этой практики управления очевидны только в том случае, если изучать их на местах, то есть на Крайнем Севере норвежско-русской границы.

Учитывая геоэкономические изменения на европейской и глобальной арене в последние годы, можно сделать вывод о том, что благоприятный местный и региональный этос остается неизменным, поскольку он существует в рамках давних хороших традиций приграничного взаимодействия, региональной торговли, путешествий, культурных и личных контактов и туризма. Преемственность в этой деятельности свидетельствует об уникальной традиции обмена и партнёрства на перекрёстке Европейского Севера.

Благодарности и финансирование

Приведённые в статье авторские исследования были поддержаны: Норвежским Исследовательским фондом, проект «Research Days»: «Взросление в Баренцевом Евроарктическом регионе» (2018), Норвежским Региональным Исследовательским Фондом в рамках проекта «Города-близнецы Никель и Киркенес в Баренцевом Евроарктическом регионе (2013–2017)». Автор благодарен коллегам по проекту, Ольге Иванищевой и Урбану Врокбергу. Комментарии и предложения последнего позволили заметно улучшить статью.

Литература / References

1. Soldatos P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1990, pp. 34–53.
2. Duchacek I. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations. *Federalism and International Relations. The Role of Subnational Units*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1990, pp. 1–34.
3. Duchacek I., Latouche D., Stevenson G. *Perforated Sovereignties and International Relations: Trans-Sovereign contacts of Subnational Governments*. Westport (CT): Greenwood Press Publ., 1988.
4. Michelmann H.J., Soldatos P. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1990.
5. Aldeco F., Keating M. *Paradiplomacy in Action. The Foreign Relations of Subnational Governments*, London: Frank Cass Publ., 1999.
6. Majeed A., Watts R.L., Brown D.M. *Distribution of Powers and Responsibilities in Federal Countries: A Global Dialogue on Federalism*, Volume 2, Montreal, QC: McGill-Queen's University Press Publ., 2006.
7. Joenniemi P., Sergunin A. Paradiplomacy as Capacity Building Strategy: The Case of Russia's North-western Subnational Actors. *Problems of Post Communism*, 2014, vol. 61, no. 6, pp. 18–33.
8. Jackson T. Paradiplomacy and Political Geography: The Geopolitics of Substate Regional Diplomacy. *Geography Compass*, 2017, no. 12, pp. 1–11.
9. Crikemans D. Introduction. In *Regional Sub-State Diplomacy*. Eds. Crikemans. D. Leiden: Martinus Nijhof Publishers, 2010, pp. 1–9.
10. Boyer M. Moving Targets: Understanding Diplomacy and Negotiation in a Globalizing System. *The International Studies Review*, 2001, vol. 3, pp. 91–99.
11. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions, *International Negotiation*, vol. 7, no. 1, 2002.
12. Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester: John Wiley & Sons Publ., 1995.
13. Berkaak O.A., Frønes I. *Tegn, Tekst og Samfunn*. Oslo: Abstrakt forlag Publ., 2005.
14. Geertz C. *The Interpretation of Culture*. New York: NY, Basic Publ., 1973.
15. Hønneland G., Jensen L.F. *Den Nye Nordområdepolitikken. Barentsbilder etter Årtusenårsskiftet*. Bergen: Fagbokforlaget Publ., 2008.
16. Hønneland G., Rowe L. *Nordområdene — Hva nå?* Trondheim: Tapir akademisk forlag Publ., 2010.
17. Hønneland G. *Arktiske Utfordringer*. Kristiansand: Høyskoleforlaget Publ., 2010.
18. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Cambridge: Polity Press Publ., 1999.
19. Talbott S. Globalization and Diplomacy: A Practitioner's Perspective. *Foreign Policy*, 1997, no. 108, pp. 68–83.
20. Angell E., Eikeland S. & Selle P. Utfordringer sett fra nord. *Nordområdepolitikken Sett fra Nord*. Bergen: Fagbokforlaget Publ., 2010, pp. 15–38.
21. Larsen T. *Den Globale Samtalen: Om Dialogens Muligheter*. Oslo: Scandinavian University Press Publ., 2009.
22. Jensen L.C., Skedsmo P.A. Approaching the North: Norwegian and Russian Foreign Policy Discourses on the European Arctic. *Polar Research*, 2010, no. 29, pp. 439–450.
23. Laruelle M. *Russia's Arctic Strategies and the Future of the Far North*. New York: M.E. Sharpe Publ., 2014.
24. Konyshev V., Sergunin A., Subbotin S. Russia's Arctic Strategies in the context of the Ukrainian crisis. *The Polar Journal*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 104–124.
25. Bassin M., Ely C., Stockdale M.K. Introduction: Russian Space. *Space, Place, and Power in Modern Russia: Essays in the New Spatial History*. Illinois: Northern Illinois University Press Publ., 2010, pp. 3–19.
26. Kinossian N. Stuck in Transition: Russian Regional Planning Policy between Spatialization Polarization and Equalization. *Eurasian Geography and Economics*, 2013, no. 54 (5–6), pp. 611–629.

27. Browning C.S. The Internal / External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad. *Alternatives*, 2003, no. 28, pp. 545–581.
28. Allison R., Light M., White S. *Putin's Russia and the Enlarged Europe*. London: Blackwell Publ., 2006.
29. Prozorov S. Border Regions and the Politics of EU-Russian Relations: The Role of the EU in Tempering and Producing Border Conflicts. *Working Papers in EU Border Conflicts Studies*, no. 3. Birmingham: University of Birmingham, Department of Political Science and International Studies, 2004.
30. Mankoff J. *Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 2012.
31. Hønneland G. *Barentsbrytninger: Norsk Nordområdepolitikk etter den Kalde Krigen*. Kristiansand: Høyskoleforlaget Publ., 2006.
32. Hønneland G. *Borderland Russians: Identity, Narrative and International Relations*. Houndmills: Palgrave Macmillan Publ., 2010.
33. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
34. Beck U. *The Reinvention of Politics: Rethinking Modernity in the Global Social Order*. Cambridge: Polity Press Publ., 1997.
35. Haugseth P., Wråkberg U. Tourism Experiences of the Post-Soviet Arctic Borderland. *Arctic Tourism Experiences: Production, Consumption and Sustainability*. Wallingford: CABI, 2017, pp. 181–190.
36. Ilkevich S., Stoemberg P. Arctic Tourism in Russia: Attractions, Experiences, Challenges and Potentials. *Arctic Tourism Experiences: Production, Consumption and Sustainability*. Wallingford: CABI Publ., 2017, pp. 169–180.
37. Wråkberg U. Science and Industry in Northern Russia in Scandinavian Perspective. *Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region — Norden Beyond Borders*. Farnham: Ashgate, 2013, pp. 195–223.
38. MacCannel D. *The Tourist: A new Theory of the Leisure Class*. Berkeley: University of California Press, Academic Press, 1999.
39. Ashutova T., Belevskikh T., Shestova Y. *International cooperation in professional training for the tourism industry in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR)*. Unpublished book manuscript.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК: [316.334.23:334.722](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.157

Социокультурные и социально-психологические факторы предпринимательского потенциала в российской Арктике *

© **МАКСИМОВ Антон Михайлович**, кандидат политических наук, доцент

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова РАН, Архангельск, Россия

© **УХАНОВА Анна Вячеславовна**, научный сотрудник

E-mail: karmy-anny@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова РАН, Архангельск, Россия

© **СМАК Татьяна Сергеевна**, начальник аналитического отдела

E-mail: smaktanya@gmail.com

ГАУ АО «Центр изучения общественного мнения», Архангельск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы зависимости предпринимательского потенциала населения от ценностных ориентаций, понимаемых как поведенческие императивы той или иной культуры. В тексте статьи предпринимательство рассматривается прежде всего как социально-психологическое и социокультурное явление. Предпринимательство как социально-психологический феномен рассмотрено в свете теорий поведенческой экономики; как социокультурный — с опорой на исследовательскую традицию, заложенную М. Вебером. Авторы постулируют тезис об определяющем характере влияния системы ценностей, доминирующей в определённом обществе, на уровень предпринимательского потенциала. Авторами кратко изложены основные подходы к измерению ценностей в социальных науках, в частности, подходы М. Рокича, Р. Инглхарта, Г. Хофстеде и Ш. Шварца. Представлена в общих чертах ситуация с развитием предпринимательства в регионах российской Арктики, показаны специфические проблемы, с которыми сталкивается бизнес на территориях Арктической зоны Российской Федерации. Подчёркивается уникальность российской Арктики как историко-культурного макрорегиона, на основе чего выдвигается гипотеза об особых социокультурных условиях развития арктического предпринимательства по сравнению с другими территориями страны, проявляющихся в первую очередь в специфической системе ценностных ориентаций. Предлагается синтез методологий М. Рокича, Р. Инглхарта и Ш. Шварца для комплексного изучения системы ценностей жителей Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: *предпринимательство, предпринимательский потенциал, ценностные ориентации, поведенческая экономика, российская Арктика.*

* Для цитирования:

Максимов А.М., Уханова А.В., Смак Т.С. Социокультурные и социально-психологические факторы предпринимательского потенциала в российской Арктике // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 157–177. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.157

For citation:

Maksimov A.M., Ukhanova A.V., Smak T.S. Sociocultural and socio-psychological factors of entrepreneurial potential in the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 157–177. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.157

Sociocultural and socio-psychological factors of entrepreneurial potential in the Russian Arctic

© Anton M. MAKSIMOV, Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia

© Anna V. UKHANOVA, Researcher

E-mail: karmy-anny@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia

© Tatiana S. SMAK, Head of analytical department

E-mail: smaktanya@gmail.com

The Public opinion research center, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article discusses the theoretical problems of the entrepreneurial potential of the population on value orientations dependence, understood as the behavioral imperatives of a particular culture. The text of the article considers entrepreneurship primarily as a socio-psychological and sociocultural phenomenon. Entrepreneurship as a socio-psychological phenomenon is considered in the context of theories of behavioral economics, but as a sociocultural - based on the research tradition established by M. Weber. The authors postulate a thesis on the determining nature of the influence of the value system that dominates in a particular society on the level of entrepreneurial potential. The authors briefly set out the main approaches to the measurement of values in the social sciences, in particular, the approaches of M. Rokeach, R. Inglehart, G. Hofstede and S. Schwartz. The situation with the development of entrepreneurship in the regions of the Russian Arctic is presented in general terms, the specific problems that businesses face in the Arctic zone of the Russia are shown. The uniqueness of the Russian Arctic as a cultural macro-region is emphasized, on the basis of that a hypothesis is put forward about the special sociocultural conditions for the development of Arctic entrepreneurship compared to other territories of the country, manifested primarily in a specific system of values. Authors propose a synthesis of the methodologies M. Rokeach, R. Inglehart and S. Schwartz for a comprehensive study of the Russian Arctic' inhabitants value system.

Keywords: *entrepreneurship, entrepreneurial potential, value orientations, behavioral economics, the Russian Arctic.*

Введение

В Послании Президента Российской Федерации к Федеральному собранию 1 марта 2018 г. малое предпринимательство названо в числе одного из четырёх масштабных резервов экономического роста страны. В докладе подчёркивается необходимость повышения доступности кредитования бизнеса, снижения административного давления, формирования собственных цифровых платформ, упрощения налоговой отчётности, обеспечения малых предприятий современными профессиональными кадрами, создания благоприятной среды для стартапов. В рамках государственной программы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» на реализацию этих и других направлений развития предпринимательства в 2018 г. выделено более 15 млрд руб. Это подтверждает тот факт, что государственные органы власти рассматривают малый бизнес в качестве одной из основ обеспечения высоких темпов экономического роста страны.

Тем не менее, несмотря на регулярно ставящиеся амбициозные задачи и прилагаемые усилия по развитию малого бизнеса, невысокий вклад малого предпринимательства в создание валового внутреннего продукта по-прежнему остаётся отличительной характеристикой российской экономики. По данным Росстата, доля валовой добавленной стоимости

малых предприятий в ВВП страны в 2015 г. составила 13,8%. При этом в период с 2004 по 2015 гг. данный показатель не демонстрировал значительных изменений, находясь в пределах от 11,9 до 15,1%¹. Для сравнения в Европейском союзе (ЕС) по состоянию на начало 2014 г. вклад малого предпринимательства в ВВП стран ЕС составил 57% [1, Слесарева Е.А., Терская Г.А.].

Говоря о вкладе малого предпринимательства в экономику России, необходимо помнить, что Российская Федерация представляет собой сложное соединение регионов, значительно дифференцированных по уровню социально-экономического развития, географическому положению, природно-климатическим особенностям, культурным характеристикам. Так, число малых предприятий в расчёте на 10 000 человек населения в субъектах РФ в 2016 г. различалось более чем в 17 раз (от 26 в Республике Дагестан до 444 в Санкт-Петербурге)². С этой точки зрения высокую актуальность приобретают исследования, концентрирующие своё внимание на вопросах развития малого предпринимательства в региональном аспекте, учитывающие природно-географические, экономические и социокультурные особенности территории.

Предпринимательство на территориях российской Арктики

Если обратиться к рассмотрению основных направлений региональных исследований последних лет, то следует отметить значительный рост интереса к вопросам развития российских макрорегионов, в частности Дальнего Востока и Арктики. Во многом эти тенденции связаны с обращением пристального внимания федерального центра на данные территории. Но если на Дальнем Востоке новый виток развития уже запущен и получены первые результаты (по состоянию на 2017 г. на долю ДФО приходится четверть всех иностранных инвестиций России, действуют 13 территорий опережающего развития, наблюдается значительное превышение среднероссийских темпов роста промышленного, сельскохозяйственного производств, строительства³, то Арктике лишь предстоит ощутить на себе все положительные моменты пионерного и реконструктивного освоения её обширных территорий.

Особая роль в данных процессах, несомненно, должна принадлежать малому предпринимательству. Так, в работе научных сотрудников Архангельского научного центра УрО РАН количественное и качественное развитие малого и среднего бизнеса на территориях российской Арктики считается одним из важнейших показателей системы оценки результативности региональной социально-экономической политики [2, Проворова А.А. и др., с. 61]. По мнению одного из ведущих отечественных североведов А.Н. Пилясова, диалектика освоения Арктики обуславливает ответственность арктического предпринимательства за под-

¹Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1163082> (дата обращения: 16.07.2018).

²Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

³Основные результаты работы Минвостокразвития России за 2017 год. URL: <https://minvr.ru/press-center/mediagallery/14704/> (дата обращения: 09.07.2018).

держание освоённости территорий в длительной перспективе, а также его сближение с социальным предпринимательством. Первое объясняется тем, что в периоды изменения условий (падение цен на основной вид продукции, экономические санкции) происходит крах или как минимум потеря стабильности крупных ресурсных корпораций, составляющих основу арктической экономики, и тогда на смену эпохе «суперорганизаций» приходит эпоха предпринимательства. Большая социальная роль арктического предпринимательства заключается в преодолении «коллективной незащищённости», проистекающей из факта проживания в районах с неблагоприятными условиями. Предприниматели здесь поддерживают определённый уровень жизни людей: доставляют товары и оказывают услуги первой необходимости в удалённых районах, создают объекты коммунально-бытовой инфраструктуры общего пользования, предоставляют транспортные услуги и так далее. Всё это позволяет А.Н. Пилясову выделить арктическое предпринимательство в отдельную категорию. При этом автор отмечает слабое внимание как государственных деятелей и представителей общественных организаций, так и учёных к этому феномену [З, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю.].

Говоря об арктическом предпринимательстве, необходимо отметить его недостаточную степень развития в сравнении со среднероссийским уровнем, о чём свидетельствуют официальные статистические данные. Так, в регионах, чьи территории полностью или частично относятся к Арктической зоне Российской Федерации (далее АЗРФ), коэффициент рождаемости организаций ниже российского в среднем на 25%⁴, а число малых предприятий в расчёте на 10 000 человек населения и удельный вес занятых на малых предприятиях — почти на 30%⁵. Для того чтобы разобраться в причинах этого явления, необходимо выявить основные факторы, влияющие на развитие малого предпринимательства в субъектах АЗРФ.

Результаты исследования российского сектора малого и среднего предпринимательства, представленные в Докладе 2015 г., показывают, что ключевыми проблемами его развития выступают:

- нестабильность законодательства в сфере налогового и финансового регулирования;
- ограниченность доступа к источникам финансирования деятельности: высокая стоимость финансовых ресурсов, недостаток долгосрочных инвестиционных средств, жёсткие требования к заёмщику, длительные сроки рассмотрения заявок;
- сохранение административных барьеров;
- ограниченность рынков сбыта продукции: невозможность конкуренции с крупными предприятиями и государственными компаниями в отдельных секторах экономики, проблемы доступа к государственному заказу и закупкам субъектов есте-

⁴Расчёты авторов по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33753> (дата обращения 09.07.2018).

⁵Расчёты авторов по данным Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

ственных монополий и компаний с государственным участием, проблемы выхода на внешние рынки⁶.

Перечисленные проблемы в большей или меньшей степени актуальны для всей территории РФ и не объясняют региональных различий в развитии сектора малого предпринимательства. С этой точки зрения особый интерес представляют региональные условия и особенности арктических регионов. Обобщение и систематизация взглядов ведущих экономистов-североведов [4, Витязева В.А.; 5, Жиделева В.В.; 6, Пилясов А.Н.; 7, Лаженцев В.Н.] позволяет выделить следующие факторы, тормозящие развитие малого предпринимательства в Российской Арктике:

- низкая транспортная доступность и удаленность арктических регионов: наблюдается значительное отставание территорий АЗРФ от арктических территорий ведущих зарубежных стран как по скорости доставки грузов, так и по плотности дорожной сети, что негативно сказывается на конкурентоспособности предприятий и увеличивает долю транспортной составляющей в себестоимости продукции (до 60% стоимости конечного продукта) [8, Шпак А.В.];
- высокие расходы на отопление и электроэнергию. Отопительный сезон в Арктике на 2–3 месяца длиннее, чем в городах центральной и южной части страны⁷. Схожая ситуация наблюдается с тарифами на электроэнергию: в Чукотском автономном округе по состоянию на 1 июля 2018 г. зафиксированы самые высокие в России тарифы — 8,2 рубля за кВт*ч. Также выше, чем в стране в целом, стоила электроэнергия в Республиках Коми и Саха (Якутия), Архангельской области и Ненецком автономном округе⁸;
- необходимость реализации северных гарантий и компенсаций работникам, которые заметно увеличивают расходы на оплату труда в себестоимости продукции.

Система факторов, определяющих возможности развития малого предпринимательства в регионах Арктики, была бы неполной, если бы включала в себя лишь набор объективных условий и предпосылок (экономических, климатических, институциональных и др.). Изменение во второй половине XX в. вектора исследований процесса принятия экономических решений привело к развитию нового направления экономической науки — поведенческой экономики и, как следствие, смене модели «рационального человека» на модель «альтернативного человека». Если первая предполагала, что экономические субъекты в основе своей рациональны и нацелены на максимизацию полезности и прибыли, то вторая — ищет объяснение экономическому поведению индивидуума не в изменении внешних условий его деятельности, а в первую очередь в самом человеке, его внутреннем мире [9, Журавлева Г.П. и др., с. 21–22].

⁶ Доклад о состоянии и развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в 2014–2015 годах. Министерство экономического развития Российской Федерации. М., 2016. URL: http://smb.gov.ru/files/images/Doklad_Minekonomrazvitiya_za_2014-2015_gg.pdf (дата обращения: 16.07.2018).

⁷ СНиП 23-01-99 «Строительная климатология». URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200004395> (дата обращения: 16.07.2018).

⁸ Карта тарифов на электроэнергию с 1 июля 2018 года. URL: <https://energo-24.ru/tariffs/electro/2018-elektro.html> (дата обращения: 16.07.2018).

Предпринимательский потенциал в свете идей поведенческой экономики

Основы поведенческой экономики были заложены известными психологами Д. Канеманом и А. Тверски. В получившей наибольшую известность статье «Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска» [10, Kahneman D., Tversky A.] авторы сделали неожиданные для классической экономической теории выводы о различной реакции людей на выигрыш и потерю одной и той же суммы денег, а также о принятии во внимание при оценке вероятности определённых событий, существующих в обществе заблуждений и стереотипов. Это противоречило господствующей в то время концепции рационального поведения, однако подчеркнуло необходимость более глубокого исследования человеческого фактора в экономическом поведении людей, в том числе их предпринимательской активности.

Американские ученые Д. Макклелланд и Д. Аткинсон [11, McClelland D., Atkinson J.] разработали теорию мотивации достижения успехов в различных видах деятельности. Согласно ей, люди, мотивированные на успех, более решительны, смелы, мобилизуют все свои силы и ресурсы на достижение поставленных целей, стремятся в обязательном порядке добиться успеха и получить одобрение. Другой тип людей — мотивированные на избегание неудач — часто неуверенные в себе и своих силах, боятся критики, не верят в достижение успеха. Очевидно, что такие люди даже при создании для них максимально благоприятных внешних условий не станут заниматься предпринимательской деятельностью.

Особого внимания заслуживает теория трансгрессии польского экономиста Ю. Козелецкого [12, Козелецкий Ю.]. Трансгрессия — это стремление человека к систематическому преодолению имеющихся результатов и достижений. Трансгрессия напрямую связана с присутствием у человека губристической мотивации — стойким стремлением человека к подкреплению и повышению самооценки, самоутверждению и соперничеству. Легко предположить, что чем выше губристическая мотивация человека, тем больше его шанс стать успешным предпринимателем. Данный тезис подтверждается исследованиями и других учёных: как отечественных, так и зарубежных. В частности, известный психолог В.Н. Дружинин отмечает, что предприниматели характеризуются высокой потребностью в самореализации и самоутверждении⁹, а австрийско-американский экономист, политолог и социолог Й. Шумпетер выделяет в качестве основных мотивов предпринимательской деятельности потребность во власти и стремление к успеху, достигнутому в борьбе с соперниками [13, Шумпетер Й.].

Среди других важнейших личностных особенностей как потенциальных, так и действующих предпринимателей выделяются:

- способность нести риск [14, Найт Ф.Х.];
- способность к реализации нововведений, новаторству [13, Шумпетер Й.];
- высокий уровень интернальности [15, Rotter J.].

⁹ Дружинин В.Н. Феноменология предпринимательства: синтез экономического и психологического аспектов. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/drujinina_psi/ (дата обращения: 16.07.2018).

Отдельно необходимо отметить исследования В. Зомбарта [16, Зомбарт В.], который ввёл в науку термин «предпринимательский дух» — комплексное понятие, включающее в себя готовность к риску, духовную свободу, богатство идей, волю и настойчивость, умение соединять людей для совместной работы. Несколько позже Г. Пинчот [17, Pinchot G., с. 28–48] вводит в употребление понятие «предприимчивость», под которым понимает синтез качеств, умений, способностей человека, позволяющих ему находить и использовать лучшее сочетание ресурсов для производства, реализации товаров, работ и услуг, принимать нестандартные, но рациональные решения даже в условиях неопределенности, создавать условия для разработки инноваций и создавать их самому, доводить до реализации новшества, идти на допустимый и оправданный риск.

Социально-психологические и социокультурные предпосылки предпринимательства

Приписываемые предпринимателям качества, очевидно, отражают не только и не столько особенности их темперамента и / или интеллекта, сколько их отношение к окружающему миру, социальным институтам, культурным традициям и общепринятым жизненным целям и ценностям. В социальной психологии такого рода отношение традиционно описывается в терминах установки (аттитюда), диспозиции и ценностной ориентации. Хотя эти категории и отличаются друг от друга в смысловом отношении, однако к настоящему времени имеется представление об их тесной взаимосвязи [18, Алишев Б.С., с. 46–47]. Так, например, В.А. Ядов с коллегами полагают, что установки и ценности отличаются лишь степенью генерализации, являясь уровнями целостной системы диспозиций [19, Саморегуляция, с. 35–37]. Схематично её иерархическую структуру можно представить следующим образом:

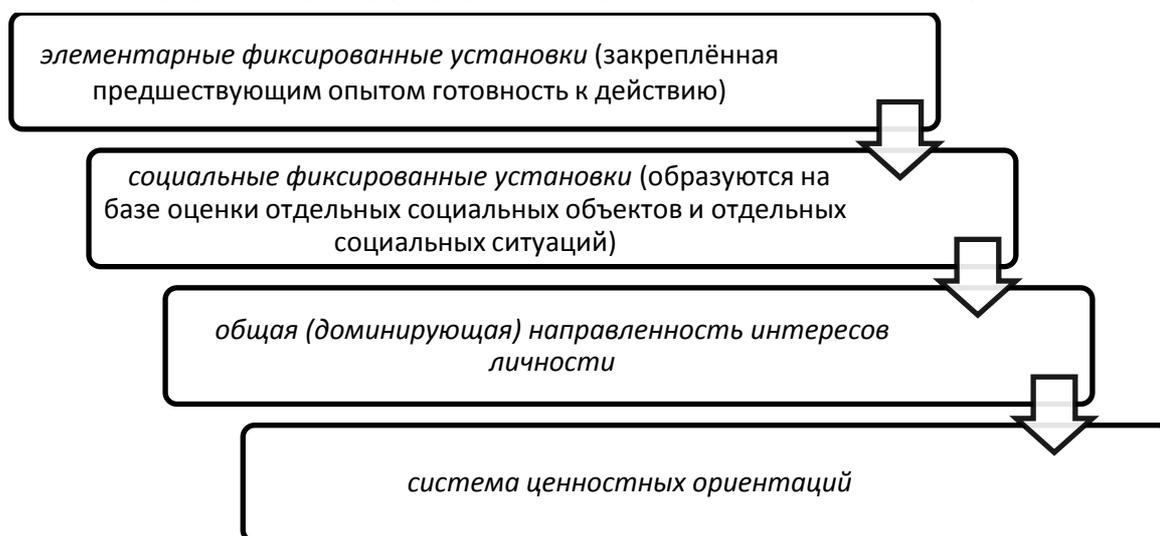

Рис. 1. Иерархическая структура диспозиций личности (по В.А. Ядову).

В этой иерархии диспозиции высшего уровня отражают предрасположенность к идентификации с той или иной областью социальной (в том числе профессиональной) деятельности («общая направленность интересов личности») и значимые цели жизнедеятельности и средства их достижения («ценностные ориентации») [19, Саморегуляция, с. 36].

Предпринимательство в его субъективном измерении — это сложный когнитивно-поведенческий комплекс, а принципы жизнедеятельности предпринимателя являются продуктом длительного процесса социализации в специфической культурной среде. Следовательно, предпринимательские качества, склонность к предпринимательской деятельности есть не что иное, как результат интериоризации определённых ценностей, циркулирующей в социокультурной среде, в которую индивид интегрируется. Это означает, что гипотетически при прочих равных условиях, связанных с уровнем развития экономических институтов, именно различия в культуре будут определять различия в уровне предпринимательской активности и предпринимательского потенциала в разных странах или культурно несхожих регионах одной и той же страны.

Одним из первых, кто предпринял попытку обосновать связь между культурной средой (в частности, системами ценностей, выраженных в конкретных религиозных доктринах) и особенностями экономического поведения, включая предпринимательское, стал М. Вебер. В частности, именно он обосновал тезис о том, что трудовая этика протестантизма способствовала большему «экономическому рационализму», и как следствие, более высокому уровню развития предпринимательства в странах с преимущественно кальвинистским населением [20, Вебер М., с. 67–69, 204–206].

Специалист в области кросскультурных исследований Р.Д. Льюис в своей книге «Деловые культуры в мировом бизнесе» доказывает, что культура представляет собой коллективное программирование мышления группы людей, выражающееся в устойчивых ценностях, верованиях и моделях общения, которые напрямую влияют на поведение человека, в том числе экономическое» [21, Льюис Р.Д.].

Среди исследований отечественных ученых обращает на себя внимание работа Н.И. Лапина «Пути России: социокультурные трансформации» [22, Лапин Н.И.]. В ней автор выделяет два типа общества, в которых господствуют либо традиционные, либо либеральные ценности. В обществе второго типа приоритет отдаётся свободе и возможностям для реализации инноваций, что является необходимым условием развития предпринимательства.

Предпринимательский потенциал в контексте исследований ценностей

Болгарские исследователи И.Г. Гарванов и М.З. Гарванова предлагают классифицировать подходы к измерению ценностей на структурно-энергетичные и структурно-содержательные [23, Гарванова М.З., Гарванов И.Г., с. 16]. В первом случае, каждая ценность оценивается не сама по себе, а по отношению к другим ценностям, то есть как единица иерархически выстроенной системы ценностей. При этом иерархия ценностей рассматривается как результат количественных соотношений между интенсивностями приверженности отдельным ценностям. К классу структурно-энергетичных теорий авторы относят подход М. Рокича и Р. Инглхарта [23, Гарванова М.З., Гарванов И.Г., с. 5–7]. Во втором случае, в одну группу объединяются теории, которые постулируют доминирование в культуре того или ино-

го общества определённых семантически связанных ценностей, представляющих один из полюсов ценностных дихотомий (коллективизм и индивидуализм, открытость новациям и консервативность и тому подобное). К числу этих теорий авторы относят подходы Г. Хофстеде и Ш. Шварца [23, Гарванова М.З., Гарванов И.Г., с. 8–15]. Кратко осветим специфику каждой из перечисленных теорий ценностей.

Согласно М. Рокичу, ценности представляют собой устойчивые убеждения о предпочтительных способах поведения или конечных жизненных целях. Его методика, таким образом, предполагает разделение ценностей на два класса: терминальные, отражающие целевые установки индивидов (то, чего они хотят достигнуть), и инструментальные, через которые выражается представление об одобряемых средствах достижения жизненных целей [24, Rokeach M.]. Всего им было выделено 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей, охватывающих разнообразные аспекты жизнедеятельности людей¹⁰. Ранжирование респондентами этих ценностей отражает, по М. Рокичу, структуру ценностных систем индивидов.

Р. Инглхарт, как один из инициаторов международного проекта World Values Survey, является ведущей фигурой в области исследования ценностей и убеждений. Он указывает на диалектическую связь между культурными и ментальными характеристиками национальных и региональных сообществ и существующими в них экономическими институтами. Одна из продуктивных гипотез учёного связана с идеей, что межпоколенческие изменения в системах ценностей (от традиционалистских к современным и постсовременным / постмодернистским), обусловленные социально-экономическими сдвигами, в свою очередь влияют на динамику изменений повседневных экономических практик индивидов [25, Инглхарт Р.].

Р. Инглхарт в качестве ключевых ценностных шкал выделяет шкалу «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности» и шкалу «ценности выживания (survival values) — ценности самовыражения (self-expression values)» [26, Инглхарт Р., Вельцель К., с. 80]. С точки зрения Р. Инглхарта и его коллег, культурные императивы конкретных обществ располагаются между полюсами этих шкал ценностей, отражая степень приверженности большинства их членов тем или иным (традиционалистским или модернистским / постмодернистским) системам ценностей. При этом значения на этих двух шкалах ценностей логически увязаны и, как правило, скоррелированы: результаты эмпирических исследований показывают, что в странах, где высок уровень экономического развития, а население не сталкивается регулярно с угрозами выживания, наблюдается более либеральный политический режим, больше возможностей для самореализации, а люди демонстрируют уверенность в завтрашнем дне и склонность к «стратегиям развития» (promotion strategies); в странах, для которых характерна экономическая стагнация или отсталость, наблюдается прямо противо-

¹⁰ Перечни терминальных и инструментальных ценностей, адаптированные к отечественным реалиям и протестированные на устойчивость А. Гоштаусом, А.А. Семеновым и В.А. Ядовым, приведены в: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПИМ, 2013. С. 262–264.

положительная картина [27, Welzel C., Inglehart R., с. 48–50]. При этом Р. Инглхарт и К. Вельцель уточняют, что в обществах индустриального типа наблюдается сдвиг в первую очередь от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, тогда как «ценность выживания» остаётся в приоритете, а при переходе к постиндустриальной экономике во всех обществах усиливается значение «ценности самовыражения» при сохранении приверженности секулярно-рациональным ценностным ориентациям [26, Инглхарт Р., Вельцель К., с. 46–54].

Отталкиваясь от концепции Р. Инглхарта, В. Магун и М. Руднев показали на материалах 43 европейских государств, что в составе их населения можно выделить своеобразные «ценностные классы». Используя процедуру LCA (latent class analysis) они выявили, что ведущая дихотомия, объясняющая ценностную дифференциацию среди населения отдельно взятой страны, — это приверженность властной иерархии / приверженность социальной автономии. Данная дихотомия интегрирует почти все ценностные показатели, которые использовались Р. Инглхартом для выявления различий по двум базовым параметрам — традиционализм / секулярность и ценности выживания / самовыражения [28, Магун В.С., Руднев М. Г., с. 13, 17].

Для большинства стран В. Магун и М. Руднев выделили три кластера («класса») индивидов: один из них объединил людей с высокими показателями ориентации на подчинение и низкими показателями ориентации на социальную автономию (личную независимость); другой представлен индивидами, которые склонны ставить под сомнение вертикальное доминирование в обществе и регулирование собственной жизни со стороны авторитетных инстанций, но при этом не готовы активно участвовать в солидарных социальных действиях (их можно было бы обозначить как пассивных индивидуалистов); наконец, третий кластер представляет собой прямую противоположность первому. Таким образом, исследователи обосновывают идею внутристрановой ценностной неоднородности, вследствие чего корректнее утверждать, что межстрановые ценностные различия заключаются в различии пропорций отдельных групп населения — носителей альтернативных систем ценностей [28, Магун В.С., Руднев М.Г., с. 14–17].

Регрессионный анализ, проведённый В. Магуном и М. Рудневым, показывает, что есть устойчивая связь между вероятностью попадания респондента в третий «класс» по мере роста таких параметров как уровень образования индивидов и статус их родителей (руководящая / неруководящая должность), а также в странах с высоким ВВП на душу населения и странах Северной и Западной Европы [28, Магун В.С., Руднев М.Г., с. 20–23]. В свете темы, обсуждаемой в настоящей статье, эти данные указывают на то, что в странах, где более распространены ценности автономии и самостоятельности, условия для развития малого и среднего бизнеса оказываются более благоприятными, а доля предпринимателей среди населения — выше. При этом в ряде отечественных исследований ценности автономии и самостоятельности и производные от них личностные характеристики указаны как присущие предпринимателям в большей степени, чем представителям других слоев населения [29,

Журавлева Н.А., с. 144–159; 30, Кошарная Г.Б., с. 134–135; 31, Кузеванова А.Л., с. 216]. Всё это служит весомым аргументом в пользу наличия прямой связи между специфическими ценностными ориентациями и предпринимательским потенциалом в том или ином обществе.

Г. Хофстеде, интерпретируя культуру как «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или типа людей от других» [32, Хофстеде Г., с. 10], на основе данных межстрановых сравнительных исследований культурных различий разработал шестимерную систему ценностных координат, детерминирующих стандарты и паттерны поведения в конкретном обществе. Аспекты (измерения) культуры в этой системе обозначаются им через набор её дихотомических характеристик: «дистанция власти (большая / меньшая)», «избегание неопределённости (большее / меньшее)», «индивидуализм / коллективизм», «маскулинность / феминность», «долгосрочная / краткосрочная временные ориентации», «потворство желаниям / сдержанность» [подробнее см. 32, Хофстеде Г., с. 21–33]. Среди указанных дихотомий можно выделить те, которые обуславливают качественные отличия ментальности предпринимательского класса в сравнении с другими группами населения. Так, исходя из того, что было обозначено выше как установки, отличающие предпринимателя, приверженность ценностям индивидуализма, пониженная склонность к избеганию неопределённости, проявляющаяся в готовности к коммерческому риску, и долгосрочная временная ориентация как социокультурные характеристики конкретного социума выступают фактором, определяющим его предпринимательский потенциал.

В центре исследований Ш. Шварца, как и у Р. Инглхарта, находится взаимосвязь нормативных ценностных предписаний, опосредующих и поддерживающих определённые модели социальных отношений, и уровня социально-экономического развития территорий (стран, регионов). В основе его подхода — выделение базовых культурно обусловленных ценностных ориентаций, преобладающих в определённом обществе, которые отражают то, каким образом в этом обществе организовано разрешение фундаментальных проблем регулирования человеческого поведения. В числе этих проблем Ш. Шварц выделяет 1) определение природы отношений и границ между личностью и группой; 2) обеспечение воспроизводимости социального порядка; 3) регуляция использования человеческих и природных ресурсов. Учёный априорно вводит для каждой фундаментальной проблемы по два полярных варианта культурного «ответа» (в форме определённой базовой ценностной ориентации), которые представляют собой веберовские идеальные типы, тогда как реальная ситуация представляет собой тот или иной промежуточный вариант. Рецепт решения первой проблемы заключён в выборе обществом позиции между альтернативными ценностями, обозначенными Ш. Шварцем как автономия и принадлежность. Решение второй проблемы предполагает большую или меньшую приверженность либо ценности равноправия, либо ценности иерархии. Наконец, ответ на третью проблему находится внутри культурной дихотомии, выражающейся через противопоставление ценностей «гармонии» и «мастерства» [33, Шварц Ш., с. 39–41]. В обобщённом виде концепция Ш. Шварца представлена на рисунке 2.

Рис. 2. Модель взаимосвязей ценностных ориентаций на социальном уровне (уровне культурных целостностей)

Согласно Ш. Шварцу, преобладание в обществе культурно-ценностных ориентаций «автономности и равноправия» стимулирует экономическое развитие, в свою очередь, «принадлежность и иерархия» сдерживают его, подавляя индивидуальную инициативу и креативность. Таким образом, определение соотношения ценностей различного типа в социокультурном пространстве российской Арктики позволит получить представление о перспективах отдельных экономических программ и проектов, в особенности инновационного характера, для успешной реализации которых требуется не только достаточный объем человеческого капитала, но и склонность местного бизнеса к риску, его креативность, независимость от государства и тому подобное.

При этом Ш. Шварц акцентирует внимание на том, что на индивидуальном уровне в сравнении с уровнем социальным, системы ценностей организованы в соответствии с иными принципами. В одном случае мы имеем дело с мотивационно-ценностной системой, организующей приоритетные жизненные цели индивидов и приемлемые с их точки зрения средства целедостижения, что концептуально близко к построениям М. Рокича. В другом случае речь идет о нормативных культурно-ценностных ориентациях, отражающих доминирующие, институционально поддерживаемые коллективные представления о правильном и девиантном поведении, обладающие для индивида принудительной силой. В связи с этим между культурно предписываемыми (cultural approved ideals) и персональными ценностями (personal value priorities) в случае, когда они одновременно регулируют одну и ту же сферу социальных практик, вопреки ожиданию вполне может наблюдаться некоторое рассогласование [34, Schwartz S.H., с. 50–51].

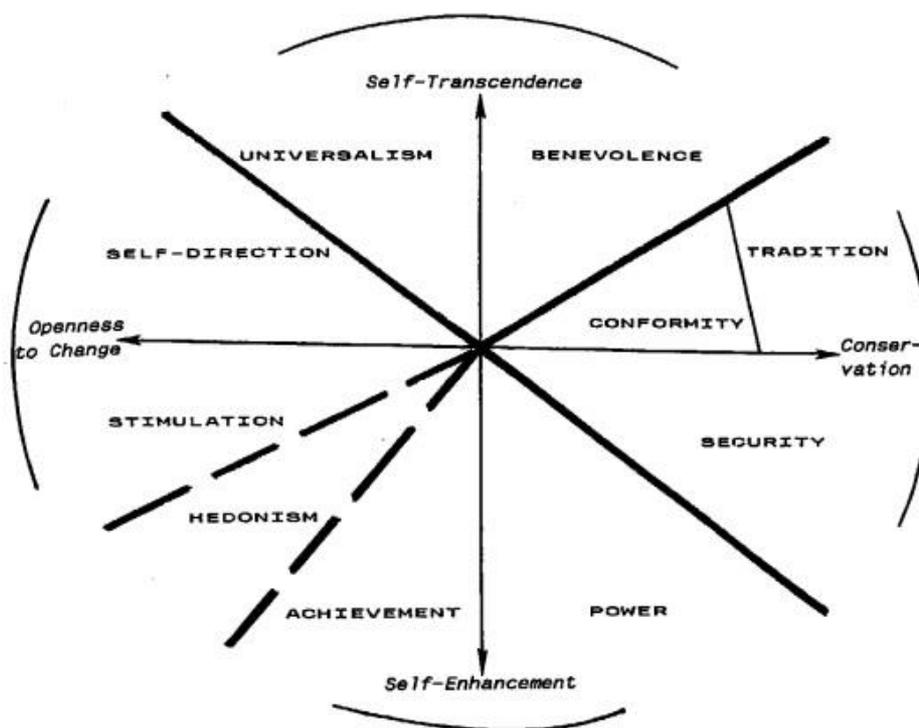

Рис. 3. Модель взаимосвязи ценностных ориентаций в мотивационно-ценностной структуре индивида¹¹.

На рисунке 3 представлена модель Ш. Шварца, логически связывающая элементы мотивационно-ценностной структуры личности. В ней представлены интегральные показатели ценностных ориентаций, каждая из которых агрегирует в себе ряд индикаторов, отражающих персональные ценности индивидов. Данная модель представляется более удобной с точки зрения анализа взаимосвязи индивидуальных ценностей, мотивов и установок с одной стороны и предпринимательской активности / предпринимательского потенциала — с другой. Так, ориентация на достижения (achievement), самостоятельность (self-direction), стремление к новизне и активной, насыщенной жизни (то, что Шварц именуется "stimulation" [35, Schwartz S.H., с. 7–8]) связываются с социально-психическими особенностями человека, склонного к предпринимательству [36, Предпринимательская культура..., с. 51–53; 31, Кузванова А.Л., с. 216; 37, Муравьёва О.И. и др., с. 109]. Упомянутые выше российские социологи В.С. Магун и М.Г. Руднев развили идеи Ш. Шварца и модифицировали предложенную ими ранее концепцию ценностных классов. Они расширили число ценностных классов (латентных) до пяти, разместив их в двумерной системе ценностных координат Ш. Шварца. При этом отчётливо проявился «класс», обладающий многими ценностными ориентациями потенциального предпринимателя [38, Magun V., Rudnev M., Schmidt P., с. 192–199].

¹¹ Источник: Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. Vol. 25. New York: Academic Press, 1992. P. 45.

Методологический синтез для исследования социокультурной обусловленности предпринимательского потенциала в Российской Арктике

Несомненно, что внутри такой большой страны как Россия можно выделить отдельные макрорегионы, отличающиеся исторически сложившимися социокультурными особенностями. В свою очередь эти особенности становятся важным фактором структурирования рутинных социальных практик местного населения, включая различные формы его экономического поведения. Опосредующим звеном в этом процессе выступает система ценностных ориентаций, определяющих долгосрочные установки, мотивацию и жизненные цели индивидов. Среди них есть набор специфических установок, мотивов и целей, которые в совокупности формируют склонность людей к предпринимательству (социально-психологический компонент предпринимательского потенциала). На наш взгляд, гипотеза о прямом влиянии специфической для жителей конкретного макрорегиона системы ценностей на их предпринимательский потенциал является весьма продуктивной, но требует как методологического обоснования, так и тщательной верификации. Выше мы показали, что обогащение веберинанской традиции новаторскими идеями поведенческой экономики позволяет сформировать новый теоретико-методологический фундамент исследований в области экономической социологии, в частности — социокультурных и социально-психологических предпосылок динамики предпринимательской деятельности. Также мы раскрыли возможности подходов к измерению ценностных ориентаций, превалирующих в определённом социуме, для изучения того, насколько культурная среда благоприятствует развитию склонности населения к предпринимательству.

В рамках проекта «Ценностные и когнитивные факторы предпринимательского поведения населения арктических территорий России», реализуемого авторами настоящей статьи при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, планируется провести серию эмпирических исследований в ряде субъектов РФ, относимых к Арктической зоне. В основу методики исследования положены рассмотренные в статье концепции М. Рокича, Ш. Шварца и Р. Инглхарта, а также частично и их инструментарий.

Обращение к концепции терминальных и инструментальных ценностей М. Рокича позволяет с одной стороны зафиксировать превалирующие личностные черты россиян с высокими показателями предпринимательского потенциала (занимающихся бизнесом, имевших опыт бизнес-деятельности, планирующих открыть своё дело), с другой — увязать конкретные ценности с предписываемыми культурой ценностными ориентациями, которые Ш. Шварц использует для описания кросскультурных различий (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение ценностей по М. Рокичу и ценностных ориентаций по Ш. Шварцу¹²

Терминальные и инструментальные ценности (М. Рокич) ¹³	Ценностные ориентации на социальном уровне (Ш. Шварц)
Мирная жизнь Красота природы и искусства Внутренняя гармония (Inner Harmony)	Гармония
Жизненная мудрость Воспитанность (вежливость) Исполнительность Аккуратность Терпимость Самоконтроль Безопасность семьи (Family Security) Национальная безопасность (National Security)	Принадлежность
Материально обеспеченная жизнь Исполнительность	Иерархия
Эффективность (Capability) Амбициозность Общественное признание Независимость Смелость (в отстаивании своего мнения, взглядов)	Мастерство
Активная деятельная жизнь Удовольствия Жизнерадостность	Аффективная автономия
Широта взглядов Свобода Творчество	Интеллектуальная автономия
Чуткость Честность Ответственность Равенство (Equality) Счастье для других	Равноправие

Как культурные ценностные ориентации Ш. Шварца, так и большинство из списка ценностей М. Рокича (за редким исключением вроде Salvation — ценность Спасения в специфическом христианском толковании) могут считаться универсальными, что подтверждается данными кросскультурного анализа на материалах более чем 70 стран [33, Шварц Ш.]. Также обстоит дело и с содержательной классификацией базовых ценностей (групп ценностей) по Р. Инглхарту, подкреплённой результатами сравнительного исследования ценностей в 78 странах [26, Инглхарт Р., Вельцель К., с. 81]. Выделение двух измерений в культурно обусловленных системах ценностей — «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания — ценности самовыражения» — позволя-

¹² Таблица составлена на основе материалов, представленных в статье: Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т.5. № 2. С. 44.

¹³ Конкретные ценности заимствованы из адаптированного к российским реалиям теста Рокича, предложенного в книге: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПИМ, 2013. С. 262-264. Большинство из формулировок этих ценностей имеют аналоги в оригинальной методике М. Рокича. В тех случаях, когда в адаптированном тесте отсутствовали ценности, заимствованные Ш. Шварцем из оригинальной методики М. Рокича, данные ценности указывались в формулировках, представляющих собой прямой перевод с английского оригинальных формулировок.

ет охарактеризовать ценностный компонент культуры практически любого сложного организованного сообщества. Межстрановые (межрегиональные) различия в ценностях при этом будут выражаться в позиции относительно двух полюсов по каждому измерению ценностей в двумерной системе ценностных координат (Р. Инглхарт) и / или в специфической комбинации культурных ценностных ориентаций, позволяющей отнести исследуемую страну (регион) к одному из семи кластеров культур (Ш. Шварц).

Вместе с тем отдельные индикаторы, используемые в рассмотренных методиках для расчёта интегральных индексов ценностей, требуют адаптации к социокультурным особенностям современного российского общества. Так, среди 10 ключевых переменных (наибольшие факторные нагрузки), используемых в рамках проекта World Values Survey [26, Инглхарт Р., Вельцель К., с. 82–83], имеют место такие пилотажные опросы, которые в регионах АЗРФ (Архангельская область и ЯНАО) показали слабую корреляцию с большинством других переменных из соответствующего блока. В частности, отношение к абортам на региональном материале демонстрирует менее тесную связь с уважением к власти, национальной гордостью и даже религиозностью, чем это предполагается результатами исследований World Values Survey, что может быть объяснено большей терпимостью к абортам в нашей стране, в том числе и среди «традиционалистов». Вследствие этого вопрос об абортах, который в числе прочего служит отражением гендерного неравенства в традиционных обществах, был заменён на другой, напрямую фиксирующий гендерное неравенство через жёсткое распределение социальных ролей мужчин и женщин.

Методические трудности возникают и при измерении частного индекса материалистических — постматериалистических ценностей как компонента индекса ценностей выживания — самосохранения. Согласно оригинальной методике для расчёта индекса «материализма — постматериализма» использовались измерения по 4 группам переменных. Две из них характеризовали «материализм» — ценности стабильного экономического роста и общественного порядка, а две другие «постматериализм» — ценности «зелёных» (гуманизм и экологизм) и либертарные ценности [39, Андреенкова А.В., с. 75–76, 80–81]. В случае с рядом переменных, измеряющих постматериалистические ценности, мы получили достаточно высокий процент затруднившихся ответить, что, по-видимому, свидетельствует как об абстрактности соответствующих формулировок, так и о маргинальности экологистского и либертарианского дискурсов в России. Кроме того, семантически «ценности зелёных» соответствуют ценностям «Гармонии» (по Ш. Шварцу) и могут быть зафиксированы с помощью соответствующих индикаторов, указанных выше в Таблице 1, а либертарные ценности по смысловому наполнению могут быть сведены к терминальной ценности свободы. Аналогично этому «материалистические» ценности могут быть измерены их эквивалентами — ценностью материального благополучия (за счёт своей универсальности позволяет компенсировать искажения, вносимые экономической конъюнктурой при фиксации отношения

населения к политике стимулирования экономического роста или борьбе с инфляцией) и ценностью национальной безопасности.

Наконец, необходимо отметить, что в своей исследовательской программе авторы сознательно отказались от обращения к подходу Г. Хофстеде, поскольку его методика изначально была ориентирована на решение специфических задач межстранового исследования организационной культуры в транснациональных корпорациях и применялась к сотрудникам филиалов компании IBM, которые, разумеется, не могут репрезентировать население той или иной страны в целом. Однако в связи с пионерским характером работ Хофстеде, а также популярностью его подхода в социальной психологии и социологии управления, мы не могли не упомянуть в статье сильные стороны его методологии.

Заключение

Настоящая статья предлагает методологическое обоснование возможности изучения феномена предпринимательства как социокультурного и социально-психологического явления. Исходя из обобщения трактовок предпринимательства, которые существуют в полуторавековой научной традиции, а также обращаясь к достижениям теорий поведенческой экономики, авторы интерпретируют природу предпринимательства как формы экономического поведения, обусловленного устойчивыми аттитюдами (социальными установками) и некоторыми фундаментальными ценностями и доминирующими культурными ценностными ориентациями. Эти аттитюды, ценности и ориентации, будучи в разной степени распространены в различных сообществах (странах, регионах), выступают важнейшим внеэкономическим фактором, стимулирующим предпринимательскую активность.

В статье проведён критический анализ наиболее популярных методик измерения ценностей с точки зрения возможностей выявления статистически значимых связей между ценностными переменными и переменными предпринимательского потенциала (прежде всего, модуса оценки предпринимательства, склонности к предпринимательству и реальной предпринимательской активности). Предложен вариант методологического синтеза на основе подходов М. Рокича, Ш. Шварца и Р. Инглхарта.

Важность российской Арктики как особого социокультурного пространства в обозначенном исследовательском контексте объясняется сравнительно слабой изученностью входящих в её состав территорий на предмет специфики культурных и социально-психологических детерминант экономического, в том числе предпринимательского, поведения населения. В дальнейших своих исследованиях авторы будут стремиться заполнить данную лакуну в научном знании.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-310-00167 мол_а «Ценностные

и когнитивные факторы предпринимательского поведения населения арктических территорий России».

Литература

1. Слесарева Е.А., Терская Г.А. Государственная поддержка малого бизнеса: зарубежный опыт // Бизнес и общество. 2015. № 1. С. 5.
2. Проворова А.А., Губина О.В., Смиреникова Е.В., Кармакулова А.В., Воронина Л.В. Методический инструментарий оценки эффективности реализации государственной социально-экономической политики развития регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 56–70.
3. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4. С. 4–15.
4. Витязева В.А. Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера. Сыктывкар: СыктГУ, 2007. 292 с.
5. Жиделева В.В. Формирование рыночного механизма социально-устойчивого развития северных регионов: дис. ... док. экон. наук. Москва, 1997. 282 с.
6. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 544 с.
7. Север как объект комплексных региональных исследований / Под ред. В.Н. Лаженцева. Сыктывкар, 2005. 512 с.
8. Шпак А.В. Проблемы и перспективы формирования транспортно-логистических систем на Севере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 32. С. 72–76.
9. Поведенческая экономика: современная парадигма экономического развития: монография / Под ред. Г.П. Журавлевой, Н.В. Манохиной, В.В. Смагиной. Москва; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 340 с.
10. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Making under Risk // Econometrics. 1979. Vol. 47. № 2. Pp. 263–291.
11. McClelland D., Atkinson J., Clark R., Lowell E. The Achievement Motive. Appleton-Century-Crofts, 1953. 384 p.
12. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. Москва: Прогресс, 1979. 504 с.
13. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Москва: ЭКСМО, 2007. 864 с.
14. Найт Ф.Х. Риск, неопределённости и прибыль. Москва: Дело, 2003. 360 с.
15. Rotter J. Generalized expectation for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. № 80 (608). Pp. 1–27.
16. Зомбарт В. Социология. СПб: МЫСЛЬ, 2003. 133 с.
17. Pinchot G. Intrapreneuring: why you don't have to leave the corporation to become an entrepreneur. New York: Harper and Row, 1985. 368 p.
18. Алишев Б.С. Фундаментальные социальные установки и их соотношение // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. Кн. 1. С. 46–60.
19. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. Москва: ЦСПИМ, 2013. 376 с.
20. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва: Прогресс, 1990. 808 с.
21. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. Москва: Дело, 2001. 448 с.
22. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. Москва: ИФ РАН, 2000. 191 с.
23. Гарванова М. З., Гарванов И. Г. Исследование ценностей в современной психологии // Современная психология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). Казань: Бук, 2014. С. 5–20.
24. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973. 438 p.
25. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

26. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство, 2011. 464 с.
27. Welzel C., Inglehart R. Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model. *Social Indicators Research*. 2010. № 97. Pp. 43–63.
28. Магун В.С., Руднев М.Г. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3–4. С. 12–24.
29. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. Москва: Изд-во Института психологии РАН, 2006. 335 с.
30. Кошарная Г.Б. Влияние ценностей отечественного предпринимательства на интеграционные процессы в обществе // Власть. 2016. № 9. С. 133–137.
31. Кузеванова А.Л. Ценности российской бизнес-деятельности: опыт социологического анализа // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 207–217.
32. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
33. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.
34. Schwartz S.H. Cultural value differences: Some implications for work // *Applied Psychology: An International Review*. 1999. № 48. Pp. 23–47.
35. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press. 1992. Vol. 25. Pp. 1–65.
36. Предпринимательская культура молодёжи в муниципальном образовании: оценка, управление и развитие / Под ред. Е.Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. 117 с.
37. Муравьёва О.И., Мацута В.В., Ерлыкова Ю.Н. Ценностные ориентации предпринимателей малых и крупных городов // Сибирский психологический журнал. 2013. № 48. С. 102–110.
38. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Within- and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach // *European Sociological Review*. 2016. Vol. 32. № 2. Pp. 189–202.
39. Андреевкова А.В. Материалистические / постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 73–81.

References

1. Slesareva E.A., Terskaya G.A. Gosudarstvennaya podderzhka malogo biznesa: zarubezhnyy opyt [State support of small business: foreign experience]. *Biznes i obshchestvo* [Business and society], 2015, no. 1, p. 5.
2. Provorova A.A., Gubina O.V., Smirennikova E.V., Karmakulova A.V., Voronina L.V. Metodicheskiy instrumentariy otsenki effektivnosti realizatsii gosudarstvennoy sotsial'no-ekonomicheskoy politiki razvitiya regionov Rossii [Methodological Tools for Assessing the Effectiveness of Implementation of the State Social and Economic Development Policy of Russia's Regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2015, no. 3 (39), pp. 56–70.
3. Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviya i vozmozhnosti razvitiya razvitiya [Arctic entrepreneurship: conditions and opportunities for development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2016, no. 4, pp. 4–15.
4. Vityazeva V.A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossiyskogo i zarubezhnogo Severa [Social and economic development of the Russian and foreign North]. Syktyvkar: SyktGU Publ., 2007. 292 p. (In Russ.)
5. Zhideleva V.V. *Formirovanie rynochnogo mekhanizma sotsial'no-ustoychivogo razvitiya severnykh regionov* [Formation of the market mechanism of social sustainable development of the northern regions]: dis. ... dok. ekon. nauk. Moscow, 1997, 282 p. (In Russ.)
6. Pilyasov A.N. *I poslednie stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last will be the first: The northern periphery on the way to the knowledge economy]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2009, 544 p. (In Russ.)

7. Sever kak ob"ekt kompleksnykh regional'nykh issledovaniy [North as an object of complex regional studies]. Ed. by V.N. Lazhentsev. Syktyvkar, 2005, 512 p. (In Russ.)
8. Shpak A.V. Problemy i perspektivy formirovaniya transportno-logisticheskikh sistem na Severe [Problems and prospects for the formation of transport and logistics systems in the North]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2010, no. 32, pp. 72–76.
9. Povedencheskaya ekonomika: sovremennaya paradigma ekonomicheskogo razvitiya: monografiya [Behavioral economics: the modern paradigm of economic development]. Ed. by G.P. Zhuravleva, N.V. Manokhina, V.V. Smagina. Moscow; Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina Publ., 2016, 340 p. (In Russ.)
10. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Making under Risk. *Econometrics*, 1979, vol. 47, no. 2, pp. 263–291.
11. McClelland D., Atkinson J., Clark R., Lowell E. *The Achievement Motive*. Appleton-Century-Crofts, 1953. 384 p.
12. Kozeletskiy Yu. *Psikhologicheskaya teoriya resheniy* [The psychological theory of decisions]. Moscow: Progress Publ., 1979, 504 p. (In Russ.)
13. Schumpeter Y. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: EKSMO Publ., 2007, 864 p. (In Russ.)
14. Knight F.H. *Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, uncertainty and profit]. Moscow: Delo Publ., 2003, 360 p. (In Russ.)
15. Rotter J. Generalized expectation for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*, 1966, no. 80 (608), pp. 1–27.
16. Zombart V. *Sotsiologiya* [Sociology]. SPb: MYSL" Publ., 2003, 133 p. (In Russ.)
16. Pinchot G. *Intrapreneuring: why you don't have to leave the corporation to become an entrepreneur*. New York: Harper and Row, 1985, 368 p.
17. Alishev B.S. Fundamental'nye sotsial'nye ustanovki i ikh sootnoshenie sootnoshenie [Fundamental social attitudes and their relationship]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2007, vol. 149, ch. 1, pp. 46–60.
18. *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya. 2-e rasshirenoe izd* [Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept]. Moscow: CSP&M Publ., 2013, 376 p. (In Russ.)
19. Veber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: Progress, 1990, 808 p. (In Russ.)
20. L'yuis R.D. *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese: ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu* [Cultures in international business: from collision to understanding]. Moskva: Delo Publ, 2001, 448 p. (In Russ.)
21. Lapin N.I. *Puti Rossii: sotsiokul'turnye transformatsii* [The Ways of Russia: Sociocultural transformations]. Moskva: IF RAN Publ., 2000, 191 p. (In Russ.)
22. Garvanova M. Z., Garvanov I. G. Issledovanie tsennostey v sovremennoy psikhologii [The study of values in modern psychology]. *Sovremennaya psikhologiya: materialy III Mezhdunar. nauch. konf.* (g. Kazan', oktyabr' 2014 g.). Kazan': Buk Publ., 2014, pp. 5–20. (In Russ.)
23. Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973, 438 p.
24. Inglehart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: changing values and changing societies]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies], 1997, no. 4, pp. 6–32.
27. Inglehart R., Veltsel K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' che-lovecheskogo razvitiya razvitiya* [Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, 464 p.
28. Welzel C., Inglehart R. Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model. *Social Indicators Research*, 2010, no. 97, pp. 43–63.
29. Magun V.S., Rudnev M.G. Tsennostnaya geterogenost' naseleniya evropeyskikh stran: tipologiya po pokazatelyam R. Ingkharta [The value heterogeneity of the European countries population: the ty-

- pology by R. Inglehart's indicators]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Newsletter of public opinion. Data. Analysis. Discussions], 2012, no. 3–4, pp. 12–24.
30. Zhuravleva N.A. *Dinamika tsennostnykh orientatsiy lichnosti v rossiyskom obshchestve* [Dynamics of the person's value orientations in the Russian society]. Moscow: Publishing house of the Psychology institute of RAS, 2006, 335 p. (In Russ.)
 31. Kosharnaya G.B. Vliyaniye tsennostey otechestvennogo predprinimatel'stva na integratsionnye protsessy v obshchestve [Influence of the domestic business' values on integration processes in a society]. *Vlast'* [The Authority], 2016, no. 9, pp. 133–137.
 32. Kuzevanova A.L. Tsennosti rossiyskoy biznes-deyatelnosti: opyt sotsiologicheskogo analiza [Values of Russian business activity: the experience of sociological analysis]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2010, no. 5, pp. 207–217.
 33. Khofstede G. Model' Khofstede v kontekste: parametry kolichestvennoy kharakteristiki kul'tur [Hofstede model in the context: the parameters of the quantitative characteristics of cultures]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment], 2014, no. 12, pp. 9–49.
 34. Shvarts Sh. Kul'turnye tsennostnye orientatsii: priroda i sledstviya natsional'nykh razlichiy [Cultural value orientations: the nature and consequences of national differences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2008, Vol. 5, no. 2, pp. 37–67.
 35. Schwartz S.H. Cultural value differences: Some implications for work. *Applied Psychology: An International Review*, 1999, no. 48, pp. 23–47.
 36. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, New York: Academic Press, 1992, vol. 25, pp. 1–65.
 37. *Predprinimatel'skaya kul'tura molodezhi v munitsipal'nom obrazovanii: otsenka, upravlenie i razvitie* [Entrepreneurial culture of youth in the municipality: evaluation, management and development] / Ed. by E.L. Andreeva. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of RAS Publ., 2017, 117 p. (In Russ.)
 38. Murav'eva O.I., Matsuta V.V., Erlykova Yu.N. Tsennostnye orientatsii predprinimateley malykh i krupnykh gorodov [Value orientations of entrepreneurs of small and large cities]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian psychological journal], 2013, no. 48, pp. 102–110.
 39. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Within- and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach. *European Sociological Review*, 2016, vol. 32, no. 2, pp. 189–202.
 40. Andreenkova A.V. Materialisticheskie / postmaterialisticheskie tsennosti v Rossii [Materialistic / postmaterialistic values in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1994, no. 11, pp. 73–81.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

УДК [32.019.51(98):070(73)](045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178

Освещение геополитической проблематики в контексте темы освоения Арктики в американском медиадискурсе (на примере материалов газеты «The New York Times»)*

© **АВДОНИНА Наталья Сергеевна**, кандидат политических наук, доцент

E-mail: natalia.avdonina1987@gmail.com

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ДОЛГОБОРДОВА Светлана Олеговна**, аспирант

E-mail: dol21031967@yandex.ru

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена обзору геополитических проблем Арктического региона, представленных в современном американском медиадискурсе на примере материалов газеты «The New York Times». Данная газета является образцом классической американской журналистики, придерживающейся принципов объективности и аналитичности. В результате проведенного анализа можно отметить, что в период за 2001–2005 гг. в газете были активно представлены две арктические темы: целесообразность бурения нефти на Аляске и проблема климатических изменений в Арктике. С 2007 г. арктическая проблематика на страницах газеты вновь приобретает актуальное звучание в контексте именно геополитической проблематики, что связано с событием 2 августа 2007 г. — установкой российского флага на дне Северного Ледовитого океана. Освещение арктической темы осуществляется в контексте состязательности, а позднее — международного сотрудничества. В период с 2011 по 2018 гг. в фокусе американской газеты оказываются темы климатических изменений и ресурсной разработки в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, медиадискурс, арктический медиадискурс, геополитическая проблематика, американские СМИ, информационная политика.

Covering geopolitical problems in the context of the Arctic exploration in the American media discourse (based on *The New York Times* content analysis)

© **Natalia S. AVDONINA**, Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor

E-mail: natalia.avdonina1987@gmail.com

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Svetlana O. DOLGOBORODOVA**, postgraduate student

E-mail: dol21031967@yandex.ru

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is based on a review of the geopolitical problems of the Arctic region, represented in the contemporary American media discourse on the example of the newspaper «The New York Times». The paper was chosen because it is an example of traditional American journalism, which adheres to the princi-

* Для цитирования:

Авдонина Н.С., Долгобородова С.О. Освещение геополитической проблематики в контексте темы освоения Арктики в американском медиадискурсе (на примере материалов газеты «The New York Times») // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 178–191. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178

For citation:

Avdonina N.S., Dolgoborodova S.O. Covering geopolitical problems in the context of the Arctic exploration in the American media discourse (based on *The New York Times* content analysis). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 178–191. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178

ples of objectivity. As a result of the analysis, the following trend was found — throughout 2001-2005 years the newspaper actively presented two Arctic issues: the feasibility of oil drilling in Alaska and the problem of climate change in the Arctic. Since 2007, the arctic problematics on the pages of newspapers became relevant in the context of geopolitical issues, which was connected to the event of August 2, 2007, namely the setting of the Russian flag in the Arctic Ocean. Coverage of the Arctic issues was carried out in the context of competition, and later — international cooperation. In the period from 2011 to 2018, the focus of the American newspaper was pointed out to the climate change and resource development in the Arctic.

Keywords: *Arctic, media discourse, Arctic media discourse, geopolitical problems, American mass media, informational policy.*

Введение

Арктические территории в географическом и смыслодержательном пространстве периодически привлекают внимание локальных и мировых сообществ как объект борьбы, сотрудничества и освоения. До 1982 г. Арктика была «поделена» между пятью государствами: Россией, Канадой, США, Норвегией и Данией. В 1982 г. Конвенция ООН по морскому праву ввела иные принципы разграничения: «полный суверенитет прибрежного государства распространяется лишь на 12-мильную зону территориальных вод, на воздушное пространство над ней, на её дно и недра. Кроме того, устанавливается 200-мильная исключительная экономическая зона. Дно морей и океанов и недра под ними, не находящиеся под чьей-либо юрисдикцией, объявляются общим наследием человечества, то есть все государства мира имеют равные права на разработку их природных ресурсов, и любое из них имеет право подать в ООН и иные специализированные международные организации заявку на разработку ресурсов морского шельфа»¹. Согласно этому пункту, Исландия, Финляндия и Швеция получили право претендовать на присутствие в Арктике. Индия, Китай, Южная Корея, Бразилия, Германия, Япония заявили о готовности разрабатывать месторождения на арктическом шельфе². Это объясняется прежде всего высоким ресурсным потенциалом региона: в Арктике сосредоточено 13% мировых нефтяных резервов, 30% природного газа и многие полезные ископаемые³.

С целью описания геополитической ситуации вокруг Арктики используются такие метафоры, как «горячая война на холодной территории», «век Арктики» и «битва за Арктику». Помимо того, что Арктика рассматривается как резервуар залежей природных ресурсов, также она определяется как возможная транспортная магистраль, которая может образоваться с течением времени в результате таяния льдов. В данном контексте необходимо отметить и принятый официальным сообществом термин «глобальная Арктика» (Global Arctic),

¹ Барциц И.Н. О правовом статусе российского арктического сектора // Право и политика, №12, 2000. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200700102> (дата обращения: 15.03.2018).

² Страны и регионы. URL: <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/countries-and-regions/> (дата обращения 06.10.2018)

³ Trump B.D., Kadenic M., & Linkov I. A sustainable Arctic: Making hard decisions. Arctic, Antarctic, and Alpine Research, 50 (1), 2018.

выбранный «Тематической Сетью по геополитике и безопасности» в январе 2014 г. в Копенгагене. Термин был официально запущен в оборот на Ассамблее полярного круга 2014 г.⁴

Россия — крупнейшая из арктических стран, связанная с Арктикой не только географическим положением, но также историей и национальными интересами. Современный российский сектор Арктики охватывает площадь около 9,46 млн км², из которых 6,8 млн км² приходится на водное пространство и составляет 45% всей площади Северного Ледовитого океана. В пределах сектора континентальный шельф России составляет 6,19 млн км² или 41% всей площади водной акватории Арктики. Опираясь на эти данные, можно обосновать причины, по которым Россия активно отстаивает свои права на освоение и развитие арктического пространства.

Средства массовой информации выступают важным средством в освещении арктической тематики и формировании соответствующего общественного мнения. Проблема освоения арктических территорий становится актуальной в новостной повестке дня мировых СМИ и является своеобразным индикатором международной политики в арктическом векторе.

Цель статьи — рассмотреть особенности освещения темы освоения Арктики в американском медиадискурсе на примере материалов газеты «The New York Times» за 2001–2018 гг. Именно в этот период происходили самые значимые и актуальные для региона события. Согласно наблюдениям исследователя Ю.Ф. Лукина, с этими годами связаны самые современные исследования арктического пространства, уже сложившийся правовой режим Арктики, ключевые законодательные акты по развитию Арктической зоны как России, так и других стран. Период также богат на международные события, касающиеся статуса Арктики, в которых принимали непосредственное участие Российская Федерация, США и Канада. Эти годы являются ключевыми для определения современной арктической проблематики в международном медиадискурсе.

Дадим определение понятию «медиадискурс». Е.А. Кожемякин характеризует медиадискурс как смысловую единицу, в которой «происходит конвертация информации в смыслы (конструирование знания), перевод знания с одного уровня (например, институционального) на другой (например, обыденный), сращение информации различного типа (например, политической и развлекательной, событийной и рекламной) или же создание особого знания, имеющего отношение только к медийной действительности» [1, Кожемякин Е.А., с. 16].

Таким образом, в настоящей статье под арктическим медиадискурсом мы понимаем интерпретацию в общественном сознании информации об Арктическом регионе, его освоении и развитии, и наделении этого феномена смыслами при непосредственном участии масс-медиа.

⁴ Heininen L., & Finger M., The “Global Arctic” as a New Geopolitical Context and Method. *Journal of Borderlands Studies*, 33(2), 199–202 pp., 2017.

Информационная политика США в отношении вопросов освоения арктических территорий

Термин «информационная политика» в основе своей имеет понятие «политика», которое А.С. Панарин характеризует как «вид человеческой практики, посредством которой люди воздействуют на окружающую среду, свою судьбу и меняют свой статус в обществе... это действия, направленные на изменения судьбы» [2, Чевозерова Г.В., с. 206]. Исследователь Г.В. Чевозерова считает, что «информация тоже может изменять воспринимающую её систему. Логично предположить, что, если передача информации осуществляется как политическое действие, то есть с какой-то целью и ради достижения планируемых изменений у воспринимающей ее аудитории, то можно говорить, что таким образом осуществляется информационная политика» [2, Чевозерова Г.В., с. 206]. Учёный трактует информационную политику как «производство целенаправленных изменений объектов, процессов, явлений с помощью передаваемой информации» [2, Чевозерова Г.В., с. 206].

Е.П. Прохоров отмечает, что государственная информационная политика исходит из требований массово-информационной безопасности, в числе которых достоверность информации, её доступность, разнообразие каналов получения информации и представляемых позиций и пр. В рамках информационной политики отдельного СМИ исследователь даёт термину следующее определение: «Информационная политика — это идейно-творческая концепция ведущихся проблемно-тематических линий, направление данного СМИ, характер разработки которого определяется социальной позицией и воплощается в совокупности принятых форм реализации программы» [3, Прохоров Е.П., с. 245].

Исследователь арктического медиадискурса Э.В. Ров отмечает, что информационная политика приарктических государств складывается на базе арктических стратегий государств [4, Rowe E., с. 4], поэтому для разных приарктических государств характерна интерпретации в СМИ разных сторон проблемы освоения Арктики. Как отмечает исследователь, точками соприкосновения как для государственной арктической, так и для информационной политики являются такие интересы, как изменение климата, увеличение потока перевозок людей в Арктику и роль добываемых в арктическом регионе природных ресурсов. Тем не менее, каждое государство выработало свой арктический курс, который, несомненно, отразился на арктическом медиадискурсе как отдельного государства, так и всего мира. В данной статье мы рассмотрим только арктический медиадискурс США.

Для информационной политики США относительно проблемы освоения Арктики характерно внимание к экологическому аспекту, также США наряду с Данией выступают за активное международное сотрудничество в Арктике. Элана Ров отмечает, что «в интервью 2011 года с высокопоставленным должностным лицом в Арктике США было разъяснено, что США выступают за открытый и прозрачный Арктический совет и за включение большего числа заинтересованных сторон в качестве постоянных наблюдателей» [4, Rowe E., с. 5]. Ю.Ф. Лукин объясняет это тем, что Америка не имеет перспектив для расширения своей арктиче-

ской территории, и называет эту тенденцию к интернационализации Арктики ключевой для современного международного сообщества. В таком контексте представляются варианты для манипулирования темой экологической заботы об Арктике (а курс на экологию в Арктике действительно очень силен в арктическом медиадискурсе США — прим. автора), чтобы препятствовать расширению владений циркумполярных государств [5, Лукин Ю.Ф., с. 123].

В информационной политике США относительно проблемы освоения Арктики, например, многократно озвучивается мысль о несостоятельности арктической стратегии Америки. Элана Ров цитирует американский таблоид «Daily News», который с озабоченностью отмечает отсутствие способности американских ВМС самостоятельно работать в Северном Ледовитом океане и цитирует чиновников ВМФ, которые утверждают, что США являются «единственной арктической нацией без арктической стратегии <...> мы не предвидим военной угрозы в Арктике, но это не значит, что вам не нужно будет там работать» [4, Rowe E., с. 5]. Экономическая конкуренция за ограниченные природные ресурсы также рассматривается как движущая сила для потенциального арктического конфликта.

В речевом плане в целом арктический медиадискурс насыщен языковыми средствами, выражающими негативную оценку (стилистически сниженная, инвективная и жаргонная лексика, словообразовательные неологизмы, иноязычная лексика, агрессивные сравнения и метафоры), а также непрямыми средствами речевой агрессии (интертекстуальность, тенденциозное использование негативной информации, ирония и языковая демагогия).

По мнению Э. Ров, статья «Associated Press», озаглавленная «Новая холодная война», указала на Россию как на наиболее агрессивную, желающую утвердиться в качестве сверхдержавы нового региона. Возрождение России на внешнеполитической арене как более убедительной «энергетической сверхдержавы» во втором президентстве Владимира Путина (2004–2008), а также прочно закрепившиеся нарративы холодной войны, несомненно, облегчают формирование из России образа «злодея» в арктической политике, отмечает Элана Ров [4, Rowe E., с. 7]. На примере отрывка из статьи «AP» проявляются упомянутые выше средства речевой выразительности: агрессивное сравнение, вынесенное в заголовок, — «новая холодная война» — и метафора «роль злодея» относительно России.

Геополитическая проблематика в контексте темы освоения Арктики в издании «The New York Times»

Американская газета The New York Times очень активно участвует в освещении развития и трансформации арктического региона. Согласно данным мониторингового агентства «Lexis-Nexis», поисковому запросу «Арктика» в «The New York Times» на период 2001–2018 гг. удовлетворяют 577 материалов. В среднем издание ежегодно выпускает около 70 материалов, затрагивающих Арктический регион или его проблемы.

Ресурсная разработка и экология в Арктике: ведущие темы в американском арктическом медиадискурсе

Темы нефтяного бурения и глобального потепления часто актуализируются в газете «The New York Times» в период с 2001 по 2018 гг. В 2000 г. издание опубликовало своего рода программный материал «Это не нефть против красоты в Арктике»,⁵ в котором авторы рассматривают перспективы Америки в Арктике. Приведём фрагмент текста: «То, что поставлено на карту здесь, согласно последним оценкам Геологической службы Соединенных Штатов, составляет 16 миллиардов баррелей нефти — это сумма, достаточная для замены всего нашего импорта из Саудовской Аравии на следующие 30 лет»⁶. Материал можно обозначить как программный, поскольку в нём задаются две основные темы для всего дальнейшего арктического дискурса «The New York Times»: добыча нефти и защита окружающей среды Арктики.

Стоит отметить отсутствие геополитической составляющей, в том числе информации об иностранном сотрудничестве в Арктическом регионе в медиадискурсе «The New York Times» в начале 2000-х гг. При этом публикуются тексты, в которых образ России представлен как образ страны, активно исследующей Арктику, что обусловлено историческим контекстом.

Основной вектор освещения Арктической тематики в «The New York Times» — изучение рисков и преимуществ добычи нефти в регионе, перспективы научно-исследовательского освоения Арктики.

Единственной темой, которой посвящены почти все тексты, опубликованные в «The New York Times» в 2002 г., являются споры вокруг добычи нефти в Арктике и сохранения региона как национального заповедника: «Добыча может нанести ущерб дикой природе», «Новый спор насчёт нефти на Аляске», «Сенат переходит к подсчёту голосов по вопросу бурения на Аляске». Спор по поводу Аляски столкнул республиканцев и демократов: первые во главе, на тот момент с президентом Бушем, отстаивали идею добычи с целью снижения зависимости США от импортной нефти, демократы настаивали на снижении не импорта нефти, а развитии технологий, в частности автомобилестроения, которые позволят снизить расход топлива, а также утверждали, что добыча нефти на Аляске приведёт к катастрофическим последствиям для окружающей среды⁷.

В 2003 г. в газете продолжается освещение споров политиков, учёных и бизнесменов по поводу арктической нефти. Заголовки подчёркивают злободневность тематики: «Запечённая Аляска в меню?», «Какова цена бурения?», «Взгляд гризли на землю над нефтью».

Другая тема, также важная при анализе арктического дискурса США, — коренные народы севера. В 2001 г. журналисты освещали выпуск фильма, основанного на инуитском

⁵ It's Not Oil vs. Beauty in the Arctic // The New York Times. 2000. 9 October.

⁶ It's Not Oil vs. Beauty in the Arctic // The New York Times. 2000. 9 October.

⁷ Senate Moves To Showdown On Drilling In Alaska // The New York Times. 2002. 17 April.

фольклоре⁸⁹. Данная проблема также поднимается в контексте добычи нефти в Арктике. В портретном очерке, посвящённом 85-летнему эскимосу Инусику Насалику, журналист плавно переходит к проблематике и пишет: «Учёные говорят о проблемах, которые г-н Насалик наблюдает в результате изменения климата и постепенного увеличения количества загрязняющих веществ, таких как пестициды и промышленные соединения, такие как ртуть и ПХБ, которые переносятся ветром и течениями с промышленно развитого юга и накапливаются в жировых тканях арктических животных. Люди, которые едят таких животных, также страдают, а высокий уровень загрязняющих веществ обнаружен в грудном молоке эскимосских женщин»¹⁰.

В ноябре 2005 г. был одобрен «широкомасштабный пятилетний план по подбору различных федеральных программ льгот и разрешению бурения нефти и природного газа в дикой местности Аляски»¹¹. В декабре издание сообщило о том, что демократы добились сокращения бюджета нефтедобычи в Арктике на 42 млн долларов.¹²

С 2005 по 2011 гг. арктическая проблематика в «The New York Times» затухает, издание обращается к теме глобального потепления. Можно выделить следующие броские заголовки: «Катастрофа на верхушке мира», «Опасности ранней весны».

С 2011 г. на страницы газеты возвращается проблематика добычи нефти, обострившаяся после нефтяной катастрофы в Мексиканском заливе: американцы всячески боятся повторения подобного где-либо, особенно в Арктике, которую столько времени отстаивали как заповедную территорию: «Нам ещё предстоит принять уроки взрыва BP, худшего разлива нефти в нашей истории. <...> Эти опасности только выше в суровых и отдалённых арктических водах. Прежде чем мы отправимся на концы земли в поисках нефти, нам нужны более глубокие знания, лучшие технологии для предотвращения выбросов и очистки после аварий, а также большой опыт защиты арктических вод Аляски, одной из последних границ наших океанов, от смертей и бесцельного риска»¹³.

Из последствий глобального потепления американцев волнует, в частности, возможная метановая катастрофа: «Основное беспокойство заключается в том, что по мере изменения климата температура океана может увеличиться настолько, чтобы дестабилизировать многие из этих морских месторождений метана, отправив их в атмосферу»¹⁴.

В 2015 г. арктический ракурс в издании изменил своё направление вследствие политики президента Обамы в Арктике, выступившего против бурения на большей площади американской арктической территории и за признание её заповедником. Тем не менее, такое решение не было принято.

⁸ Инуиты — коренной народ Северной Америки

⁹ Returning Tundra's Rhythm to the Inuit, in Film // The New York. 2002. 30 March.

¹⁰ Eskimos Fret as Climate Shifts and Wildlife Changes // The New York Times. 2004. 6 September.

¹¹ Senate Passes Budget With Benefit Cuts and Oil // The New York Times. 2005. 4 November.

¹² Congressional Leaders Agree to \$42 Billion in Budget Cuts // The New York Times. 2005. 19 December.

¹³ No to Arctic Drilling // The New York Times. 2011. 18 August.

¹⁴ Arctic Methane: Is Catastrophe Imminent? // The New York Times. 2011. 20 December.

В 2016–2018 гг. издание также следует своему стандартному арктическому дискурсу с тем различием, что личность Барака Обамы сменяется фигурой Дональда Трампа и вновь разгораются дискуссии насчёт нефтедобычи в Аляске.

Геополитическая проблематика в контексте проблемы освоения Арктики

Геополитическая проблематика или интересы других стран в Арктике не поднимаются журналистами «The New York Times» до 2007 г. В начале столетия Арктика не рассматривается как зона соперничества, но и о российско-американской или любой межнациональной кооперации в данном СМИ также не писали.

Лишь в 2004 г. в арктическом дискурсе США постепенно начинают появляться сообщения о других арктических государствах. В марте 2004 г. СМИ дважды пишет о дрейфующем российском исследовательском лагере, попавшем в беду в Арктике из-за тающего льда¹⁵. О канадских военных учениях в Арктике американцы пишут в ином, уже геополитическом ключе: «Не все огромные претензии Канады на Арктику признаны на международном уровне. Соединенные Штаты, Европейский союз и Дания либо утверждают, что водные пути региона открыты для всех, либо предъявили свои собственные претензии в тех частях, где ожидается, что изменение климата приведёт к увеличению доступа к богатым ресурсам региона в ближайшие годы»¹⁶ — это первый материал с 2001 г., когда журналисты «The New York Times» поднимают геополитическую проблематику в контексте темы Арктики.

В 2007 г. в издании более активно звучит геополитическая проблематика с акцентом на политику России. В этом контексте можно отметить материал «The New York Times», посвящённый Чукотке и её экономическому застою.¹⁷

В августе 2007 г. Россия становится одной из ведущих тем в международном арктическом информационном дискурсе, поводом для чего стало установление российского флага на дне Северного Ледовитого океана. «Взгляд на будущее Богатство, россияне устанавливают флаг на арктическом дне, под полярной шапкой» — с таким заголовком в издании вышел материал на следующий же день после установки флага. Приведём фрагмент текста: «Экспедиция, интенсивно освещаемая российскими новостными организациями и контролируемым государством телевидением, сочетает приключения в открытом море с устоявшимися российскими традициями полярных исследований. Но это был также публичный поставленный трюк <...> Г-н Чилингаров говорил так, как будто он был первым на Луне. «Если через сто или тысячу лет кто-то спустится туда, где мы были, они увидят российский флаг. Наша задача — напомнить миру, что Россия — великая арктическая и научная власть»¹⁸. Стоит отметить, что материал представляет две точки зрения: как российскую, так и американскую, причём

¹⁵ Rescue On for Russian Crew After Arctic Camp Collapses // The New York Times. 2004. 5 March.

¹⁶ Canada Reinforces Its Disputed Claims in the Arctic // The New York Times. 2004. 29 August.

¹⁷ Where Russians Still Think Boldly // The New York Times. 2007. 22 April.

¹⁸ Eyeing Future Wealth, Russians Plant the Flag on the Arctic Seabed, Below the Polar Cap // The New York Times. 2003. 3 August.

российскую точку зрения журналисты представляют подробнее, цитируя сразу двух российских политиков: Сергея Лаврова и Владимира Путина и учёного Артура Чилингарова. Журналисты также отмечают традицию российских северных экспедиций. Однако следом в СМИ выходит более жёсткий материал, касающийся напрямую геополитики, — «Ледяная холодная война», инфоповодом для которого стала установка российского флага на Северном полюсе. В этом тексте журналисты изучают позиции и претензии на Арктику не только России, но и других государств и задаются вопросом «Будет ли риторика перерастать в вооруженную крайнюю добычу на льду?»¹⁹. Данным материалом в газете впервые заявлены интересы США в Арктике, которые прежде ограничивались лишь спорами об экологии и нефтедобыче.

Для американского арктического дискурса становится также характерна состязательность: «Мы владеем только тремя кораблями, предназначенными для полярных миссий. <...> Россия, напротив, располагает флотом из 18 ледоколов. У нас должно быть достаточно судов для поддержания присутствия»²⁰. Споры о морских границах, особенно в сложной ледяной географии Северного Ледовитого океана, требуют международных решений — такой вывод делают журналисты. Это первый аналитический материал на геополитическую тематику в контексте Арктического дискурса США с 2001 г.

Установка российского флага на дне океана оживила интерес не только журналистов: свой суверенитет в Арктике вскоре захотела обозначить Канада и спустя неделю анонсировала открытие двух военных баз в Арктике. «Первый принцип арктического суверенитета — использовать его или потерять»,²¹ — цитирует «The New York Times» премьер-министра Канады Стивена Харпера.

Через полгода, в феврале 2008 г., установка российского флага снова звучит в издании, но в новом контексте: проект погружения ещё в конце XX в. обдумывался американскими учёными, сотрудничавшими с россиянами²². Это ещё больше подтверждает состязательность арктического информационного дискурса: издание пытается разобраться, за кем закреплено лидерство в арктических технологиях.

В 2007 г. арктический медиадискурс в США приобрёл новое течение, а своеобразная «гонка» за Арктику в мире действительно ведётся, поскольку обсуждается первенство в разработке технологий.

Заголовки арктических материалов в «The New York Times» всё чаще приобретают международную проблематику: «Сказка времен холодной войны» (о роли Арктики в холодной войне и гонке вооружений), «5 стран готовы поговорить, не конкурировать на тему Арктики», «Российские учёные, заслужившие изучение морского дна» (об итогах российских погружений).

¹⁹ Russians Plant the Flag on the Arctic Seabed, Below the Polar Cap // The New York Times. 2003. 3 August.

²⁰ An Ice-Cold War // The New York Times August. 2007. 8 August.

²¹ Canada Announces Plans for 2 New Bases in Its Far North // The New York Times. 2007. 11 August.

²² Final Russia's Claim Under Polar Ice Irks American // The New York Times. 2008. 9 February.

В 2013 г. в газете выходит материал, оценивающий вероятность холодной войны в Арктике. «Предотвращая арктическую холодную войну» — потенциал конфликта масштаба холодной войны высок, хотя вероятность сейчас низка, — пишет автор. Идея текста сводится к отсутствию конкретных действий со стороны президента Барака Обамы, который «должен провести международную встречу с президентом Путиным и другими лидерами арктических стран, чтобы гарантировать, что экономическое развитие на вершине мира не только устойчиво, но и мирно»²³. В противовес 2007 г. издание отмечает мирный характер политики Путина в Арктике, поскольку «российская экономика зависит от богатых месторождений нефти и природного газа»²⁴.

Осенью 2013 г. в издании опубликовано 8 материалов, связанных с деятельностью России в Арктике. Главным инфоповодом стало задержание судна «Гринпис» российскими военными и вызов нидерландского посла («Гринпис» базируется в Нидерландах — прим. автора) в Москву. Эта тема будет периодически актуализироваться в СМИ вплоть до апреля 2014 г. В 2015 г. напряжённость в отношениях России и Запада отразится на деятельности Арктического совета. «Арктический совет собирается в тени напряжения из-за России» — с таким заголовком «The New York Times» опубликует материал, в котором Россия займет центральное место: «Военная деятельность России в Арктике и её обширные территориальные претензии к водам подчёркивают стратегический приоритет, который для этого региона установил Путин. Усиление конкуренции за природные ресурсы увеличило возможность конфронтации, а аннексия Крыма в марте 2014 года сильно напрягла отношения с остальными постоянными членами Совета. <...> Министр иностранных дел России Сергей Лавров, присутствовавший на последнем заседании совета в Швеции два года назад, отказался присутствовать на этом заседании. <...> Многие подозревали, что его решение было принято в отместку за резкую критику Канадой действий Кремля на Украине и бойкот встречи по арктическим проблемам в России»²⁵.

В 2015 г. президент Барак Обама отправляется в путешествие на Аляску, что вызывает появление в газете впервые с 2001 г. крупного аналитического материала о роли США в Арктике. Этот текст невероятно важен, поскольку в нём впервые заявлены потенциальные «соперники» (именно это слово использует издание) США в Арктике, список которых возглавляют Россия (в тексте перечислены главные российские базы Арктики, а также ледоколы в точном количестве), а также Китай, Южная Корея и Сингапур. В этом контексте в издании вспомнили холодную войну, «когда Соединенные Штаты и Советский Союз столкнулись друг с другом в Арктике и за её пределами». Таким образом, подобно российскому арктическому дискурсу, в американском проявляется аспект на национальное развитие в регионе: «Когда Россия вводила Спутник в космическое пространство, мы с огромным увлечением сидели с

²³ Preventing An Arctic Cold War // The New York Times. 2013. 13 March.

²⁴ Preventing An Arctic Cold War // The New York Times. 2013. 13 March.

²⁵ Arctic Council Meets in Shadow of Tension on Russia // The New York Times. 2015. 25 April.

нашими руками в кармане и говорили: «Хорошо для Матери-России», — цитирует СМИ эксперта²⁶.

Международная кооперация по вопросам освоения Арктики в контексте геополитической темы

В 2009 г. ярко выраженная состязательность арктического медиадискурса США ослабевает. В СМИ заметна тенденция к международной кооперации: освещаются международные соглашения, в частности, ограничение рыбной ловли в Арктике. Международное сотрудничество в Арктике обозревается в позитивном ключе (например, это отражено в заголовке «Арктический круг друзей» в материале о международной кооперации по потеплению в Арктике²⁷).

Милитаристические настроения в арктическом дискурсе спали, иностранные перспективы на Северный Морской Путь освещаются нейтрально²⁸. Стоит отметить, что американские цели в Арктике особенно не выделяются. Международная кооперация, причём иногда даже подаваемая в историческом контексте, — главное, что отражает этот период.

Российская Федерация после 2007 г. навсегда закрепила в информационном дискурсе США как особый арктический игрок. «The New York Times» после 2008 г. освещает российскую деятельность в Арктике в контексте международной кооперации. В 2010 г., например, издание освещает российско-британское сотрудничество в Арктике (соглашение с британским нефтяным гигантом «BP») и через эту тему издание обращается к политике России и её внутренним проблемам,²⁹ но освещая их в 2010 г., СМИ не допускает широкой критики власти, хотя и предполагает её. Главное, что СМИ объективно представляет точку зрения самой России, цитируя российских экспертов без собственных комментариев.

Непонимание со стороны США вызвали действия России и Норвегии после заключения договора 2010 г. После 2010 г. к международному сотрудничеству в Арктике журналисты почти не возвращаются, в 2012 г. лишь один материал был посвящён этой теме. Он касается роли Китая в арктической гонке: «Кажется, каждый сегодня пытается протолкнуться в пространство тающей Арктики, включая Китай, у которого нет арктической территории»³⁰. В 2013 г. журналисты продолжают тему материалом «Китай стучится в исландскую дверь»³¹, где в выводах заявляют о необходимости сотрудничества США с Исландией и Норвегией.

Таким образом, арктический дискурс в издании The New York Times и его тематическое разнообразие можно разделить на несколько этапов. Для наглядности и упрощения понимания представим их в таблице.

²⁶ U.S. Is Playing Catch-Up in Scramble for the Arctic // The New York Times. 2015. 30 August.

²⁷ An Arctic Circle of Friends // The New York Times. 2009. 28 March.

²⁸ Arctic Shortcut, Long a Dream, Beckons Shippers as Ice Thaws // The New York Times. 2009. 11 September.

²⁹ Russia Embraces Arctic Drilling // The New York Times. 2011. 16 February.

³⁰ China and the Northern Rivalry. The New York Times, 2012, 5 October.

³¹ China Knocks on Iceland's Door. The New York Times. 2013, 13 March.

Таблица 1

Ведущие темы в арктическом медиадискурсе США

Этап (годы)	Ведущая тема	Особенности
2001–2006	Ресурсоразработка и климатические изменения в Арктике	Споры о преимуществах ресурсоразработки на Аляске для экономики США в противовес последствиям для экологии региона и сохранению американской Арктики как национального заповедника.
2007–2008	Геополитическая картина в Арктике	Интерпретация установки российского флага на дне Северного Ледовитого океана и оживление международного интереса в регионе, анализ перспективы для разных государств в Арктике.
2009–2010	Международное сотрудничество	Освещение международной кооперации по Арктике, информирование читателей о различных арктических проектах, оценка последствий арктического партнёрства.
2011–2018	Климатические изменения и ресурсоразработка в Арктике	В фокусе внимания — таяние льдов в Арктике, оценка последствий глобального потепления, а также риски и преимущества ресурсоразработки на Аляске.

Заключение

В 2001–2005 гг. в «The New York Times» активно звучат всего две арктические темы: целесообразность бурения нефти на Аляске (т.е. на арктической территории США) и проблема климатических изменений в Арктике. Все остальные арктические вопросы в «The New York Times», например, редкие материалы, посвящённые народам Крайнего Севера, поднимаются в издании лишь в контексте этих ключевых тем.

В 2006 г. арктическая проблематика в газете стихает в связи с решением вопроса о бурении нефти на Аляске.

В 2007 г., напротив, арктический дискурс оживает и приобретает геополитическое звучание, что вызвано установкой 2 августа 2007 г. российского флага в Арктике на дне Северного Ледовитого океана в рамках российской экспедиции «Арктика—2007». В связи с неоднозначным восприятием этого российского жеста западными политиками, событие и создаёт информационные поводы для дальнейшего геополитического направления арктического медиадискурса. Заголовки арктических материалов в «The New York Times» постепенно приобретают международную проблематику, авторы используют различные речевые средства для выражения агрессии.

В 2007 г. впервые широко освещаются претензии других государств в Арктике и необходимость защиты суверенитета США в Арктике. Стоит отметить, что, судя по содержанию материалов, США не называют своих однозначных арктических союзников — о претензиях Канады в Арктике пишут нейтрально, хотя останавливают на них внимание, а арктическую политику России и Норвегии (особенно после заключения договора в 2010 г.), осуждают за жадность в вопросах нефтедобычи. Однозначно можно сказать, что Россия предстаёт в дискурсе США как особый арктический игрок. Если арктической политике других стран газета уделяет внимание лишь изредка, то Российская Федерация упоминается порой даже в заголовках материалов, что можно объяснить настороженным отношением американской общественности к российской политике в целом.

Статус России как особого арктического игрока складывается и в контексте освещения темы развития российской Арктики и сравнения с развитием того же региона США — тем самым проявляется состязательность американского информационного дискурса. Как особый арктический игрок в СМИ предстаёт и Китай, который, однако, является лишь наблюдателем в Арктическом Совете. Тем не менее, американцы посвящают несколько материалов деятельности Китая в Арктике.

После 2007 г. геополитический аспект арктического дискурса в «The New York Times» сохранится, установка российского флага в Арктике стала поворотной точкой в освещении арктической проблематики. Однако с потерей острой актуальности во втором десятилетии XX в. американцы вновь обращаются к проблемам ресурсоразработки на Аляске и климатическим изменениям в Арктике как к основным арктическим темам.

Литература

1. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования. Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). Выпуск 6. С. 13–22.
2. Чевозерова Г.В. Информационная политика СМИ. ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 206–213.
3. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. Москва: Аспект-Пресс, 2002. 351 с.
4. Rowe E. A dangerous space? Unpacking state and media discourses on the Arctic. Norwegian Institute of International Affairs. Polar Geography. 2012. Pp. 1–12.
5. Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2010. 399 с.
6. Posluns M., Hodgins B.W., Osborne S.L, Karram K., Coates K.S. The Dundurn Arctic Culture and Sovereignty Library. Dundurn Press Limited, 2014.
7. Flake L.E. Contextualizing and disarming Russia's arctic security posture. Center for Strategic Intelligence Research (CSIR), US National Intelligence University, Washington, DC, United States, 2017.
8. Trump B.D., Kadenic M., Linkov I. A sustainable Arctic: Making hard decisions. Arctic, Antarctic, and Alpine Research. 2018. № 50 (1).
9. Heininen L., Finger M. The "Global Arctic" as a New Geopolitical Context and Method. Journal of Borderlands Studies. 2017. № 33 (2). Pp. 199–202.
10. Misje A.S. Russian hegemony in the Arctic space? Contesting the popular geopolitical discourses. California State University, Fullerton, ProQuest Dissertations Publ., 2012.
11. Pincus R., Ali S.H. Have you been to "The Arctic"? Frame theory and the role of media coverage in shaping Arctic discourse. Polar Geography. 2016. № 39 (2). Pp. 83–97.
12. Булатова Е.И. Средства вербальной агрессии как инструмент информационных войн (на примере Арктического медиадискурса). Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Ч. 1. № 8. С. 88–90.
13. Быков А.Ю. Современные тренды медиарынка Соединенных Штатов Америки // Зарубежная журналистика в 2011 году: сб. статей / Под ред. А.С. Пую, Е.С. Георгиева. СПб.: СПбГУ, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2012. С. 13–21.

References

1. Kozhemyakin Ye.A. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass communication and media discourse: toward methodology]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities Sciences], 2010, no. 12 (83), pp. 13–22.
2. Chevozerova G.V. Informatsionnaya politika SMI [Information policy in the mass media]. *VYESTNIK VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Scientific Journal of Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2011, no. 1, pp. 206–213.

3. Prokhorov Ye.P. *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki* [Introduction to the theory of journalism]. Moscow, Aspekt-Press, 2002. 351 p. (In Russ.)
4. Rowe Ye. A dangerous space? Unpacking state and media discourses on the Arctic. Norwegian Institute of International Affairs. *Polar Geography*, 2012, pp. 1–12.
5. Lukin Yu.F. *Velikiy peredel Arktiki* [Great Re-Partition of the Arctic]. Arkhangelsk: NArFU Publ., 2010. 399 p. (In Russ.)
6. Posluns M., Hodgins B.W., Osborne S.L., Karram K., Coates K.S. *The Dundurn Arctic Culture and Sovereignty Library*. Dundurn: Dundurn Press Limited, 2014. 3128 p.
7. Flake L.E. *Contextualizing and disarming Russia's arctic security posture*. Center for Strategic Intelligence Research (CSIR). US National Intelligence University, Washington, DC, United States, 2017.
8. Trump B.D., Kadenic M., Linkov I. A sustainable Arctic: Making hard decisions. *Arctic, Antarctic, and Alpine Research*, 2018, no. 50 (1)
9. Heininen L., Finger M. The "Global Arctic" as a New Geopolitical Context and Method. *Journal of Borderlands Studies*, 2017, no. 33 (2), pp. 199–202.
10. Misje A.S. *Russian hegemony in the Arctic space? Contesting the popular geopolitical discourses*. California State University, Fullerton, ProQuest Dissertations Publ., 2012. 71 p.
11. Pincus R., Ali S.H. Have you been to "The Arctic"? Frame theory and the role of media coverage in shaping Arctic discourse. *Polar Geography*, 2016, no. 39 (2), pp. 83–97.
12. Bulatova E.I. Sredstva verbal'noj agressii kak instrument informacionnyh vojn (na primere Arkticheskogo mediadiskursa) [Means of verbal aggression as a tool of information wars (by the example of the arctic media discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Studies. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 8, pp. 88–90.
13. Bykov A. YU. Sovremennye trendy mediarynka Soedinennyh Shtatov Ameriki [Actual trends of the USA media market]. *Zarubezhnaya zhurnalistika v 2011 godu: sb. statej* [Foreign Journalism in 2011: proceedings]. Ed. by A.S. Puyu, E.S. Georgiev. Saint Petersburg: SPBU, School of Journalism and Mass Communications Publ., 2012, pp. 13–21. (In Russ.)

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова
Authors, titles, abstracts, and keywords

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

КАЛИНИНА М.Р., КОНДРАТОВ Н.А. Инновационный вектор конкурентоспособности стран Северной Европы: опыт Швеции

KALININA M.R., KONDRATOV N.A. The innovative vector of the Nordic countries' competitiveness: case of Sweden

Аннотация. Инновации и конкурентоспособность — одни из ключевых тем исследований в социально-экономической и гуманитарной сферах. В статье рассматриваются особенности инновационной политики в Швеции, одной из динамично развивающихся стран Северной Европы, что подтверждается положением этой страны в глобальных рейтингах инновационной деятельности и конкурентоспособности. Показано, что положение Швеции обусловлено использованием особенностей географического положения, применением модели «государства всеобщего благосостояния», особенностями взаимодействия государства, науки и бизнеса, реализацией научно-исследовательской политики, в которой важную роль играют университеты и научно-образовательные центры, участвующие в создании технологических кластеров. Дополнительную актуальность исследованию придает наличие разработанной в Швеции арктической стратегии, в которой заявлено, что «рост и конкурентоспособность на основе преодоления торговых барьеров», «научные исследования», «система образования», «международное сотрудничество в рамках Арктического Совета, ЕС и ООН» будут иметь ключевое значение для устойчивого социально-экономического развития государства. С практической точки зрения опыт Швеции по формированию инновационной экономики, в том числе в северных регионах, представляет интерес для российских приарктических регионов. Материал статьи может быть использован в учебно-образовательном процессе в вузах, актуален для государственных и научных работников, экономистов и географов, занимающихся вопросами прогнозирования и территориального развития северных регионов.

Ключевые слова: инновации, конкурентоспособность, исследования, Швеция, Арктика, международное сотрудничество.

Abstract. Innovation and competitiveness are among key research topics in the social, economic and humanitarian fields. This article describes specific aspects of innovation policy in Sweden, one of the dynamically developing Northern European countries. This development is confirmed by the position of the country in the global innovation and competitiveness rankings. It is shown that high position of Sweden arises from the successful use of its geographic location, the “welfare state” model put into practice, the effective interactions of the state, science, and business, the implementation of research policy, according to which universities and research, and educational centers, involved in technology clusters formation, play an important role. The existing Arctic strategy developed in Sweden adds relevance to the research. The Arctic strategy states that “growth and competitiveness based on overcoming trade barriers, research and education system, as well as on international cooperation within the Arctic Council, the EU and the UN” will have crucial significance for the sustainable social and economic development of the state. From a practical point of view, the Swedish experience in the formation of an innovation economy, which includes northern regions as well, is of interest for the Russian subarctic areas. The article can be used for the educational process at universities. It is relevant for civil servants and researchers, economists and geographers involved in forecasting and territorial development of the northern regions.

Keywords: innovation, competitiveness, research, Sweden, the Arctic, international cooperation.

ЛИПИНА С.А., ЧЕРЕПОВИЦЫН А.Е., БОЧАРОВА Л.К. Предпосылки формирования минерально-сырьевых центров в опорных зонах развития в Арктической зоне Российской Федерации
LIPINA S.A., CHEREPOVITSYN A.E., BOCHAROVA L.K. The preconditions for the formation of mineral and raw materials centers in the support zones of the Arctic zone of the Russian Federation

Аннотация. Новая редакция государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны» и проект закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» обозначили основным инструментом развития Арктики опорные зоны. Их главной задачей, согласно указанным документам, выступает освоение минерально-сырьевых центров (МСЦ) в Арктической зоне России, привлечение инвестиций, развитие Северного морского пути и развитие энергетической инфраструктуры. Поэтому выделение перспективных минерально-сырьевых центров в опорных зонах АЗРФ является актуальной задачей. На основе актуализации сведений о ресурсном потенциале Арктической зоны России можно сформировать пул перспективных МСЦ, развитие и поддержка которых должны быть в фокусе государственной политики в этом регионе. Не менее важным при этом является и анализ ключевых рисков, таких как финансовый, строительный и геологический, которые возникают при создании и разработке минерально-сырьевых центров и оказывают существенное влияние на рентабельность таких проектов. В работе предложен ряд показателей, оценивающих макроэкономический, социальный, геополитический и инновационный эффекты, возникающие при разработке МСЦ, и которые целесообразно положить в основу оценки социально-экономической эффективности реализации проектов МСЦ в опорных зонах. Кроме того, необходимо учитывать социально-экономическую значимость проектов МСЦ и влияние их результатов на жизнь населения. При выделении и создании минерально-сырьевых центров авторами предлагается использование кластерного подхода в качестве основного. Такие кластеры будут выступать опорными точками в пространственной организации региональной экономики и позволят достичь максимального мультипликативного эффекта. В заключение на основании проведенного анализа авторами сформулированы основные принципы реализации проектов МСЦ, к которым отнесены: формирование единой программы геологоразведки, совместное освоение близлежащих месторождений, а также формирование комплексных социально-экономических эффектов для территорий освоения.

Abstract. The new version of the state program “Social and economic development of the Arctic zone” and the draft law “On the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation” have designated support zones as the main instrument for the development of the Arctic. Their main task, according to the specified documents, is the development of mineral and raw materials centers (MRCs) in the Arctic zone of Russia, attraction of investments, development of the Northern Sea Route and development of energy infrastructure. Therefore, the selection of promising mineral and raw materials centers in the support zones in the Russian Arctic is an urgent task. By actualization of information on the resource potential of the Arctic zone of Russia, it is possible to form a list of prospective MRCs, the development and support of which should be in the priority focus of public policy in this region. Equally important is the analysis of key risks such as financial, construction and geological risks that arise when creating and developing mineral resource centers and have a significant impact on the profitability of such projects. The paper suggests some indicators that assess the macroeconomic, social, geopolitical and innovative effects that arise in the development of MRCs and which should be used for evaluating the social and economic impacts of MRC projects in support areas. Also, it is necessary to take into account the social and economic importance of MRC projects and the impact of their results on the life of the population. As the primary approach in the selection and creation of mineral resource centers, the authors propose the use of the cluster approach. Such clusters will act as pivots in the spatial organization of the regional economy and will achieve the maximum multiplicative effect. In conclusion, based on the analysis, the authors formulated the main principles for the implementation of MRC projects, which include: the formation of a single geological exploration program, the joint development of nearby deposits, and the formation of complex socio-economic effects for the exploration areas.

Ключевые слова: минерально-сырьевой центр, Арктическая зона Российской Федерации, опорная зона, кластер, оценка социально-экономической эффективности МСЦ, мультипликативный эффект.

Keywords: mineral resource center, the Arctic zone of the Russian Federation, support zone, cluster, evaluation of social and economic impacts of MRCs, multiplicative effect.

САННИКОВА Я.М. Традиционное хозяйство Якутии и АПК «Север»: организационно-управленческие решения второй половины 1980-х — 1991 гг.

SANNIKOVA Ya.M. The traditional economy of Yakutia and AIC "Sever": organizational and managerial decisions of the second half of the 1980s — 1991

Аннотация. На основе архивных документов, вводимых в научный оборот, автор рассматривает региональный опыт организационно-управленческой деятельности по отношению к хозяйствам Севера Якутии специально созданного агропромышленного комбината. На освещаемый период управленческой деятельности АПК «Север» в 1989–1991 гг. определяющими в развитии северных хозяйств стали организационные процессы разукрупнения совхозов и начала реорганизации форм хозяйствования. В конце 1990 г. были официально впервые официально декларированы решения комбината о переходе хозяйств на рыночные отношения. В то же время реальное социально-экономическое положение хозяйств уже стало иметь тенденцию к ухудшению положения дел, в том числе к уменьшению количественного показателя — сокращению поголовья в хозяйствах изучаемых районов. Как видно из документов, особенную обеспокоенность справедливо вызывало состояние домашнего оленеводства — ведущего хозяйственного направления на Севере.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, АПК «Север», северные районы Якутии.

Abstract. On the basis of archival documents entered into scientific circulation, the author considers the local experience of organizational and management activities in relation to the farms of the North of Yakutia within a specially created agro-industrial complex (AIC). In the considered period of the AIC "Sever" activities, in 1989-1991, organizational processes of unbundling of state farms and the beginning of reorganization of management were decisive. At the end of 1990s, for the first time, decisions on transition to market relations were officially declared by the AIC. At the same time, the real social and economic situation of farms had already begun to show the deterioration, incl. a decrease in the quantitative indicator — reduction in the number of farms in the studied areas. As it is in the documents, the state of home reindeer husbandry, the leading economic sector in the North, was of a particular concern.

Keywords: traditional economy, the agro-industrial complex "Sever", Yakutia.

ТЕРЕЩЕНКО Е.Ю. Динамика развития приграничного туризма в Баренцевом Евро-Арктическом регионе

TERESHCHENKO E.Yu. Dynamics of border tourism in the Barents Euro-Arctic Region

Аннотация. В статье рассматриваются основные виды и характеристики приграничного туризма в странах БЕАР (Баренцева Евро-Арктического региона), приводятся официальные статистические данные о количестве поездок, результаты исследования туристской мотивации и выявляется положительная динамика развития приграничного туризма. Материалы текущего исследования включают обзор и сравнительный анализ с данными, полученными в ходе исследовательских сессий начиная с 2013 года в рамках международной программы «Бакалавр приполярных/северных исследований». По данным анкетирования, в Баренцевом регионе

Abstract. The article discusses the main types and characteristics of border tourism in the countries of the Barents region. It provides official statistics on the number of trips, the results of tourist motivation study and reveals the positive dynamics of border tourism development. The materials of the current study include a review and comparative analysis with data obtained during research sessions since 2013 within the framework of the international program *Bachelor of Northern Studies*. According to the survey, the Barents region has a great potential for the development of tourism and positive motivation that contributes to international contacts. An analysis of the border tourism

существует большой потенциал развития туризма, положительная мотивация способствует реализации международных контактов. Анализ динамики развития приграничного туризма показал увеличение спроса на рынке туристических услуг, необходимость создания программ, ориентированных на потребности целевой аудитории покупателей, активное продвижение российского турпродукта на международном рынке.

Ключевые слова: Баренцев Евро-Арктический регион, приграничный туризм, Мурманская область.

ШИШАЦКИЙ Н.Г. Перспективы развития северных и арктических районов в рамках мегапроекта «Енисейская Сибирь»

SHISHATSKY N.G. The prospects of the Northern and Arctic territories and their development within the Yenisei Siberia megaproject

Аннотация. В настоящей статье проанализированы основные предпосылки и направления освоения северных и арктических районов Красноярского края на основе создания надёжной региональной транспортной и энергетической инфраструктуры и формирования высокотехнологичных и конкурентоспособных территориальных кластеров. Проанализированы как современные (создание нового крупного горно-обогатительного комбината в Норильском промышленном районе; освоение Усть-Енисейской группы нефтегазовых месторождений; газификация Красноярской агломерации на основе ресурсов попутного газа Эвенкии; реновация ЖКХ Норильской агломерации; развитие арктического и северного туризма др.), так и ранее рассматривавшиеся, но отклонённые по ряду причин проектные предложения по развитию региона (строительство крупной ГЭС на Нижней Тунгуске; освоение Порожинского марганцевого месторождения; размещение в районе Нижнего Приангарья выносных металлургических предприятий, работающих на норильских рудах; строительство меридиональной Енисейской железной дороги и др.). Показано, что в новых условиях целесообразно вернуться к рассмотрению этих проектов с использованием современных технологий и организационных подходов. Прежде всего, имеется в виду формирование в районах Севера и Арктики локально-интегрированных региональных производственных систем и сетей, обеспечивающих взаимодействие и кооперирование топливно-сырьевого, перерабатывающего и инновационного секторов. При этом создаваемая в добывающих и перерабатывающих отраслях добав-

development dynamics has shown an increase in the demand in the tourism services market, the necessity to create programs focused on the needs of the target audience of buyers, and the active promotion of Russian tourism in the international market.

Keywords: Barents Euro-Arctic region, border tourism, Murmansk region.

Abstract. The article considers the main prerequisites and the directions of development of Northern and Arctic areas of the Krasnoyarsk Krai based on creation of reliable local transport and power infrastructure and formation of hi-tech and competitive territorial clusters. We examine both the current (new large mining and processing works in the Norilsk industrial region; development of Ust-Eneysky group of oil and gas fields; gasification of the Krasnoyarsk agglomeration with the resources of bradenhead gas of Evenkia; renovation of housing and public utilities of the Norilsk agglomeration; development of the Arctic and northern tourism and others), and earlier considered, but rejected, projects (construction of a large hydroelectric power station on the Nizhnyaya Tunguska river; development of the Porozhinsky manganese field; placement of the metallurgical enterprises using the Norilsk ores near Lower Angara region; construction of the meridional Yenisei railroad and others) and their impact on the development of the region. It is shown that in new conditions it is expedient to return to consideration of these projects with the use of modern technologies and organizational approaches. It means, above all, formation of the local integrated regional production systems and networks providing interaction and cooperation of the fuel and raw, processing and innovative sectors. At the same time, the added value of the extracting and processing industries is localized in the area and will be mobilized for the purposes of high-performance technical and infrastructure base of the regional economy. The specified effect promotes economic development and leads to diversification of the monoprofile economy of the northern and Arctic regions. The provisions of the article

ленная стоимость локализуется в регионе и мобилизуется на цели формирования высокопроизводительной материально-технической и инфраструктурной базы региональной экономики. Указанный эффект содействует экономическому развитию и приводит к диверсификации монопрофильной экономики северных и арктических регионов. Изложенные в статье положения и предложения могут рассматриваться как элементы будущей стратегии развития северных и арктических территорий Красноярского края. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки и формирования долгосрочных и среднесрочных инвестиционных программ на государственном и муниципальном уровнях управления, а также в стратегиях развития промышленных, транспортных и энергетических корпораций.

Ключевые слова: северные и арктические регионы, макрорегион «Енисейская Сибирь», региональная политика, стратегическое планирование, инвестиционные проекты, транспортная и энергетическая инфраструктура, реновация арктических городов, арктический туризм, территориально-производственные кластеры.

and its suggestions can be considered as elements of the future development strategy for the Northern and Arctic territories of the Krasnoyarsk Krai. Results of the research can be used for adjustment and formation of long-term and medium-term investment programs at the state and municipal levels of management and also in development strategies of industrial, transport and power corporations.

Keywords: northern and Arctic regions, macroregion "Yenisei Siberia", regional policy, strategic planning, investment projects, transport and power infrastructure, renovation of the Arctic cities, Arctic tourism, territorial and production clusters.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

ДЕМЕНЕВ А.Г., ШУБИНА Т.Ф., ШУБИНА П.В., НЕНАШЕВА М.В., МАКУЛИН А.В., ТАРАСОВ И.А. Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области

DEMENEV A.G., SHUBINA T.F., SHUBINA P.V., NENASHEVA M.V., MAKULIN A.V., TARASOV I.A. Public participation in planning a comfortable urban environment: case of the Arkhangelsk region

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта общественного участия в планировании комфортной городской среды. На примере Архангельской области рассмотрены формы общественного участия в проекте по формированию комфортной городской среды и их реализация на практике. С использованием метода комплексного анализа теории и практики публичных коммуникаций в статье приведена качественная оценка вовлечения общественности в процесс благоустройства городов. Показано, что существующие способы взаимодействия власти и горожан представляют собой односторонний процесс и зачастую сводятся к формальному исполнению муниципалитетами требований нормативно-правовых актов, регулирующих реализацию проекта по формированию комфортной городской среды. Для повышения эффективности механизмов общественного участия авторы предлагают разработать ком-

Abstract. The article analyzes the experience of public participation in the planning of a comfortable urban environment. The forms of public involvement in the formation of a comfortable urban environment and their implementation are considered on the example of the Arkhangelsk region. The method of complex analysis of the theory and practice of public communications helps the article to present a qualitative assessment of public involvement in the improvement of the urban environment. It is shown that the existing methods of interaction between the authorities and citizens represent a one-sided process and often they are reduced to the formal fulfillment of legal requirements by municipalities. To improve the efficiency of public participation, the authors propose to develop a communicative model of urban space management based on constant interaction between municipal authorities and citizens. This model will allow estab-

муникативную модель управления городским пространством на основе постоянного взаимодействия муниципальных органов власти и горожан. Такая модель позволит наладить диалог между всеми заинтересованными сторонами, что в конечном итоге приведёт к успешной реализации программы благоустройства и повышению качества жизни граждан.

Ключевые слова: *комфортная городская среда, городское пространство, городское сообщество, коммуникативное управление, гражданское общество, общественное участие.*

РЕПНЕВСКИЙ А.В., ЗАРЕЦКАЯ О.В., РЕУТОВА А.А., ПОДОПЛЕКИН А.О., ТОПТУНОВ А.А. Три жизни консульства Норвегии в Архангельске

REPNEVSKIY A.V., ZARETSKAYA O.V., REUTOVA A.A., PODOPLEKIN A.O., TOPTUNOV A.A. Three Lives of the Norwegian Consulate in Arkhangelsk

Аннотация. В статье изучена начавшаяся в 1815 г. и длящаяся с временными интервалами по настоящее время история норвежского консульства в Архангельске. История консульства проанализирована с позиций выявления коренных отличий в деятельности каждого из трёх периодов (жизней) консульств. В этом, в частности, состоит новизна проделанной научной работы. Причём первые две жизни (1815–1920 и 1924–1939 гг.) представлены как предыстория к более подробному рассмотрению оснований создания, приоритетов в работе, успехов и некоторых неудач современного – третьего по счёту консульства, воссозданного в Архангельске в 2010 г. и носящего статус «почётного». В статье уделено внимание и персональному фактору — жизненному пути первого и ныне действующего почётного консула Андрея Александровича Шалева. Его деятельность обсуждалась в основном только в средствах массовой информации областного масштаба и не подвергалась научному анализу. Даже фактический материал о проведённых почётным консульством мероприятиях не собран и не систематизирован, хотя обладает актуальностью, так как касается интересов тысяч жителей области. Авторы полагают, что в данной статье они только наметили те направления в изучении консульств, которые заслуживают внимания.

Ключевые слова: *консульства (генеральное, почётное), Баренцев Евроарктический регион, Норвежский Баренцев секретариат, русско-норвежские отношения, трансграничные связи, торговые и экономические отношения, культурные, образовательные, научные программы, санкции, конкуренция.*

lishing a dialogue between all stakeholders, which will ultimately lead to the successful implementation of the urban environmental program and improve the quality of life of citizens.

Keywords: *comfortable urban environment, urban space, urban community, communication management, civil society, public participation.*

Abstract. The article is devoted to the history of the Norwegian Consulate in Arkhangelsk, which began in 1815 and has continued to the present time. The history of the Consulate is analyzed from the standpoint of identifying the fundamental differences in the activities in each of the three periods (lives) of the Consulate. This, in particular, is the novelty of the research. Moreover, the first two lives (1815–1920 and 1924–1939) are presented as a background to a more detailed study of the prerequisites for creation, priorities in work, successes and some failures of the modern one - the third Consulate reopened in Arkhangelsk in 2010 and has the status of “Honorary”. The authors pay attention to the personal factor - the life path of the first and current honorary consul Andrei Alexandrovich Shalev. His activity was mainly discussed in regional mass media and was not subjected to research analysis. Even the actual material about the events held by the honorary consulate was not collected and not systematized, although it has relevance, as it concerns the interests of thousands of residents of the region. The authors believe that in this article they only outlined those directions in the study of consulates that deserve attention.

Keywords: *consulates (General, honorary), Barents Euro-Arctic region, Norwegian Barents Secretariat, Russian-Norwegian relations, cross-border relations, trade and economic relations, cultural, educational, scientific programs, sanctions, competition.*

ХАУГСЕТ П. Сценарии Крайнего Севера и субнациональные реалии: политика и практика в приграничной зоне Норвегии и России

HAUGSETH P. High North scenarios and subnational realities: policies and practices in the Norwegian-Russian border zone

Аннотация. Мы видим проявления множества региональных изменений в норвежско-российской пограничной зоне, особенно в результате сотрудничества в Баренц-Евроарктическом регионе (БЕАР). Поселения и города этой региональной периферии двух национальных государств являются более открытыми как в социальном отношении, так и в контексте расширения трансграничного сотрудничества (ТС) и сетевого взаимодействия. В настоящей статье автор рассказывает о некоторых пограничных изменениях, следуя за общей тенденцией к росту заинтересованности в северных территориях. Кроме того, он также анализирует точки зрения относительно результатов выработки политических стратегий, взаимодействия на государственном и субгосударственном уровнях, а также пути, которые, в конечном счёте, изменили динамику соотношения «центр — периферия». Подход к оценке взаимодействия внутривнутриполитических и внешнеполитических инструментов выработан под влиянием работ о «субгосударственной дипломатии», в которых подчёркивается развитие взаимодействия государства и субгосударства в качестве эффективных инструментов сотрудничества, выходящего за пределы национальных границ. Эффективность этого частично регионального взаимодействия анализируется эмпирически, что приближает к различным контекстам и дискуссиям о развитии Крайнего Севера, которые существуют с 2008 г. в арктических окраинах Норвегии и России. Новые политические обязательства, представленные в официальных документах (брендинг Крайнего Севера) на государственном уровне, предусматривают перенос новых индустриально-экономических High-Tech сценариев с государственного на местный уровень. Среди них: новые пограничные визовые режимы, пограничные форумы, а также инвестиции в улучшение дорог, инфраструктуру и транспортную рационализацию. Оценивая эти политические моменты и их результаты, можно увидеть ряд индикаторов современного геополитического и экономического потенциала региона и местных и региональных реалий. На основе представленного эмпирического материала автор делает вывод о том, что субгосударственные правительства зависят от государственного уровня в ходе текущих дискуссий о трансграничном сотрудничестве.

Abstract. As the world was becoming more interdependent, with increased global awareness of the northernmost parts of the world, both the Norwegian and Russian governments showed more political commitment to and interest in new forms of region-building and development in the High North from 2006 and onwards. Today, more than ten years later, many regional changes are evident in the Norwegian-Russian border zone, as a consequence of expanded people-to-people contacts in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR). In this peripheral border area between two national states, villages and cities have become more open, both sociologically and legally for increased cross border cooperation (CBC) and networking. In this article I will take stock of some of these borderland openings following on from the consequence of the two nations' rising levels of interest in the High North. It explores the ways in which (inter-)national policymaking and state-substate interactions ultimately altered centre-periphery dynamics. This article has based its approach to understanding the interplay of domestic and foreign policy instruments on the 'substate diplomacy' literature, which argues that increased state-substate interactions constitute an efficient instrument for extending cooperation beyond national state borders. The efficiency of regionally driven substate interactions is discussed from an empirical perspective. The present study analyses various High North development contexts and discourses (effective from 2008) in the Arctic borderland between Norway and Russia. The new political commitments presented in state-level official documents (the branding of the High North) envisioned a transference of new industrial-economic high tech scenarios from state to local level. These scenarios included new borderland visa regimes, co-existing with cross-border forums investments in improvements of roads, infrastructure, and transport rationalisations. The present article briefly assesses these policy rationales and their outcomes, revealing the region's contemporary geopolitical and economical potential, as well as local and regional realities. The findings show that substate governments and stakeholders are able to operate in demanding trans-border contexts, contribute to ongoing contemporary CBC discussions, and complement national and state-level efforts by using their regional expertise to solve problems.

Ключевые слова: политика на Крайнем Севере, Баренцев-Евроарктический регион, норвежско-российские двусторонние отношения, государственная — субгосударственная дипломатия, трансграничное сотрудничество, местный приграничный трафик, приграничный туризм.

Keywords: High North politics, Barents Euro-Arctic Region, Norwegian-Russian bilateral relations, state-substate diplomacy, cross-border cooperation, local border traffic, borderland tourism.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

МАКСИМОВ А.М., УХАНОВА А.В., СМАК Т.С. Социокультурные и социально-психологические факторы предпринимательского потенциала в российской Арктике

MAKSIMOV A.M., UKHANOVA A.V., SMAK T.S. Sociocultural and socio-psychological factors of entrepreneurial potential in the Russian Arctic

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы зависимости предпринимательского потенциала населения от ценностных ориентаций, понимаемых как поведенческие императивы той или иной культуры. В тексте статьи предпринимательство рассматривается прежде всего как социально-психологическое и социокультурное явление. Предпринимательство как социально-психологический феномен рассмотрено в свете теорий поведенческой экономики; как социокультурный — с опорой на исследовательскую традицию, заложенную М. Вебером. Авторы постулируют тезис об определяющем характере влияния системы ценностей, доминирующей в определённом обществе, на уровень предпринимательского потенциала. Авторами кратко изложены основные подходы к измерению ценностей в социальных науках, в частности, подходы М. Рокича, Р. Инглхарта, Г. Хофстеде и Ш. Шварца. Представлена в общих чертах ситуация с развитием предпринимательства в регионах российской Арктики, показаны специфические проблемы, с которыми сталкивается бизнес на территориях Арктической зоны Российской Федерации. Подчёркивается уникальность российской Арктики как историко-культурного макрорегиона, на основе чего выдвигается гипотеза об особых социокультурных условиях развития арктического предпринимательства по сравнению с другими территориями страны, проявляющихся в первую очередь в специфической системе ценностных ориентаций. Предлагается синтез методологий М. Рокича, Р. Инглхарта и Ш. Шварца для комплексного изучения системы ценностей жителей Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательский потенциал, ценностные ориентации, поведенческая экономика, российская Арктика.

Abstract. The article discusses the theoretical problems of the entrepreneurial potential of the population on value orientations dependence, understood as the behavioral imperatives of a particular culture. The text of the article considers entrepreneurship primarily as a socio-psychological and sociocultural phenomenon. Entrepreneurship as a socio-psychological phenomenon is considered in the context of theories of behavioral economics, but as a sociocultural — based on the research tradition established by M. Weber. The authors postulate a thesis on the determining nature of the influence of the value system that dominates in a particular society on the level of entrepreneurial potential. The authors briefly set out the main approaches to the measurement of values in the social sciences, in particular, the approaches of M. Rokeach, R. Inglehart, G. Hofstede, and S. Schwartz. The situation with the development of entrepreneurship in the regions of the Russian Arctic is presented in general terms, the specific problems that businesses face in the Arctic zone of Russia are shown. The uniqueness of the Russian Arctic as a cultural macro-region is emphasized, on the basis of that a hypothesis is put forward about the special sociocultural conditions for the development of Arctic entrepreneurship compared to other territories of the country, manifested primarily in a specific system of values. Authors propose a synthesis of the methodologies M. Rokeach, R. Inglehart and S. Schwartz for a comprehensive study of the Russian Arctic' inhabitants value system.

Keywords: entrepreneurship, entrepreneurial potential, value orientations, behavioral economics, the Russian Arctic.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

АВДОНИНА Н.С., ДОЛГОБОРОВОВА С.О. Освещение геополитической проблематики в контексте темы освоения Арктики в американском медиадискурсе (на примере материалов газеты «The New York Times»)

AVDONINA N.S., DOLGOBORODOVA S.O. Covering geopolitical problems in the context of the Arctic exploration in the American media discourse (based on The New York Times content analysis)

Аннотация. Статья посвящена обзору геополитических проблем Арктического региона, представленных в современном американском медиадискурсе на примере материалов газеты «The New York Times». Данная газета является образцом классической американской журналистики, придерживающейся принципов объективности и аналитичности. В результате проведённого анализа можно отметить, что в период за 2001–2005 гг. в газете были активно представлены две арктические темы: целесообразность бурения нефти на Аляске и проблема климатических изменений в Арктике. С 2007 г. арктическая проблематика на страницах газеты вновь приобретает актуальное звучание в контексте именно геополитической проблематики, что связано с событием 2 августа 2007 г. — установкой российского флага на дне Северного Ледовитого океана. Освещение арктической темы осуществляется в контексте состязательности, а позднее — международного сотрудничества. В период с 2011 по 2018 гг. в фокусе американской газеты оказываются темы климатических изменений и ресурсной разработки в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, медиадискурс, арктический медиадискурс, геополитическая проблематика, американские СМИ, информационная политика.

Abstract. The article is based on a review of the geopolitical problems of the Arctic region, represented in the contemporary American media discourse on the example of the newspaper «The New York Times». The paper was chosen because it is an example of traditional American journalism, which adheres to the principles of objectivity. As a result of the analysis, the following trend was found – throughout 2001–2005 years the newspaper actively presented two Arctic issues: the feasibility of oil drilling in Alaska and the problem of climate change in the Arctic. Since 2007, the arctic problematics on the pages of newspapers became relevant in the context of geopolitical issues, which was connected to the event of August 2, 2007, namely the setting of the Russian flag in the Arctic Ocean. Coverage of the Arctic issues was carried out in the context of competition, and later – international cooperation. In the period from 2011 to 2018, the focus of the American newspaper was pointed out to the climate change and resource development in the Arctic.

Keywords: the Arctic, media discourse, Arctic media discourse, geopolitical problems, American mass media, informational policy.

Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), Ph.D. (география), адъюнкт-профессор (доцент) кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдалённых и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Дрегалю Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых ме-

- далее и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).
16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
 18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук (ИППЭС КНЦ РАН).
 19. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
 20. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
 21. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
 22. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 23. Титова Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 24. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 25. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
 26. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт».

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

30 марта 2018 года

Веб-версия доступна по ссылке:

<http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Благодарности Acknowledgments

Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север» выражает благодарность следующим людям, оказавшим значительную помощь редакции в 2018 г. своими рецензиями, консультациями, предложениями по развитию и улучшению журнала:

1. Авдони娜 Наталья Сергеевна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
2. Александрова Марина Александровна, Каспийский институт морского и речного транспорта.
3. Брагин Виктор Игоревич, Сибирский федеральный университет.
4. Врокберг Урбан, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Голубева Елена Ильинична, МГУ имени М.В. Ломоносова.
6. Грищенко Ирина Васильевна, Северное УГМС.
7. Журавель Валерий Петрович, Институт Европы РАН.
8. Задорин Максим Юрьевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
9. Зайков Константин Сергеевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
10. Каторин Игорь Вячеславович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
11. Кондратов Николай Александрович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
12. Конышев Валерий Николаевич, Санкт-Петербургский государственный университет.
13. Кузнецов Виктор Сергеевич, национальный парк «Русская Арктика».
14. Липина Светлана Артуровна, Совет по изучению производительных сил Министерства экономического развития России.
15. Лукин Юрий Федорович, редсовет журнала «Арктика и Север».
16. Маслобоев Владимир Алексеевич, Кольский научный центр РАН.
17. Минчук Олег Викторович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
18. Митько Арсений Валерьевич, Арктическая общественная академия наук.
19. Мякшин Владимир Николаевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
20. Петров Андрей Николаевич, Университет Северной Айовы.
21. Пилясов Александр Николаевич, АНО «Институт регионального консалтинга».
22. Питухина Мария Александровна, Петрозаводский государственный университет.
23. Плисецкий Евгений Евгеньевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
24. Поликин Дмитрий Юрьевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
25. Преминина Яна Клавдиевна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
26. Сабуров Александр Алексеевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
27. Савельев Иван Вячеславович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.

28. Савинов Леонид Вячеславович, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ.
29. Севастьянов Дмитрий Викторович, Санкт-Петербургский государственный университет.
30. Сергунин Александр Анатольевич, Санкт-Петербургский государственный университет.
31. Сизова Ирина Леонидовна, Санкт-Петербургский государственный университет.
32. Смирнов Андрей Владимирович, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН.
33. Смирнова Ольга Олеговна, Совет по изучению производительных сил Министерства экономического развития России.
34. Соколова Флера Харисовна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
35. Синицкая Наталья Яковлевна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
36. Титова Вера Эдуардовна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
37. Трошина Татьяна Игоревна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2018. № 33

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна.

Ответственный секретарь — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Котлова Екатерина Сергеевна.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: e.shepelev@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru/> — 27.12.2018

ARCTIC and NORTH, 2018, no. 33

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Executive secretary — Shepelev E.A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev.

Registration certificate El № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: "Arctic and North" journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: e.shepelev@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://www.arcticandnorth.ru/> on 27.12.2018